

ВЕСТНИК МГЛУ

**СЕРИЯ 1
ФИЛОЛОГИЯ**

№3 (52) / 2011

Серия основана в декабре 1996 года

Редакционная коллегия:

А.М. Горлатов (*главный редактор*),
З.А. Харитончик (*зам. главного редактора*),
П.В. Васюченко, Т.С. Глушак, Т.И. Голикова, Е.В. Зарецкая,
Г.Ф. Лепесская, С.Е. Кунцевич, В.В. Макаров, Т.Ф. Плеханова,
А.Н. Степанова, О.А. Судленкова

*Журнал «Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология»
включен Высшей аттестационной комиссией
в перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований*

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы общего и типологического языкознания

<i>Арцёмава В.А.</i> Рэпрэзентацыя локусу ў беларускай і англійскай фразеалогіі	5
<i>Самойлова И.Ю.</i> Глаголы <i>плакать</i> – <i>смеяться</i> как средство выражения внутреннего мира человека в поэзии И. Бродского	13
<i>Ячная Т.А.</i> Этапы формирования концепта на основе структуры ассоциативного поля.....	21

Романское и германское языкознание

<i>Быстрова Е.А.</i> Прагматический потенциал эпистемической модальности в художественном тексте (на материале романа М. Бютора «Изменение»)	31
<i>Кожарина Т.В.</i> Семантические изменения топонима в его движении от первичного значения ко вторичному.....	38
<i>Мосунова Н.И.</i> Образная основа фразеологизмов английского языка, обозначающих концепт “work/labour”	44
<i>Осмоловская И.Г.</i> Роль ненормативных конструкций и оборотов в рекламном текстообразовании (на материале немецкоязычной и русскоязычной коммерческой рекламы)	54
<i>Радикевич Н.С.</i> Варианты денотативной области оценки (на материале английского языка).....	67
<i>Сидоренко М.Н.</i> Комбинированная метафора и ее типы в системе имен существительных (на материале современного немецкого языка)	75
<i>Сытько А.В.</i> Семантические отношения разноуровневых средств в вопросах с эпистемическими предикатами (на материале немецкого языка)	84
<i>Хоменко Е.В.</i> Оценочные компоненты прагматических доминант как средства воздействия в разножанровых научных текстах	91
<i>Шабашева Л.А.</i> Определение количественности фразеологическими единицами (на материале французского языка).....	100
<i>Шитикова И.В.</i> Синтаксический параллелизм как явление с особым статусом в текстообразовании.....	107
<i>Яскевич В.В.</i> Фонетическая структура английской речи, обращенной к носителям языка.....	114

Литературоведение

<i>Бурдзялёва І.А.</i> Рэпрэзентацыя гістарычнай памяці ва “Успамінах” Евы Фялінскай.....	122
<i>Наши авторы</i>	131

CONTENTS

General and Typological Linguistics

<i>Artsiomava V.A.</i> The Representation of Locus in Belorussian and English Phraseology	5
<i>Samojlova I.Y.</i> The Verbs <i>to cry—to laugh</i> as Means of Expression of Man's Inner World in the Poetry by J. Brodsky.....	13
<i>Yachnaya T.A.</i> Stages of the Concept Formation on the Basis of the Structure of the Associative Field.....	21

General and Typological Linguistics

<i>Bystrova E.A.</i> The Pragmatic Potential of the Epistemic Modality in Literary Text (Based on M. Butor's Novel "La Modification")	31
<i>Kojarina T.V.</i> Toponym Semantical Transformations in Its Movement from the First to the Secondary Meaning	38
<i>Mossounova N.I.</i> Imagery of English Idiomatic Phrases Denoting Concept "Work/Labour"	44
<i>Osmolovskaya I.G.</i> Role of Substandard Constructions and Phrases in Advertising Texts.....	54
<i>Radikevich N.S.</i> Variants of the Denotational Field of Evaluation (Based on the English Language)	67
<i>Sidorenko M.N.</i> Combined Metaphor and its Types within the Nouns System (on the Material of the German Language)	75
<i>Sytko A.W.</i> Semantic Relations of Different Language Means in General Questions with Epistemic Predicates	84
<i>Khomenko E.V.</i> Evaluation Constituents of Pragmatic Dominants as Means of Impact in Scientific Texts of Different Genres	91
<i>Shabashova L.A.</i> The Quantity Determination by the French Phraseological Units	100
<i>Shytsikava I.W.</i> Syntactic Parallelism as the Phenomenon with a Special Status in Textbuilding.....	107
<i>Yaskevich V.V.</i> Phonetic Structure of English Foreigner Directed Speech.....	114

Studies in Literature

<i>Burdzialyova I.A.</i> Representation of Historical Recollections in "The Memoirs" by Eva Fialinskaya.....	122
<i>Our authors</i>	131

ОБЩЕЕ И ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

В.А. Арцёмава

РЕПРЕЗЕНТАЦЫЯ ЛОКУСУ
Ў БЕЛАРУСКАЙ І АНГЛІЙСКАЙ ФРАЗЕАЛОГІІ

Артыкул прысвечаны супастаўляльнаму аналізу рэпрэзентацыі локусу як фрагмента прасторавай карціны свету ў беларускай і англійскай фразеалогіі. Былі выяўлены агульныя рысы: локус утварае трохкампанентную прасторавую мадэль "боскі топас (верх) – зямны топас (прамежжавы) – дэманічны топас (ніз)", вылучаецца эматыўнасцю і ацэначнасцю, характарызуецца сінкрэтызмам боскага і дэманскага, паганскага і хрысціянскага пачаткаў і адлюстроўвае дуалістычны прынцып успрымання навакольнай рэчаіснасці чалавекам. Нацыянальна-спецыфічныя асаблівасці праяўляюцца ў міфалагізаванасці і сакральнасці локусу ў беларускай лінгвакультуры. Локус, рэпрэзентаваны англійскімі фразеалагізмамі, вылучаецца цэльнасцю і адлюстроўвае хрысціянскую культурную традыцыю ўспрымання прасторавых адносін.

Прастора – усеагульная форма існавання матэрыі, катэгорыя культуры і свядомасці чалавека. Аднак, па меркаванні псіхолагаў (А.Н. Лявонцьеў, У.П. Зінчанка) і лінгвістаў (М.У. Усеваладава, Я.Ю. Уладзімірскі, А. С. Кубракова, А.В. Краўчанка), прастора не ўспрымаецца чалавекам як адзінае цэлае, а паўстае ў яго свядомасці ў выглядзе дзвюх адносна аўтаномных сістэм бачання свету: *што*–сістэма і *дзе*–сістэма. *Што*–сістэма служыць распазнаванню і ідэнтыфікацыі аб'ектаў у полі зроку і забяспечвае назіранне за наваколлем. *Дзе*–сістэма вызначае адлегласць да аб'ектаў, якія знаходзяцца ў фокусе ўвагі, выяўляе іх месцазнаходжанне і дыстанцыю паміж імі і звязана з паняццем *локус* [1, с. 88–89].

Л о к у с (ад лац. *locus* 'месца') – адзін з фрагментаў прасторы, у адносінах да якога чалавек арыентуе або лакалізуе сябе ці навакольныя аб'екты. У больш шырокім сэнсе локусы вызначаюцца як «ландшафтныя ці рукатворныя стварэнні, якія з'яўляюцца ў тэкстах культуры рэгулярным месцам дзеяння і якія валодаюць сімвалічным значэннем, гэта значыць, злучаюць розныя сферы рэальнасці: свет дэнататаў (аб'ектыўная рэальнасць) і свет эмоцый і асацыяцый, што гэтымі дэнататамі выклікаюцца (псіхічная рэальнасць)» [2]. Даследаванню локусаў прысвечаны працы Ю.Н. Лотмана, С.Ю. Няклюдава, У.М. Тапарова, П.В. Васючэнкі, М.Л. Гаспарава (локусы ў мастацкай літаратуры), М.У. Усеваладавай і Я.Ю. Уладзімірскага (локусы як прасторавыя арыенціры), А.Л. Беразовіч і М.Н. Эпштэйна (локусы традыцыйнай культуры), В.Д. Шмялёва, А.С. Якаўлевай, З. Санько (этнаспецыфічныя локусы) і інш.

Асаблівая роля ў рэпрэзентацыі локусу належыць фразеалагізмам як вобразным адзінкам другаснай намінацыі, у семантыцы якіх, па меркаванні Б.А. Ларына, адлюстраваны характэрныя рысы светабачання пэўнага

этнасу [3]. Фразеалагізмы са значэннем месца ў славянскіх мовах даследуюцца ў працах П.А. Рэдзіна (украінская мова), Г.В. Саўчук, Н.А. Сабурвай, В.П. Ігнаценкі, В.П. Піваваравай, Т.М. Філаненкі (руская мова) і інш. У супастаўляльным аспекце фразеалагічныя адзінкі (ФА) з локуснай семантыкай вывучаюцца ў працах В.У. Бяскроўнай, М.Э. Ігнацьевай, І.М. Кузьміч (англійская і руская мовы) і інш. Беларускія ФА са значэннем месца ў супастаўленні з іншымі мовамі пакуль не станавіліся прадметам даследавання навукоўцаў. У сувязі з гэтым нам уяўляецца перспектыўным прааналізаваць і параўнаць успрымаемыя чалавекам локусы як фрагменты прасторавых пачуццёва-абстрактных мадэляў, захаваных ў беларускай і англійскай фразеалогіі. Іх супастаўленне дапаможа вылучыць у разнамоўных фразеалагічных сістэмах ўстойлівыя локусы, якія выходзяць за рамкі індывідуальнага, належаць свядомасці ўсяго этнасу і характарызуюць яго цэласнае ўспрыманне свету.

Прадметам нашага даследавання сталі 69 беларускіх і 120 англійскіх фразеалагічных адзінак з локуснай семантыкай у супастаўляльным аспекце, вылучаныя метадам суцэльнай выбаркі з беларускіх і англійскіх фразеалагічных слоўнікаў [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14]. Яны ўтвараюць бінарную апазіцыю «добрае, роднае, вядомае месца – дрэннае, чужое, невядомае месца».

У якасці крытэрыя адбору ФА намі быў выкарыстаны паказчык асвоенасці прасторы чалавекам. Апазіцыя *асвоенасць* (добрае, роднае, вядомае месца) – *неасвоенасць* (дрэннае, чужое, невядомае месца) з’яўляецца рэалізацыяй больш шырокай семантычнай апазіцыі *свой – чужы*, што, па меркаванні Т. Аліферчык, звязана з універсальнай формай дзейнасці чалавека ў адносінах да прасторы: яе асваенне – пераўтварэнне “чужой”, хаатычнай, “нячыстай” у “сваю”, касмічную, упарадкаваную, “чыстую” [15, с. 48].

Побач з катэгорыяй асвоенасці, апазіцыя «добрае, роднае, вядомае месца – дрэннае, чужое, невядомае месца» вербалізуе ацэнку локусаў носбітамі мовы. Характар стаўлення моўцы да локусаў звязаны са спецыфікай фразеалагічнага значэння, у якім, у адрозненне ад аднаслоўных прасторавых намінацый, на першы план выступае не дэнататыўна-сігніфікатыўны кампанент значэння, а канатацыйны, што праяўляецца ў экспрэсіўнасці, ацэначнасці і эмацыянальнасці ФА. Гэта асаблівасць фразеалагізмаў падмацоўваецца значным колькасным перавышэннем ФА са значэннем ‘дрэннае, чужое, невядомае месца’ над ФА са значэннем ‘добрае, вядомае, роднае месца’ як у беларускай, так і ў англійскай мовах: 17 беларускіх і 53 англійскіх ФА са значэннем ‘добрае, вядомае, роднае месца’, 52 беларускія і 67 англійскіх ФА са значэннем ‘дрэннае, чужое, невядомае месца’. Дадзеная колькасная асіметрыя пацвярджае агульнае палажэнне аб перавазе ў мове фразеалагізмаў, што адлюстроўваюць «негатыўныя бакі жыцця чалавека, усяго таго, што не адпавядае ўстаноўленым ў грамадстве нормам ці з’яўляецца адхіленнем ад іх» [16, с. 85]. Як адзначае В.Д. Дзеўкін, «чалавеку пастаянна даводзіцца сустракацца з пераадоленнем недахопаў, памылак, кепскага. Таму гэта так стойка адлюстравана ў мове» [17, с. 160]. Беларускія

і англійскія фразеалагізмы са значэннем ‘дрэннае, чужое, невядомае месца’ часта падаюцца ў слоўніках з паметамі: беларус. *неадабр.* (*неадабральны*) – англ. *disapprov.* (*disapproving*).

Адлюстраванне характару адносін моўцы да локусу ў ФА са значэннем ‘дрэннае, чужое, невядомае месца’ гістарычна абумоўлена іх унутранай формай, якая, на думку В.М. Тэліі, «ёсць асацыятыўна-вобразны матывавальны комплекс, што арганізуе змест у мове» [18, с. 12]. Беларускія фразеалагізмы ў параўнанні з англійскімі фразеалагізмамі падгрупы «дрэннае, чужое, невядомае месца» маюць больш разнастайную ўнутраную форму, дзе прысутнічаюць фальклорныя істоты і рэаліі жыцця беларускага народа:

1) **агонь** (*агонь ведае дзе*) – бог славянскай міфалогіі, які знаходзіцца на вышэйшым узроўні славянскага міфалагічнага пантэона [19];

2) **вятры** (*вятры ведаюць дзе*) – з’явы прыроды, якія персаніфікуюцца ў народных павер’ях або надзяляюцца ўласцівасцямі дэманічнай істоты [20, с. 357];

3) **грымота** (*грымота ведае дзе*) – раскацістыя гукі грому, што ўспрымаюцца як караючая сіла, прылада Бога і разам з тым як сіла, што апладняе і звязана з нябеснай вільгацю і ўрадлівасцю [21, с. 558];

4) **злыдні** (*злыдні ведаюць дзе*) – нячысцікі, варожыя духі, якія насяляюць на чалавека няшчасці. Гэта малыя, гарбатыя, скручаныя стварэнні ў вялізных ботах і шапках або касматыя, у выглядзе ці то катой, ці то сабак. У хаце на якую яны нападаюць, усё перастае весціся [21, с. 188];

5) **кадук** (*кадук ведае дзе*) – нячысцік, што з’ядае немаўлят і тым прыводзіць род да вымарачанасці. Сваё імя атрымаў ад лацінскай назвы хваробы *caducis* ‘падучы’ (хворы на эпілепсію) [21, с. 208];

6) **каланіца** (*каланіца яго ведае дзе*) – калёсная мазь (часцей адпрацаваная) [22, с. 264];

7) **ліха** (*ліха яго ведае дзе*) – ва ўсходнеславянскай міфалогіі персаніфікаванае ўвасабленне злой долі, гора. У казках яго паўстае ў абліччы худой жанчыны без аднаго вока. Сустрэча з ёй можа прывесці да страты рукі або смерці чалавека [23, с. 319];

8) **немач** (*немач яго ведае дзе*) – а) недамаганне, слабасць, хвароба; б) гора, няшчасце [22, с. 387];

9) **нячыстая сіла** (*нячыстая сіла носіць каго дзе*) – чорт, д’ябал, ва ўсходніх славян агульная назва для ўсіх ніжэйшых дэманалагічных істот [23, с. 396];

10) **нячысцік** (*нячысцік яго ведае дзе*) – у забабонах: нячыстая сіла, чорт [22, с. 397];

11) **пярун** (*пярун яго ведае дзе*) – у паганскай славянскай міфалогіі бог грому і маланкі [21, с. 404];

12) **смуткі** (*смуткі яго ведаюць дзе*) – пачуццё суму, маркоты, журбы [22, с. 611];

13) **халера** (*халера яго ведае дзе, халера носіць дзе*) – дэманалагічная постаць хваробы, ад якой людзі мруць як мухі [24, с. 686];

14) **хвароба** (*хвароба ведае дзе*) – з гледзішча міфалагічнага светаўспрымання выступае як прынятае ў дадзеным соцыуме ўяўленне пра адхіленне ад нармальнага стану і звязана з парушэннем гармоніі, раўнавагі жыцця чалавека [20, с. 530–531];

15) **хрэн** (*хрэн яго ведае дзе*) – шматгадовая травяністая расліна з мясістым горкім каранем, якая выкарыстоўваецца як горкая прыправа [22, с. 726].

Семантыка вышэйузгаданых лексем сведчыць аб успрыманні невядомага локусу як неасвоянага, чужога і небяспечнага. Аб гэтым канстатуе і адсутнасць саматызмаў у структуры фразеалагізмаў прыведзенай групы: аб’ект, які знаходзіцца невядома дзе, нельга ўбачыць, пачуць ці дакрануцца да яго. А тое, што нельга ўспрыняць органамі пачуццяў, міфалагізуецца і сакралізуецца. Менавіта з гэтай прычыны беларускія ФА, вобразна звязаны з падобнымі феноменамі народнай культуры, часта адносяцца да прастамоўнага фразеалагічнага пласта і суправаджаюцца ў слоўніках паметамі: беларус. *праст.* (*прастамоўны*) – англ. *substand* (*substandard*).

У англійскіх фразеалагізмах са значэннем ‘дрэннае, невядомае, чужое месца’, у адрозненне ад беларускіх, не было выяўлена такой разнастайнасці фальклорных вобразаў ці рэалій англійскай культуры. У большасці англійскіх ФА са значэннем ‘дрэннае, невядомае месца’ вобразнай асновай выступаюць цэльныя прасторавыя локусы (англ. *the other side, the other side of the black, the world beyond* ‘той свет’, *this world, this side of the grave / heaven, this side of the black stump* ‘гэты свет’) без канкрэтызацыі істот, якія іх засяляюць.

Побач з паганскімі міфалагічнымі ў беларускіх і англійскіх фразеалагізмах прысутнічаюць вобразы, звязаныя з рэлігіямі, якія ўзніклі значна пазней (хрысціянствам і мусульманствам):

1) **алах (Allah)** (беларус. *алах ведае дзе*, англ. *Allah knows where*) – арабскае слова, што азначае ‘адзіны бог’;

2) **бог (God, Lord)** (беларус. *бог ведае дзе*, англ. *God knows where*) – назва асаблівай сутнасці ў дэістычных і тэістычных вучэннях;

3) **чорт (devil, deuce)** (беларус. *чорт ведае дзе*, англ. *the devil (deuce) knows where*) – ліхі дух, які шкодзіць толькі чалавеку і супрацьстаіць Богу. Вобраз чорта мае дахрысціянскае паходжанне, але быў істотна дапоўнены хрысціянскімі ўяўленнямі пра д’ябла [20, с. 554].

Наяўнасць супярэчлівых і антанімічных намінацый у структуры беларускіх і англійскіх ФА са значэннем ‘дрэннае, чужое, невядомае месца’ падкрэслівае сінкрэтызм боскага і дэманскага, паганскага і хрысціянскага ў вербалізацыі локусаў і адлюстроўвае дуалістычны прынцып успрымання навакольнай рэчаіснасці чалавекам.

Падгрупа «добрае, вядомае, роднае месца», у адрозненне ад падгрупы «дрэннае, чужое, невядомае месца», прадстаўлена ў колькасных адносінах значна вузей. Гэта звязана з успрыманнем добрага, вядомага, роднага локусу як свайго, уласнага, эталоннага, а ўсё, што не супярэчыць нормам, на думку навукоўцаў (В.М. Макіенка, В.М. Тэлія, Н.Ф. Алефірэнка), менш адлюстравана ў фразеалогіі.

Як паказала даследаванне, ў беларускай і англійскай лінгвакультурах «добрае месца» звязана з вобразамі:

1) **Хрыста (бога)** (беларус. *у Хрыста за пазухай*, англ. *in God's pocket*) – заснавальніка адной з сусветных рэлігій – хрысціянства;

2) **Аўраама** (англ. *in Abraham's bosom*) – першга яўрэя і родапачынальніка ўсяго яўрэйскага народа;

3) **нябеснага царства** (беларус. *царства нябеснае*, англ. *the heavenly kingdom*) – сяміцкага выраза, у якім нябёсы замяняюць імя бога і з'яўляюцца ўвасабленнем найвышэйшай асалоды і шчасця.

Падобныя лексемы значна ўзмацняюць станоўчую канатацыю ФА са значэннем 'добрае, вядомае, роднае месца', што, як правіла, падаюцца ў слоўніках з паметамі беларус. *адабр. (адабральны)* – англ. *approv (approving)*.

Такім чынам, сістэма локусаў, рэпрэзентаваная беларускімі і англійскімі ФА апазіцыі «добрае, роднае, вядомае месца – дрэннае, чужое, невядомае месца», утварае вертыкальную прасторавую мадэль, у цэнтры якой – дом, парог ці кут дома (беларус. *родны кут*, англ. *hearth and home*) з уключэннем больш аддаленай і абстрактнай прасторы, што знаходзіцца альбо ўнізе і населена злымі духамі, што фарміруюць своеасаблівы дэманічны топас [25, с. 205–208], альбо зверху, дзе невядомая прастора абагаўляецца і становіцца ўвасабленнем найвышэйшага шчасця і асалоды (беларус. *царства нябеснае*, англ. *the heavenly kingdom*). Прыведзеныя ўзроўні ўтвараюць трохкампанентную прасторавую мадэль: "боскі топас (верх) – зямны топас (прамежкавая зона) – дэманічны топас (ніз)". Дадзеная мадэль суадносіцца з мадэллю сусветнага дрэва, дзе па вертыкалі вылучаюцца ніжняя (карані), сярэдняя (ствол) і верхняя (галіны) часткі, выяўляюцца супрацьпастаўленні (верх – ніз, неба – зямля, зямля – ніжні свет) і адрозніваюцца асноўныя зоны сусвету – верхняя (нябеснае царства), сярэдняя (зямля), ніжняя (падземнае царства) [26].

Супастаўляльны аналіз семантыкі, вобразнасці, ацэначнасці, функцыянальна-стылёвай суаднесенасці беларускіх і англійскіх ФА ў апазіцыі «добрае, роднае, вядомае месца – дрэннае, чужое, невядомае месца» дазволіў выявіць 22 міжмоўныя фразеалагічныя эквіваленты, пад якімі разумеюцца разнамоўныя ФА з тоеснымі семантыкай, структурна-семантычнай арганізацыяй і кампанентным складам (або з нязначнымі адрозненнямі ў плане выражэння) [27, с. 97]:

- 1) беларус. *абяцаная зямля* – англ. *the promised land*;
- 2) беларус. *адзін алах ведае дзе* – англ. *Allah knows where*;
- 3) беларус. *адзін бог <святые> ведае дзе* – англ. *the God (Lord) only knows where*;
- 4) беларус. *адзін чорт ведае (знае) дзе* – англ. *the devil (deuce) only knows where*;
- 5) беларус. *алах яго ведае дзе* – англ. *Allah knows where*;
- 6) беларус. *аўгіёвы стайні (канюшні)* – англ. *Augean stables*;
- 7) беларус. *белая пляма* – англ. *blank spot*;
- 8) беларус. *бог ведае дзе* – *God (Lord) knows where*;

- 9) беларус. *бог яго ведае дзе* – англ. *God (Lord) knows where*;
- 10) беларус. *вавілонскае стоўпамварэнне* – англ. *the tower of Babel*;
- 11) беларус. *гэты свет* – англ. *this world*;
- 12) беларус. *зямны рай* – англ. *earthly paradise*;
- 13) беларус. *іны свет* – англ. *the other world*;
- 14) беларус. *месца пад сонцам* – англ. *a place in the sun*;
- 15) беларус. *нага не ступала дзе* – англ. *the foot of sb. never stepped where*;
- 16) беларус. *царства нябеснае* – англ. *earthly kingdom*;
- 17) беларус. *пажыўное месца* – англ. *bawdy place*;
- 18) беларус. *Садом і Гамора* – англ. *Sodom and Gomorrah*;
- 19) беларус. *хто ведае дзе* – англ. *who knows where*;
- 20) беларус. *чорт ведае дзе* – англ. *the devil (deuce) knows where*;
- 21) беларус. *чорт яго ведае дзе* – англ. *the devil (deuce) knows where*;
- 22) беларус. *чорт ведама дзе* – англ. *the devil (deuce) knows where*.

Міжмоўная фразеалагічная эквівалентнасць назіраецца ў фразеалагізмаў біблейскага паходжання (беларус. *абяцаная зямля* – англ. *the promised land*, *Садом і Гамора* – англ. *Sodom and Gomorrah* і інш.) і фразеалагізмаў, звязаных з міфамі і паданнямі старажытнай Грэцыі (беларус. *аўгіёвы стайні* – англ. *Augean stables*).

Згодна з метадкай кантрастыўнага аналізу лексікі і фразеалогіі, распрацаванай навуковай школай І.А. Сцерніна і інш. [27], магчыма падлічыць індэкс эквівалентнасці беларускіх і англійскіх фразеалагізмаў даследуемай групойкі, што складаецца з адносін ліку беларускіх ФА, якія маюць міжмоўныя фразеалагічныя эквіваленты (22 ФА), да агульнай колькасці беларускіх ФА групойкі (69 ФА). Індэкс эквівалентнасці можа вар’іравацца ад 0 (мінімум) да 1 (максімум) [27, с. 116]. Беларускія ФА апазіцыі «добрае, роднае, вядомае месца – дрэннае, чужое, невядомае месца» ў адносінах да англійскіх ФА маюць індэкс эквівалентнасці $\approx 0,3$. Гэты значыць, што каля 30% беларускіх ФА даследуемай апазіцыі маюць англамоўныя фразеалагічныя эквіваленты, якія можна аднесці да агульнаеўрапейскіх міжмоўных фразеалагічных паралеляў. Па меркаванні Э.М. Саладухі, яны ўзнікаюць як у выніку запазычанняў пры міграцыі этнасаў і іх кантактаў, так і ў выніку дзеяння ўніверсальных законаў успрымання рэчаіснасці чалавекам, прытым апошні спосаб з’яўляецца дамінуючым [28, с. 277].

Аднак большая частка беларускіх ФА апазіцыі «добрае, знаёмае, роднае месца – дрэннае, незнаёмае, чужое месца» (65,2%) адносіцца да міжмоўных фразеалагічных аналагаў, пад якімі разумеюцца фразеалагізмы, што «маюць аднолькавае ці блізкае значэнне, але характарызуюцца поўным адрозненнем або прыблізным падабенствам унутранай формы» [29, с. 106]. У дадзенай апазіцыі было выяўлена 45 міжмоўных фразеалагічных аналагаў. Напрыклад, беларус. *у Хрыста за пазухай* мае англійскі міжмоўны аналаг *in God’s pocket*, дзе пры аднолькавым значэнні назіраецца адрозненне ўнутранай формы: у беларускай ФА выкарыстоўваецца частка цела чалавека *пазуха* ‘прастора паміж грудзмі і адзеннем’, у англійскай ФА – *pocket* ‘кішэня’.

Безэквівалентнымі адзінкамі, якія не маюць адпаведнікаў у мове супастаўлення, з'яўляюцца 2 беларускія фразеалагізмы: *адзін Хрыстос жыве дзе* 'месца, дзе існуе недахоп або адсутнасць харчовых прадуктаў, заняпад, апусценне', *сабакам сена касіць* 'знаходзіцца невядома дзе, хаваючыся ад сям'і'. Прыкладам безэквівалентных англійскіх ФА ў супастаўленні з беларускай мовай выступаюць наступныя фразеалагізмы: *an Alladin's cave* 'месца, дзе многа багацця і шчасця', *ivory tower* 'месца, дзе можа схавацца ад сваіх праблем', *stamping ground* 'месца, якое любяць і часта наведваюць' і г.д. Падобныя беларускія і англійскія безэквівалентныя фразеалагізмы падкрэсліваюць «асаблівасці псіхалогіі, спосабу мыслення, спецыфічных умоў матэрыяльнага і духоўнага жыцця носьбітаў мовы» [28, с. 116] і адлюстроўваюць нацыянальную спецыфіку вобразнага ўспрымання локусу ў беларускай і англійскай лінгвакультурах. Індэкс безэквівалентнасці (адносіны колькасці беларускіх безэквівалентных ФА да агульнай колькасці беларускіх ФА дадзенай апазіцыі) складае $\approx 0,03$ і з'яўляецца нізкім: толькі 3 % беларускіх ФА з локуснай семантыкай не маюць адпаведнікаў у англійскай мове і выступаюць як лакуны. Гэта сведчыць пра тоеснасць механізмаў катэгарызацыі і канцэптуалізацыі прасторавых уяўленняў.

Усе вылучаныя несупадзенні беларускіх ФА на фоне англійскіх можна ахарактарызаваць як праявы беларускай нацыянальнай спецыфікі ў семантыцы фразеалагізма – адрозненне семнай структуры ФА адной мовы (беларускай) ад структуры блізкіх па семантыцы ФА іншай мовы (англійскай) з уключэннем выпадкаў поўнай безэквівалентнасці значэння (лакун) [29]. Падобнае вызначэнне нацыянальнай спецыфікі семантыкі фразеалагізма робіць магчымым устанавіць індэкс нацыянальнай спецыфічнасці беларускіх ФА апазіцыі «добрае, роднае, вядомае месца – дрэннае, чужое, невядомае месца»: адносіны колькасці беларускіх ФА з нацыянальнай спецыфікай (45 ФА) да агульнай колькасці беларускіх фразеалагізмаў даследуемай апазіцыі (69 ФА). Ён складае $\approx 0,65$.

Высокі індэкс нацыянальнай спецыфікі, які набліжаецца да 1, сведчыць аб асаблівасцях прасторавых уяўленняў прадстаўнікоў беларускай лінгвакультуры, што праяўляецца ў б'ольшай міфалагізаванасці і сакральнасці локусу з выкарыстаннем дахрысціянскіх фальклорных вобразаў і вераванняў. Локус, рэпрэзентаваны англійскімі фразеалагізмамі, вылучаецца цэльнасцю і адлюстроўвае хрысціянскую культурную традыцыю ўспрымання прасторавых адносін. Агульнымі рысамі локусу ў беларускай і англійскай лінгвакультурах з'яўляецца яго *трохкампанентнасць* (боскі топас (верх) – зямны топас (прамежжавы) – дэманічны топас (ніз), *эматыўнасць* і *ацэначнасць*, ён ахарактарызуецца сінкрэтызмам боскага і дэманскага, паганскага і хрысціянскага пачаткаў і адлюстроўвае дуалістычны прынцып успрымання навакольнай рэчаіснасці чалавекам.

Беларуска-англійская фразеасемантычная бінарная апазіцыя «добрае, роднае, вядомае месца – дрэннае, чужое, невядомае месца» з'яўляецца адным з фрагментаў прасторавай карціны свету, адлюстраванай ФА. У перспектыве вынікі ўсебаковага кампаратыўнага вывучэння катэгорыі прасторы, рэпрэзен-

таванай беларускімі і англійскімі фразеалагізмамі, дадуць значны матэрыял для разумення асаблівасцей яе вобразнага засваення і выяўлення механізмаў, якія ляжаць у аснове яе катэгарызацыі і канцэптуалізацыі ў беларускай і англійскай лінгвакультурах.

ЛІТАРАТУРА

1. Кубрякова, Е.С. О понятиях места, предмета и пространства / Е.С. Кубрякова // Логический анализ языка. Языки пространств. – М. : Языки рус. культуры, 2000. – С. 84–92.
2. Лассан, Э. Локусы культуры как предмет психо- и этнолингвистики / Э. Лассан // Лингвистика как ангажированное знание [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://ling/x-artstudio.de/st.11.html>. – Дата доступа: 6.04.2011.
3. Ларин, Б.А. История русского языка и общее языкознание / Б.А. Ларин. – М.: Просвещение, 1977. – 224 с.
4. Кунин, А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь / А.В. Кунин. – М. : Рус. яз., 2005. – 1224 с.
5. Лепешаў, І.Я. Слоўнік фразеалагізмаў: у 2 т. / І.Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭн, 2008. – 2 т.
6. Новый англо-русский словарь / В.К. Мюллер [и др.]. – М. : Рус. яз., 1995. – 880 с.
7. Санько, З. Малы расейска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем / З. Санько. – Мінск : Навука і тэхніка, 1991. – 224 с.
8. Янкоўскі, Ф.М. Фразеалагічны слоўнік / Ф.М. Янкоўскі. – Мінск : Народная асвета, 1973. – 352 с.
9. Янкоўскі, Ф.М. Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / Ф.М. Янкоўскі. – Мінск : Беларус. навука, 2004. – 494 с.
10. Cowie, A.P. Oxford Dictionary of Current Idiomatic English: Phrase, Clause and Sentence Idioms / A.P. Cowie, I.R. Vagin. – Oxford Univ. Press, 1983. – 685 p.
11. Daphne, M.G. The Penguin Dictionary of English Idioms / M.G. Daphne, D. Hinds-Howell. – London : Penguin Books, 2001. – 378 p.
12. Freeman, W.A. Concise Dictionary of English Idioms / W. Freeman. – London: Hodder and Stoughton, 1982. – 215 p.
13. Longman English Dictionary of Contemporary English. – London: Longman, 1995. – 1668 p.
14. Sinclair, J. Cobuild Dictionary of Idioms / J. Sinclair. – London: Collins Publishers, 1995. – 493 p.
15. Аліферчык, Т. Катэгорыя асвоенасці прасторы ў ландшафтнай айканамii / Т. Аліферчык // Роднае слова. – 2010. – №10. – С. 48–50.
16. Ляшчынская, В.А. Сучасная беларуская мова: Фразеалогія : вучэб. дапам. / В.А. Ляшчынская. – Мінск : РІВШ, 2010. – 230 с.
17. Девкин, В.Д. Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика / В.Д. Девкин. – М. : Междунар. отношения, 1979. – 256 с.

18. *Телия, В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н. Телия. – М. : Наука, 1986. – 143 с.
19. *Токарев, С.А.* Огонь / С.А. Токарев // Мифы народов мира : Энцикл. : в 2 т. – М. : Сов. энцикл., 1980. – Т. 2. – С. 239–240.
20. *Толстой, Н.И.* Славянские древности: в 5 т. / Н.И. Толстой. – М. : Междунар. отношения, 1995. – Т. 3. – 578 с.
21. Беларуская міфалогія: энцыклапедычны слоўнік / склад. І. Клімковіч, В. Аўтушка; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мінск : Беларусь, 2011. – 607 с.
22. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / пад рэд. М.Р. Суднікі, М.Н. Крыўко. – Мінск : БелЭн, 1996. – 784 с.
23. Мифология: энцикл. / гл. ред. Е.М. Мелетинский. – М.; Большая Российская Энциклопедия, 2004. – 736 с.
24. Беларускі фальклор: энцыкл.: у 6 т. / рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2005. – Т. 1. – 828 с.
25. *Березович, Е.Л.* Язык и традиционная культура / Е.Л. Березович. – М. : Индрик, 2007. – 599 с.
26. *Топоров, В.Н.* Дерево мировое / В.Н. Топоров // Мифы народов мира: Энцикл. : в 2 т. – М. : Сов. энцикл., 1980. – Т. 1. – С. 396–398.
27. *Стернин, И.А.* Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования / И.А. Стернин. – М.: АСТ : Восток–Запад, 2007. – 288 с.
28. *Солодухо, Э.М.* Теория фразеологического сближения: На материале языков славянской, германской и романской групп / Э.М. Солодухо.– М. : ЛКИ, 2008 г. – 304 с.
29. *Арсентьева, Е.Ф.* Сопоставительный анализ фразеологических единиц / Е.Ф. Арсентьева. – Казань : Из-во Казан. ун-та, 1989. – 125 с.

The article presents common features of the perception and verbalization of locus in Belorussian and English phraseology: its triple structure, the syncretism of the divine and the demonic, the pagan and Christian, the dual character of human perception of place. The idioethnical peculiarities are the sacredness and the folklore character of locus in Belorussian, its wholeness and the domination of Christian cultural tradition in its perception and verbalization in English.

Поступила в редакцию 06.05.11

И.Ю. Самойлова

ГЛАГОЛЫ ПЛАКАТЬ–СМЕЯТЬСЯ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ВНУТРЕННЕГО МИРА ЧЕЛОВЕКА В ПОЭЗИИ И. БРОДСКОГО

Статья посвящена описанию способа выражения эмоций посредством глаголов в поэзии нобелиата И. Бродского. Выявлено, что в группе глаголов выражения эмоций 27 лексем. Наиболее употребительной из них является глагол *плакать*. В связи с тем, что в языковой картине мира глаголы *плакать–смеяться* представляют собой антонимическую пару и противопоставлены по характеру выражаемого чувства, в статье анализируются

ются оба указанных глагола. Глаголы *плакать–смеяться* и их синонимы и дериваты, используемые И. Бродским в поэтических произведениях, раскрывают ситуации, отражаемые в авторской картине мира, и выявляют особенности авторского видения и мироощущения.

Понимание «возможного» мира автора представляет собой сложный речемыслительный процесс, который, как указывает Л.Г. Бабенко, включает в себя в качестве составляющих, во-первых, механизм выявления различных смыслов (как явных, так и скрытых), репрезентируемых языковыми единицами, во-вторых, различные формы объяснения, представления этого смысла, в-третьих, выявление различного видения действительности, свойственного тому или иному языку или языковой личности [1, с. 10].

Поэтический мир нобелиата И. Бродского отличается богатством, разнообразием и сложностью авторских представлений о мире.

Мы установили, что ядро глагольного лексикона поэтической картины мира автора составляют лексемы, характеризующие прежде всего человека [2]. Человек в поэзии Бродского предстает как динамичное, деятельное существо. Он выполняет деятельность различного рода, но прежде всего – физическую, интеллектуальную, речевую и т.д., что и составляет, по мнению поэта, человеческую жизнь.

В этой работе мы обращаемся к внутреннему миру человека в поэзии И. Бродского.

Неоднократно указывалось, что эмоциональная система – одна из самых сложных систем человека (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, А.А. Зализняк, Е.В. Урысон и др.), поскольку «в возникновении, развитии и проявлении эмоций принимают участие практически все остальные системы человека – восприятие, физиологические реакции, интеллект, физические системы и даже речь» [3, с. 51].

В языке средствами для выражения эмоций служат различные части речи, в том числе глаголы. Необходимо учитывать, что глагол ориентирован не только в направлении предложения (А.А. Дмитриевский, С.Д. Кацнельсон, Е. Курилович, Ю.Г. Панкрац, Л. Теньер, С.М. Прохорова и др.), но и в направлении ситуации, чьей семантической моделью он является (развивая понятие ситуации в аспекте многозначности, Г.И. Кустова соотносит исходное значение с некой «прототипической ситуацией», а связь значений – с не зафиксированными в нем импликациями [4]).

При анализе частотного словаря глаголов в поэзии И. Бродского [2] выявлено, что в группе глаголов выражения эмоций 27 лексем. Наиболее употребительной из них является глагол *плакать*. В связи с тем, что в языковой картине мира глаголы *плакать–смеяться* представляют собой антонимическую пару и противопоставлены по характеру выражаемого чувства, мы сочли необходимым в работе обратиться к анализу пары. Указанные глаголы и их синонимы и дериваты, используемые И. Бродским в поэтиче-

ских произведениях, раскрывают ситуации, отражаемые в авторской картине мира, и выявляют особенности авторского видения и «мироощущения».

Стандартный фрейм глаголов *плакать–смеяться* предполагает наличие первого актанта – субъекта-выразителя эмоций и причины, которая вызвала смех или слезы. При анализе текстов стихотворений выяснилось, что субъектом-выразителем эмоций в поэзии И. Бродского является, главным образом, человек, что соответствует как русской, так и другим языковым картинам мира: *Я плачу где-то на Разъезжей, / а рядом Лиговка шумит* ("Петербургский роман"); *И тут Наместник, чье лицо подобно / гноящемуся вымени, смеется* ("Post aetatem nostrum").

Глагол *плакать* в поэтических текстах И. Бродского не только выражает реакцию на негативные чувства, но и называет способность, которая присуща человеку уже при рождении, ибо это первый звук, издаваемый ребенком и воспринимаемый окружающими как свидетельство его жизнеспособности: *Не могу я встать и поехать в гости / ни к приятелю, у которого плачут детки...* ("Речь о пролитом молоке").

Поэт, употребляя уменьшительную форму существительного *детки*, лишь подчеркивает возраст и присущую младенцам способность – плача, передавать информацию о себе.

Плачущего или смеющегося человека можно видеть или слышать. Так, свидетельством того, что человек плачет, являются слезы (*плакать – проливать слезы*) и/или жалобные нечленораздельные звуки. Вероятно, в связи с этим при глаголе *плакать* в качестве первого актанта И. Бродский довольно часто использует существительные *глаз* или *голос*: *Милый Телемак, / все острова похожи друг на друга, / когда так долго странствуешь, и мозг / уже сбивается, считая волны, / глаз, засоренный горизонтом, плачет, и / водяное мясо застит слух* ("Одиссей Телемаку"); *Не ты ль, Господь? Пусть мысль моя дика, / но слишком уж высокий голос плачет* ("Большая элегия Джонну Донну").

Смех, как и плач, может быть услышан или увиден: *Но чу! Ты слышишь – там, в холодной тьме, / там кто-то плачет...* ("Большая элегия Джонну Донну"); *То есть, чернила честнее крови, / и лицо в потемках, словами наружу – благо / так куда быстрее просыхает влага – смеется, как скомканная бумага* ("Декабрь во Флоренции"), т.е. лицо человека при смехе настолько изменяется, что становится похожим на скомканную бумагу.

В поэтическом языке мало стандартных фреймов, так как в идиостиле автора отражается его личный языковой опыт. Если в стандартных фреймах первый актант – человек, то приравненный к нему исполнитель старается избежать стандартности. Это приводит к появлению различных тропов, чаще всего сравнений и метафор: *Вот улица, вот улица, не редкость / – одним концом в коричневую мглу, / и рядом детство плачет на углу, / а мимо все проносится троллейбус* ("Гость"); *Пускай легко рыдает ветер резкий / И над моей могилой еврейской / Младая жизнь настойчиво кричит* ("Бессмертия у смерти не прошу"). В примере авторское сравнение, основанием для которого служит сема 'звучание'.

Даже объекты, в норме не предполагающие наличие эмоций, способны, с точки зрения И. Бродского, выражать их: *Когда гремит за окнами январь, / мне нужен буколический букварь, / чтоб август не смеялся над безумцем...* ("Я начинаю год..."); *Пойди пойми, над чем смеется век, / о, как тебе неловко, человек* ("Шествие").

В результате мы можем утверждать, что в последних случаях субъект антропоморфен.

Основной причиной отрицательных эмоций, по мнению И. Бродского, является горе, тоска, одиночество, разочарование: *Ну, вот я плачу, плачу, нет пути. / Вернуться суждено мне в эти камни. / Нельзя прийти туда мне во плоти. / Лишь мертвой суждено взлететь туда мне. / Да, да, одной. Забыв тебя, мой свет, / в сырой земле, забыв навек, на муку / бесплодного желанья плыть вослед, чтоб шить своею плотью, шить разлуку* ("Большая элегия Джону Донну"); *В атомный век людей волнует больше / не вещи, а строение вещей. / И как ребенок, распатронив куклу, / рыдает, обнаружив в ней труху ...* ("Посвящается Ялте").

В картине мира И. Бродского слезы бывают и показателем взаимоотношений людей. Порой человека обижают, а иногда ему приходится расплачиваться за свои ошибки, в этом случае рикошетом возвращаются обиды, причиненные другим людям: *Горит окно, а ты все плачешь / И жмешься к черному стеклу, / кого ты судишь, что ты платишь, / река все плещет на углу* ("Гость").

Обычно причина смеха (как и большинства положительных эмоций) в картине мира поэта не обозначена. Вероятно, радости в окружающем мире поэт не видел: *Пойди пойми, над чем смеется век, / о, как тебе неловко, человек* ("Шествие"). Неловко человеку оттого, что не понимает причины смеха. Следовательно, эмоции (смех в том числе) порождаются интеллектуальной оценкой событий, фактов, состояний и пр.

Человек смеется, если радуется чему-то, если счастлив. В возможном мире И. Бродского нет счастливых и беззаботных людей, есть лишь «смеющиеся маски»: *Троллейбус полн. Смеющиеся маски* ("Здесь жил Швейгольц..."). Существительное *маски* содержит потенциальную сему 'фальшивый, ненастоящий'. Так поэт маркирует свое отношение к неискреннему проявлению чувств.

В возможном мире автора стандартные глагольные фреймы могут приобретать дополнительные слоты, в результате чего, как правило, пересекаются пропозиции разных глаголов. На это обращали внимание Н.Д. Арутюнова, Е.В. Петрухина, С.М. Прохорова, Б. Тошович и другие. Так, Е.В. Петрухина отмечает, что специфика глагольного значения «заключается в концептуализации динамического мира, находящегося в постоянном изменении, для которого характерна известная неопределенность, отсутствие четких границ между смежными во времени ситуациями» [5].

В текстах И. Бродского глаголы *плакать—смеяться*, являясь типичными представителями группы глаголов выражения эмоций, могут перемещаться по вертикальным синтаксическим полям, приобретая иное значение. Под

вертикальным синтаксическим полем, согласно С.М. Прохоровой, понимается «способность глагола перемещаться в актантные рамки, «заряженные» другим глаголом» [6, с. 291], в результате чего глагол оказывается на периферии других глагольных полей и изменяет свое значение.

Мы выявили, что наиболее часто глаголы *плакать–смеяться* приобретают ментальное значение, на что уже обращали внимание лингвисты (Ю.Д. Апресян, Е.В. Урысон и др.). По мнению И. Бродского, человек всегда оценивает свои действия и поступки, проявления чувств им тоже оцениваются: *Мы в густые щи не макаем лапоть. / Нам смеяться стыдно и скушно плакать* ("Мы не пьем вина на краю деревни").

При переходе глаголов *плакать–смеяться* (и их синонимов) в поле глаголов интеллектуальной деятельности делиберативный объект мысли может быть выражен формой предложного и дательного падежей, придаточным предложением, вводным союзом *что* и бессоюзно: *По горбу его плачет в лесах осина, / если кто-то плачет о нем вообще* ("Лагуна"); *Ну, вот я плачу, плачу, нет пути. / Вернуться суждено мне в эти камни* ("Большая элегия Джону Донну"); *"Чему ты улыбаешься?" "Смешно"* ("Горбунов и Горчаков"); *Я сижу у окна. Вспоминаю юность. / Улыбнусь порою, порой отплунусь* ("Я всегда твердил, что судьба – игра"); *Там летит человек! не грусти! улыбнись! / Он таращится вниз и сжимает в руке виноградную кисть, / словно бог Дионис* ("Ночной полет"); *Не рыдай, что будущего нет. / Это – тоже в перечне примет / места, именуемого Раем* ("В альбом Наталье Скавронской").

Как в кодифицированном, так и в поэтическом языке глаголы эмоций могут выражать отношение к объекту. И. Бродский для передачи этого значения пользуется сочетаниями с предлогами *над, по*: *Когда гремит за окнами январь, / мне нужен буколический букварь, / чтоб август не смеялся над безумцем...* ("Я начинаю год...").

В цитируемом тексте глагол *смеяться* переходит в поле глаголов интеллектуальной деятельности, становясь синонимом глагола *осмеивать*: *Я то уж, наверно, ею не храним, / кто-нибудь манерно плачет по ним, / плачет, поминает землю в горсти...* ("Шествие"). В примере глагол *плакать* попадает на периферию поля глагола *оплакивать*.

В ином тексте поэт при помощи предлога *над* изменяет ситуацию, и глагол *плакать* переходит либо в поле глагола *жалеть*: *Заснешь с прикушенной губой / среди мелких жуликов и пьяниц. / "Заплачет горько над тобой Овидий, первый туняедец* ("Заснешь с прикушенной губой"), либо в поле глагола *вспоминать*: *Так чем же мы сейчас разделены / с вчерашним днем. Лишь чувством новизны, когда над прожитым поплачешь всласть, / над временем захватывая власть* ("Шествие").

Наивысшую оценку интеллектуальной деятельности человек заслуживает в том случае, если может оценивать себя. Самооценка, по мнению И. Бродского, должна присутствовать всегда: *Я улыбнусь. Улыбка над собой / Могильной долговечней кровли / И легче дыма над печной трубой* ("Новые стансы к Августе").

Довольно часто человек, по мнению поэта, выражая те или иные чувства, общается с другими людьми. Мы выявили, что в поле глаголов передачи информации в поэзии И. Бродского переходят лишь глаголы *плакать* и *улыбаться*: *Странно теперь, когда ты в юдоли / лучшей, чем наша, нам плакать* ("Памяти Т.Б. "), т.е. сообщать нам о том, что жизнь не так хороша, как предполагалось ранее; *Человек в костюме, побитом молью, / провожает поезд, идущий, как все тут, к морю, улыбается дочке, / уезжающей на Восток* ("В Англии"); *Все тот же вальс в провинции звучит, / летит, летит в белесые колонны, / весна друзей по-прежнему молчит, / блондинкам улыбаясь благосклонно* ("Э.Т.").

Таким образом, в возможном мире И. Бродского человек посредством слез или улыбки передает информацию и превращается из плачущего и/или улыбающегося в человека общающегося.

Иногда смех или улыбка могут иметь направление: *Ах, улыбнись, ах, улыбнись вослед, взмахни рукой...* ("Романс"); *Но разве он был вороной: / ветер смеется во тьму* ("Диалог").

Поскольку плакать лучше одному, то человек плачущий в картине мира И. Бродского часто близок человеку одинокому, коим и чувствовал себя Бродский: *И плачет он. Там кто-то есть во мраке. / Так тонок голос. Тонок, впрямь игла. / А нити нет... / И он так одиноко плывет в снегу. Повсюду холод, мгла... / Не ты ли, Гавриил, среди зимы / рыдаешь тут, один, впотьмах, с трубою?* ("Большая элегия Джонну Донну").

Вероятно, именно этим можно объяснить, что количество словоупотреблений словоформ оппозиционной пары *плакать*–*смеяться* в поэзии Бродского имеет очень большой разрыв – 41 и 10 соответственно. Чаще, чем глагол *смеяться*, И. Бродским используется глагол *улыбаться/улыбнуться* (24 словоупотребления), который ни в коей мере нельзя отнести к ипостаси "человек смеющийся", т.е. радующийся, беззаботный, счастливый. В возможном мире поэта именно улыбка (а не смех!) играет важную роль, поэтому умению улыбаться И. Бродский придает статус сакрального: *Бессмертные учатся радости, способности улыбаться* ("Вертумн").

В некоторых случаях глаголы выражения эмоций переходят в поле глаголов звучания: *Вороний крик не слышен, ночь, совиный / не слышен смех* ("Большая элегия Джонну Донну"); *И жук не жужжал, комар не плакал* ("Михаилу Барышникову").

Как было отмечено ранее, для возникновения смеха/плача нужны определенные причины. Если причиной плача является неудача, несчастье, горе самого человека, то человек плачущий становится человеком страдающим, который уже не плачет, а рыдает: *Это крик по собственной судьбе, / это плач и слезы по себе, / это плач, рыдание без слов, / погребальный гром колоколов* ("Шествие"). В этом случае глагол выражения эмоций переходит в поле глагола *страдать*.

По мнению И. Бродского, такие человеческие качества, как жалость и сострадание, очень важны. Они бывают порой выше славы и почестей: *Жалость уместней Господней Славы / в мире, где души живут лишь в теле* ("Памяти Т.Б. ").

Поэтому автор считает возможным плакать за другого, если тот по какой-либо причине сам плакать не может: *Писать о вещах, бесспорно, тебе до смерти известных, / значит плакать за ту, что сама не плачет* ("Памяти Т.Б."); *Все плачет хор океанид, / за все мосты над островами, за их васильевский гранит* ("Гость").

В приведенных примерах глагол *плакать* переходит на периферию поля глагола *сочувствовать*.

В кодифицированном языке для рассматриваемых глаголов типична сочетаемость с наречиями, указывающими на силу и тембр звука, так как не указав характер звука, нельзя адекватно описать соответствующую ситуацию. Мы выявили, что И. Бродский крайне редко пользуется таким сочетанием: *Как нравится мне громко плакать днем* ("Шествие"); *Великий Гектор стрелами убит. / Его душа плывет по темным водам, / шуршат кусты и гаснут облака, / вдали невнятно плачет Андромаха* ("Сонет").

Помимо указания на силу звука, указание на источник (*Андромаха*) и направление звука (наречие *вдали*) делает возможным переход глагола *плакать* на периферию поля глаголов звучания.

Чаще указание на силу или способ выражения эмоций содержится в семантике глаголов-синонимов:

плакать громко и сильно – рыдать; плакать в голос – голосить; смеяться слегка или насмешливо – усмехаться; смеяться недобро – ухмыляться; смеяться громко – хохотать; смеяться с издевкой – скалиться.

Для субъекта в поэзии И. Бродского свойственно место и время выражения эмоций. Значит, для поэта важно, где и когда происходит плач или смех: *Но чу! Ты слышишь – там, в холодной тьме, / там кто-то плачет, кто-то шепчет в страхе* ("Большая элегия Джону Донну"); *На Карловом мосту ты улыбнешься, / переезжая к жизни еженощно / вагончиками пражского трамвая, / добра не зная, зла не забывая* ("Витезслав Незвал"); *Как нравится писать мне об одном, / входить в свой дом как славно одному, / как нравится мне громко плакать днем, / кричать по телефону твоему* ("Шествие").

Выражение эмоций во времени может ограничиваться или не ограничиваться сроком: *Что ты плачешь, распротысь с паровозом. / Что ты слушаешь гудки поездные* ("И.Е."); *Где двести лет, не уставая, все плачет хор океанид* ("Гость").

Глагол *плакать* употребляется поэтом в составе фразеологизмов: *Что-то мелькает в газетах, толкующих так и сяк / факты, которых, собственно, кот наплакал* ("Новый Жюль Верн"); *По горбу его плачет в лесах осина, / если кто-то плачет о нем вообще* ("Лагуна").

Мы установили, что в возможном мире И. Бродского ситуация радости, счастья обозначена двумя лексемами – *смеяться* и, в большей степени, *улыбаться*. А так как при выражении положительных эмоций человеку хочется петь (ср.: *петь от счастья, от радости*), то антонимическая пара в поэзии автора представлена лексемами *плакать–петь*. Правильность подобного наблюдения доказывает тот факт, что в текстах стихотворений часто смех

сопровождается музыкой: *И Время проглотило эту месть./ Теперь здесь людно, многие смеются, / гремят пластинки* ("Одному тирану").

Именно эти глаголы поэт рассматривает как одну из составляющих жизни, в которой есть слезы и смех: *Что-то выше нас. / Что-то выше нас проплывает и гаснет, / только плакать и петь, только плакать и петь, / только жить* ("Проплывают облака").

Можно заключить, что рассмотренный фрагмент картины мира И. Бродского позволяет говорить об авторском своеобразии. Лексемами *плакать–смеяться* и их синонимами поэт обозначает не только собственно эмоции, но и характеризует их через осознание субъектом. Глагол *плакать* как наиболее употребительный в группе глаголов выражения эмоций кроме основного значения используется поэтом в значении 'жалеть', 'вспоминать', 'информировать', 'страдать', 'сочувствовать' и др.

В возможном мире И. Бродского ситуация радости, счастья обозначена двумя лексемами – *смеяться* и, в большей степени, *улыбаться*. Антонимической парой, противопоставленной по характеру выражаемого чувства, в поэзии автора являются глаголы *плакать–петь*.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабенко, Л.Г.* Интерпретация категоризации мира в идеографическом словаре как способ выявления скрытых смыслов. / Л.Г. Бабенко // Семантико-дискурсивные исследования языка: эксплицитность/имплицитность выражения смыслов: материалы междунар. науч. конф. / под ред. С.С. Ваулиной. – Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2006. – С. 8–21.
2. *Самойлова, И.Ю.* Динамическая картина мира И. Бродского: лингвистический аспект / И.Ю. Самойлова. – Гродно : ГрГУ, 2007. – 191 с.
3. *Апресян, Ю.Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю.Д. Апресян // Вопр. языкознания. – 1995. – №1. – С. 37–67.
4. *Кустова, Г.И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения / Г.И. Кустова. – М. : Языки слав. культуры, 2004. – 472 с.
5. *Петрухина, Е.В.* Глагольная номинация и категории деривационной ономазиологии / Е.В. Петрухина // Языковая номинация: тез. докл. Междунар. науч. конф., 23–26 июня 1996г. / редкол. : Н.П. Баранова, [и др.]. – Минск : МГЛУ, 1996. – С. 17.
6. *Прохорова, С.М.* Вертикальное синтаксическое поле как разновидность корреляции // Die grammatischen Korrelationen / B. Tošović (Hrsg). – Graz : GraLiS, 1999. – S. 291–298.

This article is devoted to the description of the way of expressing emotions by means of verbs in J. Brodsky poetry. It was revealed that the verbal group of emotions includes 27 lexemes. The verbs *to cry–to laugh* and their synonyms and derivatives used by J. Brodsky in his poetry interpret situations, which are reflected in the author's view of the world, and reveal the peculiarities of the author's vision and perception of the environment.

Поступила в редакцию 19.05.11

ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПТА НА ОСНОВЕ СТРУКТУРЫ АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ

В статье рассматриваются возможные способы исследования ассоциативного поля, а также прослеживаются закономерности изменения его ядра и периферии в зависимости от этапа *концептуализации*. Описаны динамические типы ассоциативных полей и проведено их сопоставление с этапами формирования концепта в языковом сознании респондентов. Статистическая обработка материалов эксперимента позволяет создать четкое представление об этапе концептуализации исследуемого понятия. Предложена методика детального структурирования ассоциативного поля, показано, как она применяется на практике, и проанализированы результаты свободного ассоциативного эксперимента, полученные на материале английского и белорусского языков в разновозрастных группах. Автор прослеживает определенную закономерность в структурных изменениях исследуемых ассоциативных полей вне зависимости от конкретного языкового материала.

Начиная с момента рождения, человек начинает познавать окружающий его мир. Он учится осуществлять различные мыслительные операции: обобщать, классифицировать, анализировать, сравнивать и т.д., а выразить результаты данного когнитивного процесса он может при помощи языка. Постепенно в сознании человека образуются различные *концепты*, которые и заключают в себе всю ту уникальную, свойственную именно этому индивиду систему знаний об окружающем его мире, усвоенную, однако, в рамках определенной культурной традиции и обусловленную неким социальным окружением. Вслед за С.Х. Ляпиным (1997) и В.И. Карасиком (2004), под **к о н ц е п т о м** в данной работе понимается многомерное дискретное культурнозначимое социопсихическое образование в коллективном сознании, опредмеченное в той или иной языковой форме. *Концептуализация* – это «один из важнейших процессов познавательной деятельности человека, заключающийся в осмыслении поступающей к нему информации и приводящей к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в мозгу (психике) человека» [1, с. 93].

Структура концепта и на сегодняшний день остается в числе дискуссионных вопросов когнитологии. Исследования в этой области продолжают считаться одним из наиболее приоритетных направлений когнитивистики, когнитивной психологии, когнитивной лингвистики. Однако то, что концепт организован по полювому принципу, признается многими как российскими, так и белорусскими исследователями (З.А. Попова, И.А. Стернин, В.А. Маслова). Данная теория является результатом комплексных исследований в области языка как организованной системы и основывается на открытии полювого подхода к языку.

*Поле*м является совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений [2]. Выделяют большое разнообразие полей. Отличие ассоциативного поля (АП) заключается в том, что при его

построении сознательно используются слово-стимул и его ассоциаты. Материалы для исследования получают при помощи свободного ассоциативного эксперимента (САЭ).

САЭ обладает чрезвычайно широкими возможностями. Он позволяет получить представление обо всех составляющих концепта: образной, аксиологической и понятийной [3, с. 118]. Особенность данных, полученных в ходе САЭ, – это то, что они являются отражением структуры концепта в языковом сознании носителей языка, что и стало задачей нашего исследования. На наш взгляд, изучение формальной структуры концепта и ее динамики позволяет взглянуть на природу психических ассоциаций как показатель лингвистического развития и формирования понятий (концептов) у испытуемых [4]. В том случае, если испытуемый без труда дает вербальную ассоциацию на исследуемый стимул (каким-либо словом, словосочетанием, либо четко сформулированным предложением), не прибегая при этом к пространным описаниям, можно сказать, что в языковом сознании данного индивида произошла концептуализация понятия и что все элементы концепта сформированы. К тому же, развитие концепта не прекращается на протяжении всей жизни человека. Концепт постоянно обогащается за счет получения новых знаний, эмоций, в результате взаимодействия с другими концептами и т.д. При этом усложняются все составляющие концепта. Формирование концепта – это чрезвычайно сложный процесс, в основе которого находится переход от чувственного образа к мыслительному.

Его этапы должны быть отражены не только при качественном анализе АП, построенного по материалам САЭ, но и при его формальном анализе. Под качественным анализом мы подразумеваем всевозможный анализ содержания АП (его тематическая, грамматическая, этимологическая и т.д. характеристики). Под формальным анализом мы понимаем непосредственный анализ структуры АП и ее динамику в зависимости от возраста.

Традиционно структура АП представляет собой деление на ядро и периферию, основой разграничения которых служит критерий частотности. К периферии (крайней периферии) относятся так называемые единичные реакции, встретившиеся в материалах эксперимента не более одного раза. Ядерную часть составляют более частотные реакции. Ядро, как и само поле, организовано по полевому признаку и в разных своих частях имеет разную плотность.

Соотношение ядерной и периферийной частей АП, по нашему мнению, определяется этапом формирования исследуемого концепта. В.Е. Гольдиным и другими представителями Саратовской лингвистической школы были разработаны четыре *динамических типа* АП. Данные типы и представляют собой отражение различных этапов концептуализации понятия (стимула) в языковом сознании респондентов.

На *п е р в о м* этапе развитие происходит согласно динамическому типу *периферийного развития*, когда у всех возрастных групп самыми частыми ответами на предъявленный стимул выступают отказы от реагирования. Этот тип поля характеризуется большим количеством периферийных реакций: крайняя периферия больше ядра, а дальняя периферия либо равна площа-

ди центральной части ядра и ближней периферии, либо превосходит ее. В центре ядра может находиться как одна, так и несколько стереотипных реакций, однако их частотность достаточно невелика. Динамический тип периферийного развития АП соответствует этапу формирования *образного представления концепта* (чувственного, эмпирического образа).

В т о р о й этап проходит по динамическому типу *вхождения в лексикон*: в ответах наблюдается возрастание доли наиболее частой словесной реакции. В ассоциативном поле, развивающемся по данному типу, отказы от реагирования перестают быть самой частотной реакцией, хотя встречаются еще достаточно часто. Как правило, на первое место выходит наиболее стереотипная реакция. Сумма реакций крайней периферии либо равна сумме реакций ядра, либо несколько превышает ее. Незначительно увеличивается доля центральной части ядра. Значительно возрастает доля реакций составляющих ближнюю и дальнюю периферии. Данный тип описывает этап *формирования представления*.

Т р е т и й этап соответствует динамическому типу *стандартизации ассоциативного поля*: заметно возрастает доля частотных словесных реакций, а также одновременно уменьшается количество единичных ответов и отказов от реагирования. Основные преобразования в строении данного поля связаны с уровнем стандартизации ассоциаций: он становится все более высоким. Можно полагать, что слова-стимулы, находящиеся в центре таких стабильных и все более стандартизирующихся полей, респондентами уже усвоены и начинают формировать их активный словарь. Крайняя периферия резко уменьшается, доля центральной ядерной части значительно возрастает. Ближняя и дальняя периферии несколько уменьшаются. Этот тип соответствует этапу формирования *понятийной составляющей концепта*.

Ч е т в е р т ы й этап – это динамический тип *усложнения поля*: психологическое значение слова не просто меняется по мере изменения возрастной группы, а заметно усложняется за счет появления новых смысловых связей и увеличения разброса реакций, формирования новых тематических групп, большего разнообразия связей и отношений. Уменьшается стандартность ответов. Ядро поля уменьшается, а периферия растет. Показатель ассоциативной силы стимула снижается, однако число отказов при этом невелико. Динамический тип усложнения поля описывает этап *развития концепта* [5].

Целью нашего исследования было выявление возрастной динамики формирования концепта «моральные ценности» путем анализа структуры его ассоциативных полей («Взрослые» и «Молодежь»), построенных на материале английского и белорусского языков.

Эксперимент проводился на территории Великобритании и Беларуси. В нем участвовали взрослые люди от 23 до 80 лет. В настоящее время исследователи активно занимаются изучением характера возрастной динамики вербальных ассоциаций (работы Т.М. Рогожниковой, Т.Ю. Касаткиной, В.Е. Гольдина, А.П. Сдобновой, Е.И. Горощко). Однако многие из них отмечают, что проблема влияния возраста и пола испытуемых на ассоциации изучена еще недостаточно, исследуются, в основном, реакции детей и молодых людей. Динамика ассоциаций, полученных от людей в зрелом или пожи-

лом возрасте, изучена слабо. Число испытуемых было приблизительно равным (83 анкеты на белорусском языке и 63 анкеты на английском языке). Белорусскоязычными испытуемыми было дано 437 реакций (241 уникальное слово), англоговорящие респонденты дали 582 реакции (346 слов). В среднем в анкетах, заполняемых на белорусском языке, приводилось по пять слов, в то время как на английском языке – по девять.

Наш эксперимент (по методике его проведения) близок к свободному ассоциативному эксперименту, поскольку он осуществлялся в письменной форме и, вследствие этого, стимул постоянно находился перед глазами испытуемых, а также время от времени произносился экспериментатором вслух. Таким образом, было получено максимально возможное количество реакций непосредственно на стимул «Моральные ценности».

В основу построения ассоциативного поля может быть положен один из двух принципов.

При построении *словесного* ассоциативного поля основным считается принцип частотности. Каждая реакция считается уникальной, и при учете показателя частотности подсчитывается только количество повторений абсолютно совпадающих реакций, т.е. реакции *навага да іншага* и *навага да іншых* считаются разными.

Понятийные ассоциативные поля также строятся по принципу частотности. Однако реакции, содержащие одинаковые понятия, объединяются в одну группу: реакции *навага*, *навага да іншага*, *навага да іншых* и т.д. считаются одной реакцией, а количество реакций суммируется. В понятийных полях одна и та же реакция может встречаться несколько раз в зависимости от объединяющего признака. Так, например, слово *узаемадапамога* может быть помещено в группу "Слова с приставкой *узаема-*" (обоюдное действие) и в группу "Дапамога".

В нашем случае было решено остановиться на построении словесного ассоциативного поля, поскольку оно позволяет дать более детальное представление о структуре исследуемого концепта.

Также важным, на наш взгляд, является разграничение полученных в ходе эксперимента количества реакций и единичных слов. Так, например, словом *дабрыня* в нашем эксперименте прореагировали 55 человек, таким образом, реакций у нас 55, а слово – одно.

В ходе исследования была разработана методика структурирования ядра ассоциативного поля, следуя которой, выявляется, какие из полученных ассоциатов относятся к центральной части ядра, а какие – к его ближней и дальней периферии. Предлагаемая методика позволяет получить материал для дальнейшего сопоставления результатов эксперимента с целью выявления разного рода изменений в структуре и семантической организации ассоциативных полей, служащих средством объективации концептов в языковом сознании испытуемых.

Для выделения непосредственно самого ядра из суммы общего количества реакций (R) вычитается сумма единичных (уникальных) реакций (r_1), относящихся к крайней периферии. Индекс обозначает так называемый ранг

описываемой реакции. Под рангом мы понимаем число, обозначающее, сколько раз данная реакция встретилась в материалах эксперимента. Например, r_{42} обозначает, что реакцией r прореагировали 42 раза. Итак, к ядру ассоциативного поля относятся все реакции с рангом от двух и выше ($r_2, r_3 \dots r_{\max}$). Реакция с максимальным количеством повторений ($r_{\max}$) будет являться центром ядра.

Для определения дальней периферии ядра (ДПЯ) используется коэффициент среднего количества реакций на одно уникальное слово (K_1), который вычисляется следующим образом: отношение разницы суммы общего количества реакций (R) и суммы всех единичных реакций (r_1) к разнице суммы всех полученных слов (W) и суммы всех слов, встречающихся не более одного раза (w_1). Это выражение можно записать в виде следующей формулы:

$$K_1 = \frac{\Sigma R - \Sigma r_1}{\Sigma W - \Sigma w_1}.$$

Реакции, имеющие ранг менее данного коэффициента или равный ему, относятся к ДПЯ, а более данного коэффициента – к оставшейся части ядра, включающей ближнюю периферию ядра (БПЯ) и центральную часть ядра (ЦЧЯ).

Чтобы разграничить БПЯ и ЦЧЯ, вводится коэффициент K_2 , для чего продлевается та же процедура, что и для расчета K_1 . Разница заключается лишь в том, что вычисляется отношение разницы суммы общего количества реакций ядра (R_n) и реакций рангом менее K_1 – реакций ДПЯ (r_d), к разнице суммы общего количества слов ядра (W_n) и суммы слов, входящих в ДПЯ (w_d). Это выражение можно записать в виде следующей формулы:

$$K_2 = \frac{\Sigma R_n - \Sigma r_d}{\Sigma W_n - \Sigma w_d}.$$

Таким образом, все реакции, имеющие ранг равный K_2 или ниже, относятся к БПЯ, а все остальные реакции составляют ЦЧЯ.

Графически структура ядра ассоциативного поля группы “Взрослые” на материале белорусского языка выглядит следующим образом (рис. 1).

Рис. 1. Структура ядра ассоциативного поля "Взрослые" (белорусский язык)

Для ассоциативного поля «Взрослые» (на материале белорусского языка) R (по результатам эксперимента) равно 437 реакций (241 слово), крайняя периферия – 171 реакция (слово), ядро – 266 реакций (70 слов). Основываясь на общей формуле, получаем, что

$$K_1 = \frac{437 - 171}{241 - 171} = \frac{266}{70} = 3,8 \approx 4, \text{ а}$$

$$K_2 = \frac{266 - 121}{70 - 48} = \frac{105}{22} = 4,7 \approx 5.$$

Следовательно, к ДПЯ относятся реакции $r_2, \dots, r_4$, к БПЯ – r_5 , а к ЦЧЯ – $r_6, \dots, r_{14}$, причем, r_{14} – *дабрыня* – является центром ядра.

А вот как графически выглядит структура ядра ассоциативного поля группы “Взрослые” на материале английского языка (рис. 2).

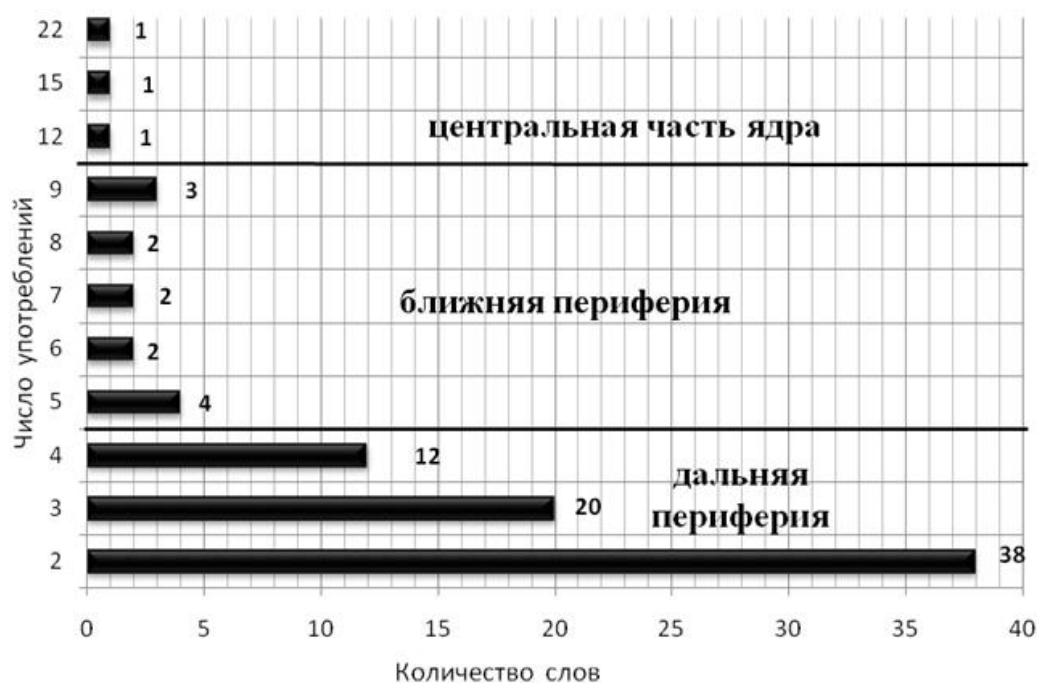

Рис. 2. Структура ядра ассоциативного поля "Взрослые" (английский язык)

Для ассоциативного поля «Взрослые» (на материале английского языка) R равно 582 реакции (346 слов), крайняя периферия – 260 реакций (260 слов), ядро – 322 реакции (86 слов).

Получаем, что

$$K_1 = \frac{582 - 260}{346 - 260} = \frac{322}{86} = 3,7 \approx 4, \text{ а}$$

$$K_2 = \frac{322 - 184}{86 - 70} = \frac{138}{16} = 8,6 \approx 9.$$

Следовательно, к ДПЯ относятся реакции $r_2, \dots, r_4$, к БПЯ – r_9 , а к ЦЧЯ – $r_{10}, \dots, r_{22}$, причем, r_{22} – *honesty* – является центром ядра.

Покажем на примере круговой диаграммы соотношение ядра, состоящего из центральной его части, ближней, дальней периферии, и (крайней) периферии.

Для того чтобы понять, какого именно типа изменения происходят в ассоциативном поле «Взрослые», для сравнения приводятся диаграммы ассоциативных полей возрастной группы «Молодежь» (18–22 года) (рис. 3, 4).

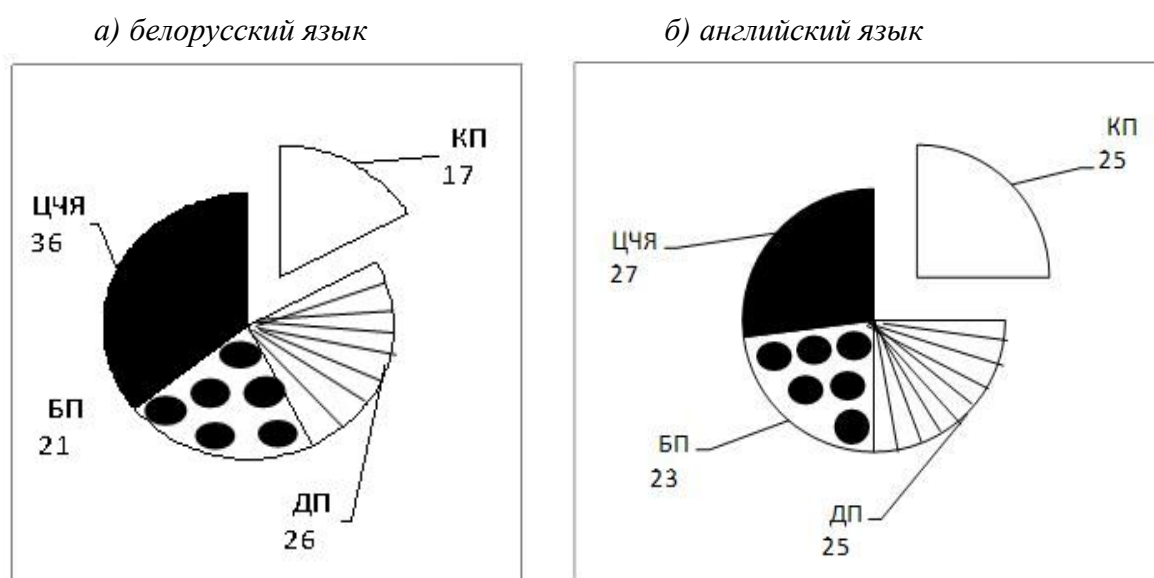

Рис. 3. Диаграммы ассоциативных полей группы «Молодежь», %

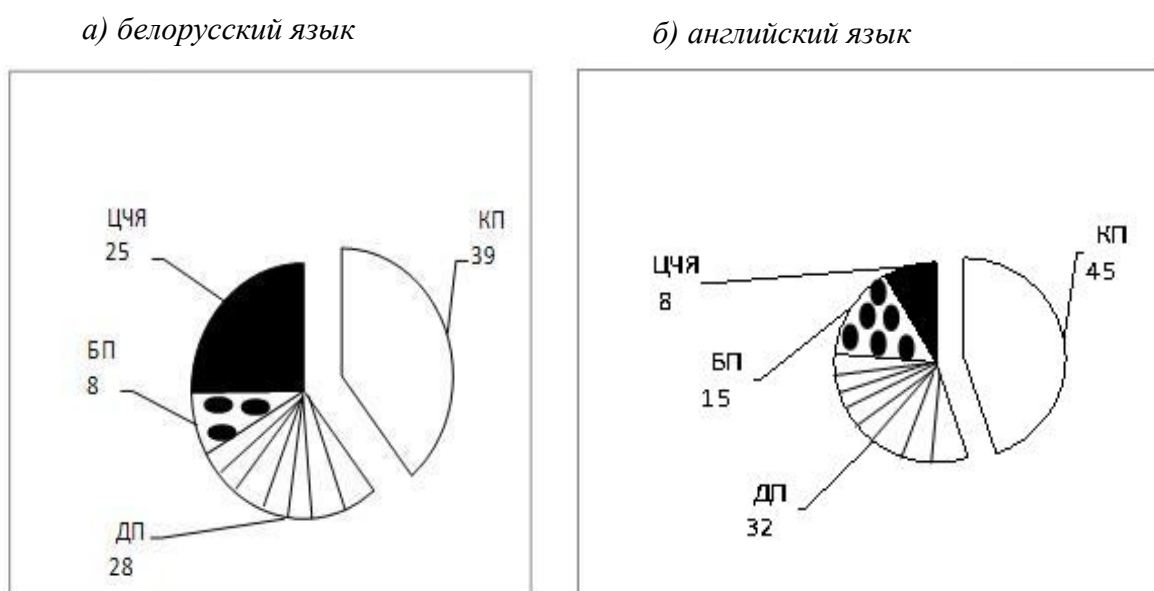

Рис. 4. Диаграммы ассоциативных полей группы «Взрослые», %

Сопоставляя структуры ассоциативных полей группы «Взрослые», можно заметить, что крайние периферии (в процентном соотношении) как одного, так и второго поля в значительной мере совпадают: на ядерные реакции приходится около 60% реакций (61% на материале белорусского языка и 55% – английского). Дальние периферии соотносятся приблизительно так же (32% английский язык; 28% – белорусский). Основное отличие заключается в распределении реакций между ближней периферией и центральной частью ядра. Однако, несмотря на частные различия, обе структуры развиваются по динамическому типу усложнения поля. Ядро поля уменьшается (в сравнении с ассоциативными полями группы «Молодежь»), крайняя периферия увеличивается, периферийная часть ядра также уменьшается (на материале белорусского языка) либо остается приблизительно такой же (на материале английского языка). Дальняя периферия несколько увеличивается, ближняя же периферия заметно сокращается. Данная тенденция отражает продолжение концептуализации исследуемого понятия как следствие процесса социализации, продолжающегося в течение всей жизни человека. В периферийной части (как ядра, так и ассоциативного поля в целом) отражается уникальный индивидуальный опыт испытуемых, то специфическое, что делает одного человека не похожим на другого. В ядре же сконцентрированы все наиболее частотные и стереотипные реакции, все то, что позволяет говорить о существовании национального характера и о принадлежности индивида к определенной культурной традиции.

Таким образом, формирование концепта – это сложный многоступенчатый процесс, проходящий несколько этапов: развитие

- 1) образного представления концепта (чувственного, эмпирического образа);
- 2) представления;
- 3) понятийной составляющей концепта;
- 4) концепта.

Все эти этапы фиксируются в языковом сознании человека, которое возможно исследовать только на основе эксперимента (в том числе и САЭ).

Ассоциативный эксперимент дает богатейший материал для исследователя, и что особенно важно – для построения ассоциативных полей, являющихся отражением актуального состояния концепта в языковом сознании испытуемого. Анализ данных полей и позволяет выявить этап концептуализации понятия. Существуют разные виды анализа. Так, анализ ассоциативного поля может быть, например, формальным (исследуется сама структура ассоциативного поля и ее динамика) или качественным (исследуется содержание ассоциативного поля).

Как правило, при исследовании ассоциативных полей большое внимание уделяется качественному анализу: дается лексико-тематическая характеристика поля, изучается частеречное разнообразие реакций, рассматриваются

типы связей в ассоциативных биномах и т.д. Формальный же анализ, в некотором роде, отходит на второй план. Наш эксперимент показал, что даже простое изучение динамики структуры ассоциативного поля (соотношение центральной ядерной части, ближней дальней и крайней периферии) позволяет определить этап формирования концепта. Это становится возможным при соотнесении этапов формирования концепта с динамическими типами ассоциативных полей В.Е. Гольдина.

Каждый конкретный этап концептуализации протекает по определенным законам и вызывает более или менее схожую реакцию у испытуемых. Вычислив соотношение наиболее частотных и единичных реакций, количество ассоциатов, составляющих ближнюю и дальнюю периферии, с количеством ассоциатов центральной части ядра, число отказов с общим числом реакций и т.д., можно выявить динамический тип ассоциативного поля и определить, на каком этапе концептуализации находится исследуемое понятие в языковом сознании респондента. Данный тип анализа позволяет отвлечься от конкретного языкового материала, что бывает чрезвычайно полезным при межкультурных исследованиях. Наш эксперимент доказывает, что формальный анализ изменений структуры концепта может с такой же точностью, как и анализ происходящих в нем семантических изменений, дать представление об этапах формирования концепта у испытуемых.

Сравнив структуру ассоциативных полей («Молодежь» и «Взрослые») концепта «моральные ценности», мы получили не только подтверждение идеи динамичности ассоциативного поля, но и того, что процесс концептуализации в синхронии не завершается к моменту установления в языковом сознании испытуемого стандартизированного концептуального образа. Исходя из анализа полученного материала, можно заключить, что данный процесс продолжается непрерывно по мере накопления человеком его жизненного опыта.

Таким образом, проведенное нами исследование показывает, что ассоциативный эксперимент является продуктивным способом изучения языкового сознания в целом и отраженных в нем этапов формирования концепта в частности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова [и др.]; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М. : МГУ, 1996. – 245 с.
2. Клименко, А.П. Лексическая системность и ее психолингвистическое изучение: учеб. пособие / А.П. Клименко. – Минск : МГПИИЯ, 1974 – 108 с.

3. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
4. Щур, Г.С. Теории поля в лингвистике / Г.С. Щур. – 3-е изд. – М. : URSS, 2009. – 264 с.
5. Гольдин, В.Е. К типологии возрастной динамики ассоциативных полей / В.Е. Гольдин // Язык. Сознание. Культура: сб. науч. ст. / под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. – М. ; Калуга : Эйдос, 2005. – С. 165–174.

The article is devoted to the stages of concept formation in the respondents' linguistic consciousness. The particular stress in the investigation is given to the analysis of the associative field of the concept "moral values". The results of the associative experiment support the idea of dynamic nature of the conceptualization.

Поступила в редакцию 04.04.11

РОМАНСКОЕ И ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Е.А. Быстрова

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(на материале романа М. Бютора «Изменение»)

В статье сообщаются результаты изучения реализации эпистемических значений в современном французском художественном тексте. Целью исследования, выполненного на материале романа М. Бютора «Изменение», стало выявление прагматического потенциала показателей эпистемической модальности – вероятностной оценки описываемых событий и ситуаций – в литературном тексте. Дополняя художественное описание, эпистемически маркированные высказывания оформляют выводы, предположения, догадки рассказчика. Расширяя поле зрения автора-наблюдателя, эпистемическое маркирование обогащает повествование.

Всякое художественное произведение, представляя собой рассказ о вымышленных (как правило) либо реальных (реже) событиях, строится «от третьего лица» либо имеет форму псевдоавтобиографического повествования. В первом случае автор выступает в качестве «всевидающего» и «всезнающего» рассказчика, во втором – предстает как рассказчик-персонаж. Роман М. Бютора «Изменение» [1] написан во втором лице множественного числа – в роли автора и главного героя выступает читатель:

(1) *Au moment où **vous** demandiez à l'employé qui **vous** poinçonnait le billet que **vous** veniez d'acheter au guichet des relations internationales quel était le quai où **vous** deviez **vous** rendre, **vous vous** êtes aperçu qu'il était presque en face de **vous**, avec son cadran à l'entrée aux aiguilles immobiles marquant non point l'heure qu'il était mais celle où le train devait partir, huit heures dix, <...> et **vous** avez profité des quelques instants qui **vous** restaient encore pour acheter sans le choisir le livre qui depuis n'a pas quitté **votre** main gauche, ainsi que le paquet de cigarettes encore intact qui se trouve dans la poche de **votre** manteau, sous **votre** écharpe* [1, p. 19–20] 'В ту самую минуту, когда **вы** спрашивали у служащего, компостировавшего **ваш** билет, который **вы** только что купили в международной кассе, на какую платформу **вам** следует пройти, **вы** заметили, что она находится едва ли не прямо перед **вами**, с циферблатом, неподвижные стрелки которого показывают не время, а час отправления поезда, восемь часов десять минут, <...> и **вы** воспользовались несколькими мгновениями, которые у **вас** еще оставались, чтобы купить первую попавшуюся книгу, которую с тех пор **вы** так и держите в левой руке вместе с еще не распечатанной пачкой сигарет, в кармане пальто, под шарфом' [здесь и далее перевод наш. – Е.Б.].

Используя местоимение *vous* 'вы' для указания на главного героя, повествующего о своем путешествии из Парижа в Рим, автор сокращает до

минимума расстояние между читателем и персонажем-рассказчиком. При этом повествование ведется от лица главного героя (а не «всезнающего» автора) – об этом свидетельствуют показатели *эпистемической модальности*. Этот вид модальности определяется как оценка говорящим (пишущим) субъектом «шансов» на то, что некоторое положение дел имело, имеет или будет иметь место [2, с. 254]; диапазон эпистемических значений колеблется от абсолютной уверенности до полной неуверенности субъекта речи в соответствии сообщаемого действительности, включая промежуточные нюансы [3, с. 71].

Среди показателей эпистемических значений во французском языке наиболее исследованными являются модальный полувспомогательный глагол *devoir* (в эпистемическом значении не имеет прямого эквивалента, при переводе на русский язык представляется наиболее приемлемым употреблять модальное слово *очевидно*) [4] и модальное наречие *peut-être (que)* ‘возможно’, ‘может быть’ [5; 6]. Автор романа «Изменение» использует также модальные слова и выражения *probablement* ‘вероятно’, *vraisemblablement* ‘вероятнее всего’, *sans doute* ‘наверняка’, *sûrement* ‘несомненно’, безличные конструкции *il est (peu) probable que* и *il est (peu) vraisemblable que* ‘(мало)вероятно, что’, маркирующие различную степень уверенности рассказчика в достоверности описываемых событий и ситуаций:

(2) *Comme le train est arrêté, la chaleur est devenue plus lourde. Vous savez que vous êtes à Modane, mais les vitres entièrement embuées vous empêchent de rien voir du paysage qui **doit** être couvert de neige* [1, p. 158] ‘Поскольку поезд остановился, стало еще жарче. Вы знаете, что проезжаете Модану, но полностью запотевшие стекла не позволяют вам видеть ландшафт, который, **очевидно**, занесен снегом’.

Передавая вероятностную оценку сообщаемого, эпистемическая модальность отражает субъективную позицию говорящего и представляет безусловный интерес для прагматически ориентированного лингвистического анализа. Роль же эпистемической модальности в художественном описании еще не была объектом отдельного изучения. Как известно, описание – в ущерб психологическому анализу – превалирует в произведениях литературного течения «Новый роман», к которому относят прозу М. Бютора. Это определило выбор романа «Изменение» в качестве материала для изучения реализации эпистемических значений в тексте.

Центральный персонаж романа «Изменение», втайне от сослуживцев и семьи предпринявший путешествие в Рим, наблюдает за сменяющимся за окном пейзажем и своими попутчиками – людьми, о семейной истории, положении в обществе или профессии которых ему ничего не известно. Но, основываясь на наблюдаемых признаках и собственных знаниях, главный герой «включает» игру воображения – делает выводы, строит предположения и догадки, маркируемые эпистемическими показателями:

(3) *Sur la même banquette <...> un jeune homme qui **doit** avoir fini son service militaire, blond, vêtu de tweed gris clair, avec une cravate à raies obliques rouges et violettes, tient dans sa main droite la gauche d’une jeune fille plus brune*

que lui <...>. Ce ne sont pas seulement des amoureux mais de jeunes époux puisqu'ils ont tous les deux leur anneau d'or, de fraîche date, peut-être en voyage de noces, et qui ont sans doute acheté pour l'occasion, à moins que cela soit le cadeau d'un oncle généreux, ces deux grandes valises semblables, flambant neuves, en peau de porc ... [1, p. 9] 'На том же сиденье <...> молодой человек, очевидно, уже отслуживший в армии, светловолосый, одетый в светло-серый твидовый костюм, при галстукe в косые красные и фиолетовые полосы, держит в правой руке левую руку молодой девушки, волосы которой темнее его собственных <...>. Это не просто возлюбленные, а молодые супруги, поскольку у обоих – совсем новые обручальные кольца, возможно, они едут в свадебное путешествие, а эти абсолютно новые, почти одинаковые чемоданы из свиной кожи они наверняка купили именно для этого путешествия, если только это не подарок щедрого родственника ...'.

Показатель обоснованного вывода – модальный глагол *devoir* – маркирует умозаключение рассказчика о том, что молодой человек, очевидно, уже отслужил в армии: на это указывает его возраст. Главный герой допускает (*peut-être* 'возможно'), что молодые супруги едут в свадебное путешествие: он видит обручальные кольца, но цель поездки ему неизвестна. При этом, глядя на совсем новые чемоданы молодоженов, рассказчик не сомневается (*sans doute* 'несомненно'), что они были куплены специально для этого путешествия.

Показатели эпистемических значений – от сомнения до полной уверенности – позволяют подробно описать другого попутчика, которого главный герой считает университетским преподавателем:

(4) *Il fait effort pour garder les yeux fixés sur les lignes agitées par le mouvement du wagon, pour aller vite dans sa lecture mais sans rien laisser échapper d'important, un crayon dans sa main droite, marquant de temps en temps une croix dans la marge, parce que ce texte doit lui servir à préparer quelque chose, un cours sans doute qui n'est pas prêt et qu'il doit¹ donner cet après-midi, un cours de droit probablement, puisque, si le titre courant danse trop pour que vous puissiez le déchiffrer à l'envers, vous êtes pourtant capable d'identifier les trois premières lettres L, E, G, du premier mot qui doit être « législation », vraisemblablement à Dijon puisqu'il n'y a pas d'autre université sur la ligne avant la frontière* [1, p. 49] 'Он с усилием сосредотачивает взгляд на прыгающих от движения поезда строках, чтобы читать быстро, при этом не упуская ничего важного, держа в правой руке карандаш, которым время от времени он делает пометки на полях, так как, очевидно, этот текст служит для подготовки чего-то, наверняка лекции, которая не готова и которую он должен читать сегодня во второй половине дня, вероятно, это лекция по праву, поскольку, хотя название слишком

¹ Данный контекст допускает двоякую – как деонтическую, так и эпистемическую – интерпретацию глагола *devoir*: *Il doit donner un cours cet après-midi* 'Сегодня во второй половине дня он должен читать лекцию' или 'Сегодня во второй половине дня он, очевидно, читает лекцию'.

сильно прыгает, чтобы вы смогли прочесть его в перевернутом виде, вам все же удастся рассмотреть три первые буквы, *З, А, К*, первого слова – **очевидно**, это слово «законодательство», **вероятнее всего**, в Дижоне, поскольку в этом направлении и до самой границы больше нет университетов’.

В примере (4) основой описания является глагол *devoir*, маркирующий умозаключение рассказчика: очевидно, текст служит для подготовки чего-то. В основе вывода лежат его наблюдения – попутчик читает внимательно и делает пометки карандашом на полях. Вывод, в свою очередь, сменяется уверенностью (*sans doute* ‘несомненно’) в том, что мужчина готовится именно к лекции. Тот факт, что его попутчик преподает право, главный герой считает вероятным (*probablement* ‘вероятно’) – быть уверенным в этом полностью ему не позволяет отсутствие возможности прочесть название лекции целиком. По трем первым буквам он все же приходит к выводу, что, очевидно (глагол *devoir*), название лекции начинается со слова «законодательство». Наконец, рассказчик делает вывод (*vraisemblablement* ‘по-видимому’), что его попутчик читает свои лекции в Дижоне: ему доподлинно известно, что, кроме Дижона, в этом направлении и до самой границы нет города, где есть университет.

Как видим, высокой степенью вероятности (с точки зрения автора) обладают сведения, имеющие выводную природу. Они основаны на наблюдаемых (первые буквы в названии лекции) либо уже известных (университет есть только в Дижоне) рассказчику фактах.

Обоснованные выводы становятся своего рода платформой, позволяющей рассказчику продолжить описание попутчика, которое постепенно начинает включать предположения и даже догадки. Дальнейшие утверждения маркированы как вероятные либо возможные; семантика обоснованного умозаключения (глагол *devoir*) уступает значению предположения (наречие *peut-être*), а само повествование начинает походить на домысел:

(5) *Bien loin que son traitement lui permette une escapade à Rome comme celle que vous êtes en train de réaliser, **il est probable** qu’il aimerait, s’il en avait les moyens, si le fait d’éviter à tout prix les dépenses superflues dans les vêtements n’était pas déjà devenu chez lui une seconde nature, en porter d’autres que ceux-ci, presque râpés, et qui même lorsqu’ils étaient neufs ne **devaient** pas avoir la moindre prétention à l’élégance, un autre manteau que ce pardessus **peut-être** déjà légendaire à la faculté ...* [1, p. 50] ‘При том, что его жалование слишком мало, чтобы он мог позволить себе путешествие в Рим, подобное тому, которое совершаете сейчас вы, он, **вероятно**, был бы рад, если бы у него на то были средства, если бы привычка любой ценой избегать излишних трат на одежду не стала уже его второй натурой, носить другую одежду, не такую, какая на нем сейчас, почти рваная, которая, **очевидно**, даже когда была новой, едва ли была хоть сколько-нибудь элегантною, другое пальто, вместо этого, которое, **возможно**, уже стало легендарным на факультете ...’.

В примере 5 у рассказчика нет достаточных оснований считать, что попутчик хотел бы одеваться в лучшую одежду, равно как и утверждать, что его старое пальто известно всем на факультете.

Оформляя выводные и предположительные сведения, показатели эпистемической модальности позволяют конструировать и включать в повествование целые фрагменты «закадровой» реальности¹, параллельной реальности рассказчика. Придумав своим попутчикам биографии, он начинает подбирать им имена – например, молодоженов он называет Пьером и Аньес:

(6) *Ce mouvement, ce balancement, ce bruit, cette lumière, que tout cela commence à vous peser ; <...> mais vous ne pouvez pas, vous ne pouvez déranger cette vieille dame, vous ne voulez pas vous montrer moins résistant que ce Pierre sur l'épaule duquel dort maintenant son Agnès et qui **doit** pourtant avoir beaucoup moins que vous l'habitude de cette ligne, qui **doit** même **vraisemblablement** faire pour la première fois le trajet Paris-Rome ...* [1, p. 216] 'Это движение, эта тряска, этот шум, этот свет, как же все это начинает вас тяготить; <...> но вы не можете, не можете потревожить эту старушку, вы не хотите показаться менее выносливым, чем этот Пьер, у которого на плече теперь спит его Аньес и который, **очевидно**, все же гораздо реже ездит в этом направлении, который, **вероятнее всего**, совершает поездку из Парижа в Рим впервые ...'.

В примере (6) автор не знает, действительно ли его более молодой сосед намного реже ездит из Парижа в Рим, на самом ли деле это его первая поездка; эти утверждения являются всего лишь догадками главного героя, на протяжении всего хода повествования сохраняющего статус рассказчика-наблюдателя.

Таким образом, показатели эпистемической модальности позволяют рассказчику описывать целые фрагменты действительности, недоступные его наблюдению, и сообщать факты, доподлинно ему не известные. Эпистемическое маркирование могут получать не только факты и ситуации, но также мысли и внутренние состояния персонажей:

(7) *... le voici, cet homme à casquette, qui ouvre la porte à glissière, qui de sa bouche moustachue vous réclame "biglietti per favore": gêné par l'immobilisation douloureuse de votre cou, vous fouillez les poches de votre manteau et de votre veston, et c'est seulement dans votre pantalon que vous tâtez enfin cette feuille de papier mince <...> ; il **a dû** y avoir déjà un contrôleur tout à l'heure, ce contrôleur, tandis que vous étiez au wagon-restaurant, mais il ne vous dévisageait pas de cette façon ; il **devait** vous croire en première classe ; il **a peut-être** l'habitude de vous voir en première classe ; il est **peut-être** très surpris de vous trouver ici cette fois-ci ; il **doit** se demander si vous êtes ruiné ; il touche sa casquette avec sa poinçonneuse ; il referme violemment la porte à glissière* [1, p. 217] '... вот и он, этот человек в кепке, который открывает раздвижную дверь и своим усатым ртом требует «билеты, пожалуйста»: мучаясь скованностью шеи, вы ищете в карманах пальто и пиджака, но только в кармане брюк вы нащупываете наконец этот клочок бумаги <...>; **очевидно**, контролер уже приходил, вот этот контролер, когда вы

¹ Речь идет, разумеется, о фиктивной реальности. Мы исходим из того, что вся действительность, создаваемая автором художественного текста, является фиктивной.

были в вагоне-ресторане, но он не смотрел на вас таким взглядом; **очевидно**, он думал, что вы едете первым классом; **возможно**, он привык видеть вас в вагоне первого класса; **возможно**, он очень удивился, увидев вас в этот раз здесь; **очевидно**, он думает, что вы разорились; он отдает честь, прикладывая компостер к кепке, и резко закрывает раздвижную дверь купе’.

В примере (7) эпистемическое маркирование позволяет передать ход мыслей контролера поезда. Утверждения рассказчика основаны на реакции контролера при виде состоятельного пассажира, вопреки обыкновению совершающего путешествие в вагоне третьего класса.

Таким образом, как выводные, так и предположительные сведения становятся неотъемлемой частью повествования. При этом, не будучи по своей природе стопроцентно достоверными, они могут подвергаться сомнению или даже опровергаться самим рассказчиком:

(8) ... *vous vous efforcez de fermer la porte coulissante, qui, après quelques soubresauts, refuse d’avancer plus loin, au moment même où apparaît dans le carreau à votre droite un petit homme au teint très rose, couvert d’un imperméable noir et coiffé d’un chapeau melon, <...> un Anglais vraisemblablement, le propriétaire sûrement de ce parapluie noir et soyeux qui raie la moleskine verte, qu’il prend en effet, qu’il dépose, non point sur le filet mais au dessous, sur la mince étagère faite de tringles, ainsi que son couvre-chef, le seul dans ce compartiment pour l’instant, un peu plus âgé que vous sans doute, son crâne bien plus dégarni que le vôtre* [1, p. 11] ‘... вы силитесь закрыть раздвижную дверь, которая, после нескольких рывков, отказывается двигаться с места, как раз в ту минуту, когда в проеме справа от вас появляется невысокий мужчина с розовым лицом, в черном плаще и шляпе-котелке, <...> **вероятнее всего**, англичанин, **несомненно**, владелец этого лежащего на сиденье из зеленой ткани черного атласного зонта, который он на самом деле берет и кладет, но не в багажную сетку, а выше, на небольшую полку, так же, как и свой головной убор, пока единственный в купе; **наверняка** он немногим старше вас, судя по чуть менее густой шевелюре, чем ваша’.

В примере (8) рассказчик приходит к заключению, что его очередной попутчик – англичанин; на это указывают его внешность и форма одежды. Но в примере (9) автор сам указывает на недостаточную обоснованность такого вывода:

(9) ... *d’où savez-vous qu’il est anglais, cet homme dont tout ce que vous avez le droit de dire pour l’instant qu’il a l’apparence d’un Anglais, qu’il a le teint, les vêtements et le bagage d’un Anglais, qui n’a pas prononcé un seul mot, qui tente en vain de se refermer la porte derrière lui* [1, p. 46] ‘... **с чего вы взяли**, что он – англичанин, этот мужчина, о котором вы на данный момент лишь можете сказать, что **он похож** на англичанина, что у него цвет лица, одежда и чемодан, как у англичанина, при этом он не произнес ни единого слова, а лишь тщетно пытается закрыть за собой дверь купе’.

Опровержение выводных (предположительных) сведений либо сомнение в их достоверности со стороны автора подтверждает его статус персонажа-наблюдателя (в отличие от «всевидящего» рассказчика, в поле зрения которого оказывается все происходящее).

В примере 9 эксплицированы предпосылки вывода, что позволяет, помимо прочего, увидеть четкую грань между выводной информацией и знанием автора – стопроцентной достоверностью обладает лишь последнее (но достоверными знаниями о попутчиках рассказчик не обладает). Вместе с тем предпосылки могут оказаться достаточными для правильного вывода, а их верная интерпретация – привести к заключению о положении дел, которое соответствует действительности:

(10) ... *celui que vous nommez l'Anglais prend dans la poche de son imperméable de cuir un étui de Churchman's, en tire la dernière cigarette, et le jette sur la voie, puis referme lentement la vitre, se retourne vers vous, craque une allumette, commence à fumer, va chercher dans la poche de son veston à carreaux le Manchester Guardian qu'il commence à lire ...* [1, с. 47] 'Тот, кого вы называете англичанином, достает из кармана кожаного плаща пачку сигарет "Черчман", вытаскивает из нее последнюю сигарету, бросает пустую пачку на рельсы, затем медленно закрывает окно, вновь поворачивается к вам, зажигает спичку, закуривает, достает из кармана клетчатого пиджака газету "Манчестер Гардиан" и принимается за чтение'.

В примере (10) оказывается, что попутчик главного героя – на самом деле англичанин. Тем самым автор показывает читателю, что выводам и догадкам рассказчика-наблюдателя «можно доверять», а предполагаемые события и ситуации нередко имеют (имели) место на самом деле.

Таким образом, показатели эпистемической модальности не только охватывают значительный семантический объем, маркируя самую различную степень достоверности сообщаемого, но и обладают несомненным прагматическим потенциалом. Эпистемическое маркирование позволяет автору художественного текста вести рассказ от лица главного героя, включая в повествование выводы, предположения, догадки, фантазии. Использование эпистемических показателей дает автору возможность сохранять статус наблюдателя на протяжении всего хода повествования, при этом существенно расширяя его поле зрения. Отображая события и ситуации, недоступные для непосредственного восприятия рассказчика-наблюдателя (происходящие параллельно либо относящиеся к прошлому или будущему), эпистемически маркированные высказывания обогащают художественный текст.

ЛИТЕРАТУРА

1. Butor, M. La Modification / M. Butor. – Paris : Les Ed. de Minuit, 2005. – 320 p.
2. Carretero, M. A New Angle on an Old Theme: Epistemic Modality Reconsidered / M. Carretero // Estudios Ingleses de la Universidad Complutense. – 1996. – №4. – P. 253–263.

3. *Le Querler, N.* Typologie des modalités / N. Le Querler. – Caen : Presses Univ. de Caen, 1996. – 159 p.
4. *Dendale, P.* Devoir épistémique, marqueur modal ou évidentiel / P. Dendale // *Langue française*. – 1994. – № 102. – P. 24–40.
5. *Dendale, P.* A semantic description of French lexical evidential markers and the classification of evidentials / P. Dendale, J. Van Bogaert // *Rivista di Linguistica*. – 2007. – № 19/1. – P. 65–89.
6. *Van Der Auwera, J.* La grammaire de la modalité / J. Van Der Auwera // *Développements récents en grammaire fonctionnelle Publications de la Faculté des Lettres et des Sciences Humaines / Université Hassan II, Mohammedia ; Série Colloques №16 ; M. Jadir (coord.)*. – Mohammedia, 2003. – P. 109–120.

The article reveals the pragmatic potential of a number of epistemic markers in modern French literary text. It shows that epistemic modality allows the author to include in his narration conclusions, conjectures and speculations, without altering his status of the observer.

Поступила в редакцию 07.04.11

Т.В. Кожарина

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ТОПОНИМА В ЕГО ДВИЖЕНИИ ОТ ПЕРВИЧНОГО ЗНАЧЕНИЯ КО ВТОРИЧНОМУ

Рассматриваются семантические изменения топонима в его движении от первичного значения ко вторичному на материале французских СМИ. Наиболее распространенной и наименее нагруженной моделью семантической деривации топонимов, обозначающих города и страны, является «место – люди». Топонимы, в основе которых значимое историческое событие, «уплотняются» за счет различных контекстов и стремятся к обозначению результата события. Иной тип семантического преобразования топонима представлен моделью «место – характеристика места». Вследствие семантических трансформаций топоним может терять связь с географическим объектом и начинает функционировать как обобщенное название однородных объектов или процессов, постепенно переходя в класс апеллятивов. Появление оттопонимических дериватов свидетельствует о закреплённости переносного значения топонима и подчеркивает важность его семантического преобразования. Семантическое переосмысление топонима способствует фразеологизации исследуемых единиц.

Топоним как лексическая единица несет указание на географический объект и является органичной составляющей языкового отражения действительности. Вместе с тем, будучи емким носителем экстралингвистического знания, топоним в функции вторичной номинации способен актуализировать различные смыслы, расширяя тем самым пространство текста и обогащая собственное семантическое содержание.

Исходя из тезиса о том, что «в социально ориентированной коммуникации особенно ярко проявляется связь топонимов с историей, культурой,

социальной организацией и политической жизнью общества» [1, с. 111], мы ставим перед собой задачу выявить типы семантических изменений французского топонима в его движении от первичного значения ко вторичному на материале общественно-политических изданий и информационных порталов, таких как “Le Monde Diplomatique” (MD) “Humanité” (Hum.), “Libération” (Lib.), “Le Figaro (Fig.)” и др.

Топоним представляет собой «уникальный банк смыслов» [1, с. 11], которые при определенных условиях реализации становятся элементами контекстуального значения. Это свойство топонимов позволяет говорить о наличии особых трансформационных процессов, в результате которых энциклопедические знания и культурная семантика становятся элементами в системе языка.

Анализ материала показал, что наиболее распространенными и наименее экспрессивно нагруженными деривационными моделями топонимов, обозначающих государства или города, являются *метонимические переносы* типа **«место – жители»**: *La France à la traîne* (Hum., le 23 Janv. 1995); *On estime que le Royaume-Uni a besoin de vingt-cinq mille médecins...* (MD, Déc. 2006); **«место – официальный/е представитель/и»**: *Pékin a annoncé que toute la production devra être fabriquée sur place d'ici à cinq ans* (MD, Déc. 2006); *...Moscou souhaitait éloigner du bassin de la mer Noire et du Caucase des populations...* (MD, Déc. 2006); **«место – институт власти»**: *L'Arabie saoudite tire un double avantage de cette radicalisation* (MD, Déc. 2006); *Néanmoins, Washington séduisit ensuite les pays d'Amérique centrale...* (MD, Déc. 2006); **«место – национальная спортивная команда»**: *"Félicitations, la France", "Merci pour un match formidable et une Coupe du monde merveilleuse"* (Hum., le 14 Juil. 1998); *la France a remporté pour la neuvième fois la Coupe Davis de tennis* (Hum., le 3 Déc. 2001).

Характеризуясь антропоморфностью и регулярностью воспроизведения, данные модели не представляют проблем для понимания. По мнению Ж. Числару (G. Cislaru) [2] и Ж. Клейбер (G. Kleiber) [3], их следует рассматривать как интегрированные/конвенциональные/лексикализованные метонимии (*métonymies intégrées/conventionnelles/léxicalisées*), образность которых постепенно утратилась.

Вместе с тем топонимы часто отходят от стандартной модели семантического преобразования, что свидетельствует об их многозначности («*polysignifiante*» [4]/«*omnisignifiante*» [5]). Отсюда их многообразные взаимодействия с контекстом и, как следствие, семантическая гибкость [4].

К характерным для топонима явлениям относится *семантический перенос* типа **«название места – название события»**. По мнению И.Э. Ратниковой [1], большинство топонимов являются потенциальными бисемантами с первичным значением места и вторичным – события. Это подтверждается нашим материалом: *Bérézina* (река) – *Bérézina* (сражение 1812 г.); *Grenelle* (улица в Париже) – *Grenelle* (переговоры 1968 г.); *Waterloo* (населенный пункт недалеко от Брюсселя) – *Waterloo* (сражение 1815 г.); *Verdun* (город на северо-востоке Франции) – *Verdun* (битва 1916 г.); *Outreau* (город на севере Франции) – *Outreau* (судебный процесс).

Изменение смысла находится в прямой зависимости от значимости и известности события и не связывается лишь с указанием на тот или иной факт. В тексте семантика топонима «уплотняется» различными чертами, отсылающими к обозначаемому событию. Так, например, во фразе *A une semaine à peine des élections la droite commence à craindre qu'une "Berezina régionale" ne vienne confirmer son désastre national de juin dernier* (Hum., le 9 Mars 1998) топоним *Berezina*, исторически связанный с поражением армии Наполеона на реке Березина, приобретает значение 'крах, разгром, поражение, катастрофа'. А в предложении *Six syndicats sur sept de la banque des banques ont appelé à cette journée de mobilisation pour "un Grenelle des services publics"* (Hum., le 18 Juin 2003) топоним *Grenelle* (улица в Париже), отсылая читателя к важным переговорам мая 1968 г., становится обозначением любых напряженных переговоров на высоком уровне.

Вторичное значение должно пройти своеобразную «фильтрацию» [5] во временном и текстовом пространстве. Ярким примером семантического «уплотнения» и «фильтрации» может служить топоним *Outreau*¹.

В самом начале судебного разбирательства данный топоним используется в значении 'сеть преступников': *Outreau: un réseau d'ouvriers et de notables. Viols, meurtres, pédophilie: les fantômes d'Outreau* (Fig., le 14 Janv. 2002). Затем – непосредственно в значении 'судебный процесс': *Outreau: le verdict n'a pas dissipé le malaise* (Le Soir, le 3 Juil. 2004), *Beaucoup a été dit, sur la tragédie judiciaire, sur l'innocence bafouée, sur la nuisible sacralisation de la parole de l'enfant. Peu cependant, en dehors des habituelles propositions de réforme législative, sur le fonctionnement global de l'institution judiciaire, dont Outreau n'est que le révélateur* (Lib., le 5 Juil. 2004). В процессе следствия были выдвинуты обвинения в адрес 18 человек, однако действительно виновными оказались лишь 4. Вскрыв важные нарушения законности в судебно-правовой системе Франции, дело Outreau было квалифицировано экспертами как 'судебное фиаско', что нашло отражение в языке СМИ: *Des centaines de petits OUTREAU* (в заголовке), *Quelles réformes peuvent être proposées après Outreau?* (в подзаголовке), *Le séisme d'OUTREAU n'est pas le résultat de la défaillance d'un seul juge, ni même d'un seul tribunal, il est l'incident tardif mais logique du fonctionnement malsain d'une société déviante dont la Justice n'est plus que le bras armé* (<http://www.sos-papa.net>, Janv. 2006); *Fabrice Burgaud, au coeur du fiasco d'Outreau, a été longuement entendu par ses pairs* (Fig., le 24 Oct. 2006).

Анализ контекстов *Outreau* с 2001 по 2006 гг. позволил выявить эволюцию топонима *Outreau*. До начала рассматриваемых событий *Outreau* употребляется в своей первичной функции – указание на конкретный географический объект: *L'inimaginable s'est produit, il y a peu, dans un quartier*

¹ Outreau (Утрó) – город в регионе Па-де-Кале, в котором началось громкое судебное разбирательство по делу о сексуальных преступлениях против несовершеннолетних. Это уголовное дело, длившееся с конца 2001 по 2005 г., вскрыло глубокие социальные проблемы общества и серьезные нарушения функционирования судебной системы во Франции.

populaire d'Outreau, près de Boulogne-sur-Mer (Pas-de-Calais) (L'express, le 13 Déc. 2001). Однако в процессе раскручивания «сценария Outreau»¹ семантика топонима «уплотняется» (сеть преступников→судебный процесс→судебное фиаско) и в результате «фильтрации» закрепляется основное переносное значение. О стабильности полученного значения свидетельствуют более поздние контексты, где топоним *Outreau* систематически продолжает использоваться в значении 'судебное фиаско': *Il y a dix ans, le désastre d'Outreau commençait* (<http://www.7sur7.be>, le 22 Févr. 2011); *Acquittés d'Outreau: la caisse de résonance des médias numériques est pernicieuse* (L'express, le 2 Mars 2011); *Outreau: 10 ans après, les esprits toujours pas apaisés* (Fig., le 4 Mars 2011).

Топоним, таким образом, «аккумулирует» все, что было зафиксировано в общественном сознании в отношении обозначаемого места: «le nom propre est habité par des discours, il peut même être discours» [2, с. 352].

Вторичная семантика топонима-события может также способствовать появлению неологизмов путем морфологической деривации – *outraeuesque*: *Ce n'est pas totalement inexact dans le sens où Nuremberg était sans precedent....oui, peut être qu'il y avait des failles ou plutôt des lacunes mais je ne pense pas que Nuremberg était une cata **outraeuesque** pour autant* (Информационный портал, посвященный Второй мировой войне, <http://www.39-45.org>). Автор, анализируя Нюрнбергский процесс, признает наличие определенных пробелов в судебно-правовой системе, указывая при этом, что недостатки Нюрнберга нельзя рассматривать наравне с катастрофой Утро. Использование деривата *outraeuesque* подчеркивает важность семантического преобразования топонима *Outreau* и усиливает прагматический эффект, производимый на читателя.

Принципиально иной тип семантической трансформации представлен моделью «место – типичные признаки места». В основе данного переноса – ассоциации, рождающиеся в связи с какими-то характерными особенностями объекта. Так, например, *Neuilly* – это, прежде всего, квартал на западной окраине Парижа. Однако для французов это место сосредоточения богатых и влиятельных людей: *Et c'est en Suisse que Luc, vers 1978, va faire ses affaires. Toujours l'immobilier. À Cologny², au bord du Léman; un peu le Neuilly de Genève* (Hum., le 13 Avr. 2000). На основе контекста и общих фоновых знаний читатель конструирует переносное значение топонима *Neuilly* – 'элитный квартал' и декодирует метафорическое сравнение Колоньи с Нейи.

Схожим образом в языке прессы функционирует топоним *Billancourt*³, который вследствие семантического переноса приобрел регулярное значение 'рабочий квартал': *Complices ou insurgés? Liste incomplète, mais liste ignorée du grand public, car les nouvelles sont distillées au jour le jour dans les pages des*

¹ Под *сценарием* понимается история судебного разбирательства, участники процесса, освещенность в прессе, мнения в обществе.

² *Cologny* (Колоньи) – один из самых престижных районов Женевы, вблизи Женевского озера.

³ *Billancourt* (Бийянкур) – густо населенный индустриальный пригород Парижа, где расположены заводы и офисы многих известных компаний.

journaux qui, pour ne pas démoraliser tous les Billancourt du monde, s'abstiennent d'en faire l'addition (MD, Déc. 1993).

В вышеприведенных контекстах топонимы используются для обобщенного обозначения однородных объектов, например, любого элитного (*Heïu Женеви*) или рабочего квартала (*все Бийянкуры мира*), т.е. как гиперонимы. По мнению Ж. Числару, подобные топонимические единицы представляют собой гибридный концепт, объединяющий в себе конкретное и абстрактное, индивидуальное и коллективное, место действия и участников [3, с. 29]. Следует, однако, добавить, что подобные факты несут на себе яркую прагматическую печать, подчеркивая ситуацию социального расслоения.

Свойство топонима в функции вторичной номинации выступать в роли гиперонима является основанием для перехода из категории имени собственного в категорию имени нарицательного. Утрачивая связь с обозначаемым географическим объектом, топоним уже не осознается носителями языка как имя собственное, и его первоначальная мотивировка зачастую теряется. Так, например, в языке СМИ топоним *Calvaire* в подавляющем большинстве случаев используется как обобщенный термин для обозначения муки, пытки, наказания, а не в его первичном значении 'гора Голгофа'. О деонимизации данного топонима свидетельствует и регулярное написание с маленькой буквы: *Au terme d'un calvaire de trois ans, il démissionne* (MD, Oct. 2006), *Vivre clandestinement, un calvaire...* (MD, Avr. 2006). Это явление, по мнению М. Бонома, представляет собой один из основных факторов интеграции имен собственных в лексическую систему языка [цит. по: 6, с. 132].

Семантический перенос типа «место – характерные признаки» также может служить основой оттопонимического деривата. Общеизвестно, что Брюссель представляет собой место сосредоточения европейских политических институтов (штаб-квартира Евросоюза, офис НАТО, секретариат стран Бенилюкса и Западноевропейского союза). Поэтому Брюссель можно охарактеризовать как «город, где много приезжих», «город в постоянном движении», «место, где люди встречаются, общаются, отдыхают». На основании данных признаков и появился глагол *bruxeller*, используемый в массмедиа в значениях 'праздновать, отмечать', 'блистать': "*Bruxeller*" toujours plus (в заголовке), *Je souhaite qu'en 2005 Bruxelles continue de "bruxeller"* (La Tribune de Bruxelles, le 23 Déc. 2004), *La Région va bruxeller* (в заголовке) (La Dernière Heure, le 07 Mai 2005).

Культурный текст, стоящий за тем или иным топонимом, составляет ту основу, на которой «вырастает» его новое значение. Топоним становится социальным, общественным и политическим фактом, о чем свидетельствует его полная или частичная фразеологизация.

Так, например, функционируя в составе устойчивого выражения с компонентами *image+de*, топоним *Epinal* (округ Франции в департаменте Вогезы) «растворяется» в семантике всего выражения, обозначающего 'упрощенное, наивное представление о чем-либо': *L'enquête de la CFDT brise pourtant l'image d'Épinal du salarié qui dialogue directement avec son patron et peut donc se passer de représentation syndicale* (Hum., le 1 Juil. 2010). Вследствие фразеологизации топонима *Grenoble* (город на юго-востоке

Франции) появляется устойчивое выражение *une conduite de Grenoble* ‘пренебрежительное, грубое отношение, обращение’: *Certes, la détermination des salariés, venus hier à Courbevoie assurer une **conduite de Grenoble** à leur P-DG, ne signifie pas pour autant qu'on puisse s'attendre à une explosion de colère contre la privatisation dans l'ensemble du groupe* (Hum., le 17 Juin 1993).

Таким образом, основными моделями семантической деривации топонимов являются «место – люди», «место – событие – результат события», «место – характеристика места». Вследствие семантических трансформаций, топоним может терять связь с географическим объектом и начинает функционировать как обобщенное название однородных объектов (квартал) или процессов (переговоры), постепенно переходя в класс апеллятивов. Появление оттопонимических дериватов свидетельствует о закреплённости переносного значения топонима, подчеркивает важность его семантического преобразования и усиливает прагматический эффект. Семантическое переосмысление топонима, основанное на определенных свойствах топообъекта или ассоциациях, существующих у носителей языка, способствует фразеологизации исследуемых единиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ратникова, И.Э. Имя собственное: от культурной семантики к языковой / И.Э. Ратникова. – Минск : БГУ, 2003. – 214 с.
2. Cislaru, G. Etude sémantique et discursive du nom de pays dans la presse française avec référence à l'anglais, au roumain et au russe. Thèse de doctorat en sciences du langage / G. Cislaru. – Paris : Université Sorbonne nouvelle, 2005. – 557 p.
3. Kleiber, G. Nominale: essais de sémantique référentielle / G. Kleiber. – Paris : Armand Colin, 1994. – 248 p.
4. Lecolle, M. Changement de sens du toponyme en discours: de Outreau « ville » à Outreau « fiasco judiciaire » / M. Lecolle // Les Carnets du Cediscor [En ligne]. – № 11, 2009. – P. 91–106. – Mode d'accès: <http://cediscor.revues.org/773>. – Date d'accès: 29.04.2011.
5. Paveau, M.-A. Chronique «linguistique». Leçon de vocabulaire (2) / M.-A. Paveau // Le Français aujourd'hui [En ligne]. – 2007. – №1(156). – P. 115–122. – Mode d'accès: www.cairn.info/revue-le-francais-aujourd-hui-2007-1-page-115.htm. – Date d'accès: 29.04.2011.
6. Cortes, C. Effets sur le lexique des mécanismes de la métonymie et de la métaphore / C. Cortes // Cahier du C.I.E.L. / Université de Paris 7. – 1994–1995. – P. 109–154.

The article is devoted to toponym semantical transformations in its movement from the first to the secondary meaning. The research revealed some typical models of derivation: “place – people”, “place – event – result of event”, “place – characteristic feature”. The data obtained confirm the toponym polysemanticism and dependence of context.

Поступила в редакцию 19.05.11

ОБРАЗНАЯ ОСНОВА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА, ОБОЗНАЧАЮЩИХ КОНЦЕПТ “WORK/LABOUR”

Статья посвящена исследованию внутренней формы фразеологических единиц (ФЕ) английского языка, связанных с обозначением концепта “work/labour”. Выражение релевантных динамических и статических признаков этого концепта опирается на образы базисных слоев культуры, зафиксированные в библейских текстах, мифологии, фольклоре, поговорках и художественной литературе. Образная основа этих фразеологизмов соотносится с основными кодами культуры – антропоморфным, зооморфным, природно-ландшафтным, гастрономическим, временным, инструментальным, оружейным. Анализ способов переосмысления выявил избирательность в выборе тропов и образных кодов, использованных для формирования семантики различных семантико-грамматических подгрупп ФЕ, обозначающих трудовую деятельность.

Активно развиваемыми направлениями современной лингвистики являются когнитивная лингвистика, лингвокультурология, теория межкультурной коммуникации. Сферой пересечения интересов лингвистов, представителей названных направлений, является изучение того, как формируется картина мира у человека, тот «целостный образ мира, складывающийся в голове человека в процессе познавательной деятельности» [1, с. 71]. Единица описания и анализа картины мира – это концепт как ментальное образование, основную часть которого составляет лингвокультурный концепт. Концепт соотносится со всей совокупностью разнородных синонимических (лексических, фразеологических, афористических) единиц, описывающих его в языке [2, с. 273]. Особый интерес представляют фразеологические единицы (ФЕ), так как «в образном основании фразеологизмов отображаются характерологические черты мировидения народа» [3, с. 9]. Именно поэтому образная основа ФЕ считается непосредственно составляющей концепта [4, с. 41]. Изучение образной основы фразеологизмов необходимо для выявления тех внутриязыковых средств и способов образования этих единиц, которые придают фразеологизмам способность к культурной референции [5, с. 13]. В.Н. Телия предложила схему интерпретации языковых сущностей в контексте культуры [6, с. 38–40], которая была принята нами в качестве ориентира для анализа образной основы фразеологических единиц английского языка, связанных с обозначением концепта «работа/труд» (“work/labour”).

В соответствии с этой схемой, рассмотрение образной основы исследуемой группы фразеологизмов проводилось в 4 этапа: (I) соотнесение этих языковых знаков с базисными пластами культуры; (II) тематическая классификация языковых средств, используемых для концептуализации значимых признаков трудовой деятельности; (III) анализ приемов переосмысления образов внутренней формы ФЕ (тропов) для обозначения сущностных признаков этого концепта; (IV) выявление участия фразеологизмов в формировании символов англоязычной культуры, ассоциирующихся с этой понятийной сферой.

I. В плане соотнесенности с *базисными пластами культуры* в корпусе фразеологизмов английского языка, ассоциирующихся с понятийной сферой «работа/труд», можно выделить ряд фразеологизмов, восходящих к библейским образам (*Egyptian/Arduous labour* ‘египетский труд’; *to earn one’s bread in the sweat of one’s brow* ‘зарабатывать хлеб в поте лица своего’), а также образах мифологии (*Herculean labour* ‘геркулесов труд’; *Sisyphean labour* ‘сизифов труд’; *Danaides’ work* ‘futile and endless work that never progresses’ – ‘бочка Данаид’) и классической литературы (*Penelope’s web* ‘work that never progresses’ – ‘пряжа Пенелопы’ (Гомер)). Как следует из материала, единицы, заимствованные из Библии и мифологии составляют наиболее древний пласт ФЕ, связанных с обозначением трудовой деятельности.

В пословицах, отражающих народно-традиционные прескрипции, обнаруживаются следы ф о л ь к л о р а: *make hay while the sun shines* ‘коси коса, пока роса’; *the early bird catches the worm* ‘кто рано встает, того удача ждет’; *a bad workman quarrels with his tools* ‘у плохого мастера всегда инструмент виноват’.

Во фразеологизме *Aunt Tom*, который обозначает ‘женщину, добившуюся успеха в мужской профессии и вследствие этого не интересующуюся вопросами равноправия женщин или расового равноправия’, просматривается аллюзия на роман Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома».

В осмыслении трудовой деятельности/карьеры в виде лестницы, по которой тот, кто желает подняться, должен начать с нижней ступеньки (*He who would climb the ladder must begin at the bottom*), просматриваются архетипические следы по параметру «верх/низ». Этот же образ присутствует во фразовом глаголе *to step down* ‘уйти в отставку’.

В употреблении с именами абстрактными предикатов и актантов, характерных для имен одушевленных, проявляются черты а н и м и з м а. Ср.: *time flies* ‘время бежит, летит, мчится’; *to take time by the forelock* ‘схватить время за чуб’¹ – ‘стараться использовать каждый момент’. Соотнесенность со сферой трудовой деятельности этих ФЕ естественна, так как временной фактор выступает важным параметром труда (*never put off till tomorrow what you can do today* ‘никогда не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня’), что подкрепляется наличием целого ряда фразеологизмов, построенных вокруг этого образа.

Другим проявлением анимизма в концептуализации трудовой деятельности является одушевление и символизация частей тела: *a dab hand at smth* ‘мастер, спец, дока, мастак в чем-л’.

Выражения *to shake hands* – ‘пожать руки, закрепляя соглашение, сделку’; *(to call) on the carpet* а) ‘before authority to be reproved for misconduct or error’ – ‘вызвать на ковер (для выговора со стороны руководства)’, демонстрируют исторически сложившиеся формы предсказуемого социально канонизированного упорядоченного поведения в этой сфере человеческой

¹ Здесь и далее в двойных кавычках приводится буквальный перевод внутренней формы фразеологизма, а в одинарных кавычках – его значение.

деятельности, ритуалы, хотя последнее выражение обозначает, очевидно, относительно недавно сложившийся канон в профессиональных отношениях.

II. Второй этап анализа ФЕ данной понятийной группы, нацеленный на выяснение характера «строительного материала» для тропа, выявил соотнесенность лексического наполнения ФЕ со следующими кодами культуры:

1) соотнесенность с *зооморфным кодом* культуры проявляется в многочисленных фразеологизмах, включающих названия животных: *to do the donkey work* ‘do preliminary (hard part of) work’ – ‘горбатиться’; *an eager beaver* ‘1) работага, 2) излишне усердный, ретивый работник’;

2) осмысление процесса труда через образы движения человеческого тела демонстрирует соотнесенность с *антропоморфным кодом*: *to break one’s back* и *to work one’s fingers to the bone* ‘тяжело работать, надрывать жилы’;

3) свидетельством соотнесенности фразеологизмов этой группы с *природно-ландшафтным кодом* являются идиомы: *tough sledding* ‘hard work’ – ‘трудности’; *rough going* ‘трудности’; *little strokes fell great oaks* ‘слабые удары валят крепкие дубы’ ≈ ‘терпение и труд все перетрут’;

4) во фразеологизмах, связанных с обозначением трудовой деятельности, обнаруживаются и следы *гастрономического кода*: *(a) piece of cake* ‘пустячное дело, проще простого, проще пареной репы’; *top banana* ‘the leader, boss’;

5) *время* является важным параметром оценки трудовой деятельности, что отражается в таких фразеологизмах, как: *a stitch in time saves nine* ‘один стежок, сделанный вовремя, стоит девяти’; *procrastination is the thief of time* ‘откладывать – значит терять время’;

6) трудовая деятельность ассоциируется и с образами орудий труда, что можно обозначить *инструментальным кодом*: *spade work* ‘the hard work that has to be done at the beginning of business activity’; *a bad workman quarrels with his tools* ‘у плохого мастера всегда инструмент виноват’; *to keep one’s nose to the grindstone* ‘работать без отдыха, без передышки’;

7) любопытно, что в осмыслении трудовой деятельности оказывается задействованной и *оружейная метафора*: *hatchet man* ‘человек, выполняющий грязную работу (увольнение, сокращение, клевета, подтасовка фактов) по поручению какого-л. лица, организации’; *hatchet job* ‘грязная работа (увольнение, сокращение и т.п.)’; *loose cannon* ‘пушка, сорвавшаяся с лафета’ – ‘непредсказуемый человек, от которого можно всего ожидать’.

В итоге, анализ лексического наполнения исследуемых фразеологизмов подтвердил релевантность образов антропоморфного, природно-ландшафтного, зооморфного, гастрономического, пространственно-временного кодов, указанных В.Н. Телия в качестве ориентира, а также выявил соотнесенность концептуализации труда с образами видов инструментов и оружия.

III. Образование фразеологизмов основывается на определенной трансформации значений слов при их совместном употреблении в рамках устойчивых выражений. Инструментарий семантического преобразования, лежащий в основе формирования значения ФЕ, весьма широк, он не ограничивается метафорой, хотя ей отводится лингвистами ведущая роль [7; 8].

Представляется, что механизм образования значения ФЕ во фразеологизмах различных структурных типов не одинаков. В корпусе фразеологизмов, соотносимых с концептом “work/labour”, было выделено *несколько подгрупп*, объединяющих ФЕ определенных лексико-грамматических классов.

Подгруппу 1 «Характеристика работы» составили субстантивные ФЕ, обозначающие работу и ее квалификативный признак или сочетание двух признаков – ‘легкая’, ‘трудная’, ‘нескончаемая’, ‘бесполезная’, ‘хорошая/отличная’, ‘плохая’, ‘бескорыстная’, ‘приятная’, ‘требующая много времени’. Почти все ФЕ этой группы представляют собой двухвершинные фразеологизмы, построенные по моделям: AN, N₁ N, N₁’s N, N of N₁. Переосмысление во фразеологизмах этой группы основывается, главным образом, на метафоре. Большую часть этих фразеологизмов составляют единицы, содержащие в своем составе опорные слова *work, labour, job, task* (N), которые детерминируют понятийную соотнесенность этих ФЕ со сферой «работа/труд», второй же компонент (A, N₁) мотивирует отличительный признак. Однако, как представляется, не во всех из этих фразеологизмов имеет место компонентная мотивация. Несмотря на одинаковую грамматическую структуру, метафорическое переосмысление базируется на разных логических схемах или моделях.

Так, например, ряд фразеологизмов, построенных по грамматическим моделям AN, N₁ N или N of N₁ основываются на образе «работа, выполненная кем-то»: *work/labour/task/job like that of N₁*, где в качестве N₁ (или A) употребляется имя мифологического, литературного или библейского персонажа (или образованное от него прилагательное), в этом случае имеет место целостная мотивация. Сюда относятся приведенные ФЕ *Herculean labour, Sisyphean labour, Danaides’ work*. К ним примыкает и фразеологизм *Penelope’s web*.

Но во фразеологизмах типа AN *warm work* ‘напряженная работа’, очевидно, лежит компонентная мотивация, причем переосмысление слова *warm* базируется на ассоциации по смежности, т.е. на метонимии *one gets warm by working hard*. А во фразеологизме *dirty work* ‘unpleasant or illicit activity’ – ‘грязное дело, подлость, низость’ тоже имеет место компонентная мотивация, но в основе переосмысления прилагательного *dirty* лежит узуальная метафора, которая закрепились в семантике этого слова.

Фразеологизмы типа N₁N *spade work* и *hatchet job* основываются на образе «работа, выполненная при помощи какого-л. инструмента» и опираются на метафору.

Помимо этого, ФЕ этой группы, не содержащие ключевого слова в своем составе, построены также на метафорическом целостном переосмыслении *tough sledding, rough going, uphill battle, easy pickings, a piece of cake*, в которых, однако, чувствуется семантический вклад обоих компонентов.

В подгруппу 2 были включены также двухвершинные субстантивные фразеологизмы, обозначающие «Характеристику исполнителя работы». Подавляющее число ФЕ этой группы также основано на метафоре: (AN) *an eager beaver* ‘работяга’; *a willing horse* ‘человек, с готовностью берущийся за что-л., охотно взваливающий на себя работу, работяга’; *a busy bee* ‘трудолюбивый или занятой человек’; (NN) *a hatchet man*; *a dab hand* ‘спец, дока’; (N prep N) – *babes in the wood* ‘неопытные простодушные, доверчивые люди; простаки’.

Наряду с тем, что все эти ФЕ построены по схеме «субъект сравнения и его атрибут», в первом ряду фразеологизмов существительное обозначает субъект сравнения, а атрибут – признак, по которому они сравниваются. Во ФЕ *dab hand* имеет место метонимия «рука → человек», а признак имплицитно выражается семантикой всего выражения, при этом выявление его мотивации требует развертывания образа. Ср., напр.: *one is an expert because one has just to give smth a dab (touch) with one's hand and it will be done well*.

Фразеологизмы небольшой, но яркой подгруппы 3 «Профессии, род занятий» обозначают представителей определенных профессий, что проявляется в наличии в составе или дефиниции ФЕ названий профессий или рода деятельности. В них актуализируются семы – характеристики представителей этих сфер по роду их занятий. В таких ФЕ, как *bean counter* или *number cruncher*, обозначающих *бухгалтера*, номинация и мотивация основываются на перифразе, тропе, «состоящем в замене названии предмета описательным оборотом с указанием его существенных характерных признаков» [9, с. 87], в нашем случае характерными признаками выступают типичные действия представителя этой профессии. При этом, однако, имеет место компонентная мотивация. В первом случае мы имеем метафорическое употребление слова *bean* – 1) боб, фасоль, 2) ‘деньги’ т.е. ‘считающий бобы/деньги’, а во втором – метафорическое употребление глагола, в результате получается “грызущий цифры” в смысле ‘имеющий дело с цифрами’. Внутренняя форма фразеологизма *ambulance chaser* “гонящийся за каретой скорой помощи” – ‘адвокат, специализирующийся на делах пострадавших в автоавариях’ указывает на использование перифраза в сочетании с гиперболой. В таких известных ФЕ как *white collar* ‘служащий’ и *blue collar* ‘рабочий’ переосмысление опирается на метонимию. В основе фразеологизма *Agony aunt* ‘журналист, ведущий колонку психологической помощи’, с внутренней формой “тетушка на случай агонии/душевных мук” лежит метафора.

Многочисленные глагольные фразеологизмы, обозначают динамическую характеристику работы как действия – ‘работать/делать что-то КАК’

и составляют подгруппу 4 «Отношение к работе». Фразеологизмы этой группы в известной мере дублируют в понятийном плане группу субстантивных фразеологизмов (*eager beaver – to work like a beaver*), позволяя включение фразеологизмов в предложение в виде глагольных предикатов. В этой группе ФЕ также актуализируются такие признаки действия «работать», как: (1) **‘напряженно’** – *to work like a navvy* (землекоп); (2) **‘охотно’** – *to make the feathers fly*; (3) **‘быстро’** – *to make short work of smth*; (4) **‘серьезно’** – *to get down to business*; (5) **‘эффективно, успешно’** – *to work like a maniac*; (6) **‘легко’** – *make light work of*; (7) **‘хорошо’** – *to make good work of smth*; (8) **‘плохо’** – *to make a mess of smth*; (9) **‘лениво’** – *to make light work of smth*; **‘уваливая от работы, симулируя деятельность’** – *to work one’s ticket* или **‘бездельничая’** – *not to turn one’s hand over*.

Значительную часть фразеологизмов этой группы представляют единицы с частичным переосмыслением, при котором компонент с буквальным значением в составе ФЕ обычно входит в состав дефиниции [10, с. 124]. К ним относятся глагольные компаративные ФЕ, построенные на приеме сравнения (*to work like a horse/slave, to work like a beaver, to work like a maniac*), и глагольные ФЕ, в которых в буквальном значении употреблено существительное *work* (*to make short work of* ‘в два счета справиться, разделаться с чем-л. или с кем-л.’; *to make good work of smth* ‘хорошо справляться с чем-л.’).

Ряд глагольных фразеологизмов построен на образах действий человека, которые являются признаком работы определенного плана, символизируют ее. В образной основе таких действий лежит не сравнение, разновидность квалификационной связи, на которую опирается метафора, а импликация. Частный же случай импликации, как указывал А.В. Кунин, есть метонимия [10, с. 125]. Мы не можем поставить оператор *like* между такими понятиями как *keeping one’s nose to the grindstone* и *working hard*, скорее между ними существуют причинно-следственные отношения и здесь более уместен оператор *implies*. Метонимия применительно к именам существительным изучалась либо как троп, либо как механизм образования вторичных значений. Модели метонимического переосмысления существительных хорошо известны [9]. Изучение же метонимии в переосмыслении глаголов началось относительно недавно [11; 12]. Представляется, что фразеологизмы, образную основу которых составляют движения человеческого тела, которые ассоциируются с трудовой деятельностью, т.е. являются одним из возможных сопутствующих действий, иными словами, их частью, построены на метонимии: *to work one’s fingers to the bone, to sweat one’s guts out; to break one’s back, – not to turn one’s hand over, not to stir a finger, to twiddle one’s thumbs*. Однако вопрос о метонимическом переосмыслении глагольных фразеологизмов, безусловно, требует дальнейшего углубленного изучения. В этом ряду глагольных ФЕ используется также гипербола или литота, которые обеспечивают интенсивность признака и, пожалуй, сам признак ‘hard/much’, ‘little, a small amount’. Наряду с этим,

в основе переосмысления таких фразеологизмов со значением ‘попусту стараться’, как *to flog a dead horse* “стегать дохлую лошадь”, или *to wash an ass’ ears* “мыть ослу уши”, лежит метафора, так как мы можем поставить оператор *like* или *подобно* между значением ФЕ и обозначением внутренней формы. Логические противоречия или абсурдные противоречия, лежащие в образной основе данных ФЕ, нередкое явление во фразеологии, отмеченное еще А.В. Куниным [10, с. 127]. По нашим данным, такие нарушения, как правило, отражают интенцию выражения отрицательных смыслов, типа ‘бесполезность’, ‘глупость’, ‘нелепость’, ‘никогда’, ‘мало’ и т.п.

Приведенные фразеологизмы, соотносимые с концептом «труд/работа», построенные как на метафоре, так и на метонимии, подтверждают мысль А.В. Кунина о том, что «метафорические и метонимические образы легко передаются при помощи зрительных образов» [11, с. 127].

Многочисленные коммуникативные фразеологизмы, т.е. пословично-поговорочные ФЕ, объединены были в **подгруппу 5 «Суждение о работниках и работе»**. Как известно, под *пословицами* понимаются афористически сжатые изречения с назидательным смыслом в ритмически организованной форме, которые преследуют дидактическую цель (поучать, предостерегать и т.д.) [10, с. 300]. Как и другим структурным типам фразеологизмов, им свойственна оценочность [10, с. 317]. Коммуникативные единицы со структурой предложения фиксируют те же признаки трудовой деятельности – усердие, опытность, энергичность, скорость и др., которые выявляются в номинативных (субстантивных и глагольных) фразеологизмах. Что касается приемов семантического переосмысления, здесь, главным образом, используется либо метафора (*a lazy sheep thinks its wool heavy* ‘ленивой лошади и хвост в тягость’; *a cat in gloves catches no mice* “в перчатках мышей не ловят” ≈ ‘без труда не вытащишь и рыбки из пруда’), либо все слова используются в своих собственных значениях, но устойчивость употребления и обобщенность значения делают их неотъемлемой частью фразеологического фонда (*handsome is as handsome does* ‘о человеке судят не по словам, а по делам’). Значение пословиц может основываться на метафорическом переосмыслении всего выражения в целом или на метафорическом переосмыслении одного или нескольких компонентов (*procrastination is the thief of time* ‘откладывать – значит терять время’; *zeal without knowledge is a runaway horse* ‘усердие не по разуму вредно’). Коммуникативные ФЕ со структурой повествовательного предложения наглядно показывают, какой работник плохой, а какой – хороший, или какая работа считается эффективной/успешной, а какая – нет. Фразеологизмы со структурой повелительного предложения запечатлевают прямые указания, как следует организовывать труд, чтобы он был эффективен и приносил доход, давая представление о менталитете носителей английского языка. Именно разряд коммуникативных фразеологизмов дает наиболее объемное представление о том, как мыслится этот концепт носителями английского языка.

IV. Обращаясь к последнему аспекту этой темы – выявлению *символов*, *эталонов* или *стереотипов* англоязычной культуры, соотносимых с концептом «труд/работа», которые формируются под влиянием фразеологии, можно отметить следующие.

Прежде всего, символами трудолюбия считаются такие животные, как *beaver*, *bee*, *horse*. Именно под влиянием ряда фразеологизмов, опирающихся на образы этих весьма распространенных животных, представление о них в английском языке закрепились в виде вторичных значений этих слов – ‘трудыга’, ‘труженик’.

Hand ‘рука’ – это орудийный орган человека, с его помощью выполняется человеком трудовая деятельность, отсюда метонимическое переосмысление слова для обозначения человека – ‘рабочий, работник’: *many hands make light work* ≈ ‘когда рук много, работа спорится’.

Представляется, что символом напряженной и тяжелой работы является *sweat* ‘пот (испарина)’. Этот символ уходит корнями в библеизм *to earn one's bread in the sweat of one's brow* и закрепился в языке под влиянием целого ряда фразеологизмов: *sweat one's guts out* – *informal* ‘to work very hard’; *no sweat* ‘без труда, без усилий, легко’; *ninety percent of inspiration is perspiration* “90 % вдохновения – потение (тяжелый труд)”. Подтверждением является формирование в этом существительном значения ‘тяжелая работа’ и в образованном от него по конверсии глаголе *to sweat* – значения ‘тяжело работать’.

Труженик трудится в поте лица своего ради хлеба насущного *daily bread*. И образ хлеба становится символом «средств к существованию», что проявляется и во ФЕ *to take the bread out of (smb's) mouth* ‘to deprive (someone) of a live-lihood’ – ‘отбивать хлеб у кого-л.; лишать средств к существованию’; *bread and butter* – ‘средства к существованию’; *to quarrel with one's bread and butter* ‘бросить занятие, дающее средства к существованию’. Интересно, что добавление к хлебу масла содействовало развитию нового смысла этого образа в ряде фразеологизмов, привнося в значения последних смысловые оттенки ‘роскошь’ или ‘выгода’. Ср.: *to butter one's bread on both sides* (тж. *to have one's bread buttered on both sides*) ‘позволять себе излишнюю роскошь; использовать любую возможность для своей выгоды’; *to know on which side one's bread is buttered* ‘учитывать свои интересы, не упускать своей выгоды’; *to have one's bread buttered for life* ‘быть материально обеспеченным на всю жизнь’.

Ряд символов тех сущностей, ради которых трудится человек, можно продолжить. Так, деньги являются желанным вознаграждением человеку за труд. Символом мельчайшей единицы денежного вознаграждения выступает *penny* ‘пенни, пенс, однопенсовая монета’ (*not a penny* ‘без денег, на мели’; *to earn (make/turn) an honest penny* ‘заработать честным трудом’; *take care of the pence and the pounds will take care of themselves* “береги пенсы – целы будут и фунты”). Символом большого денежного вознаграждения, естественно, считается золото – *gold*, что подтверждается высокой фразообразовательной активностью этого слова

и его дериватов. Ср., например, относительно современные ФЕ: *golden handshake* “золотое рукопожатие”, компенсация за отставку (уходящему на пенсию или работнику, обычно руководителю, увольняемому по не зависящей от него причине); *golden hello* “золотое приветствие” – ‘крупная сумма денег или бонус в другой форме, предназначенные сотруднику в случае его согласия перейти на работу в данную компанию’; *golden handcuffs* “золотые наручники” – ‘предусмотренные контрактом льготы и денежные компенсации, в частности, страхование, а также штрафные меры, призванные удержать руководящего работника от неожиданного ухода из компании’.

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов.

1. Соотнесенность образов анализируемых ФЕ с базисными пластами общеевропейской культуры демонстрирует *универсальный* характер осмысления этого концепта в англоязычной культуре. Подтверждением этого, в частности, является наличие фразеологических эквивалентов и аналогов (представленных в качестве толкований значений рассматриваемых ФЕ) в русском языке. Оригинальность языкового оформления, образа, (*to take time by the forelock*) свидетельствует о *национальной специфичности* воплощения концепта. Идиомы типа *Aunt Tom* придают *культурно-специфическую окрашенность* концепту “work/labour”.

2. Образная основа фразеологизмов, связанных с обозначением понятийной сферы «Трудовая деятельность», ассоциируется с основными кодами культуры – зооморфным, антропоморфным, природно-ландшафтным, гастрономическим, временным, а также инструментальным и оружейным.

3. Анализ способов переосмысления во фразеологизмах различных подгрупп, выделенных на основе семантико-грамматической общности, показывает избирательность в выборе тропов, вовлеченных в процесс образования этих ФЕ. Так, для фразеологизмов, обозначающих «Характеристику работы» и «Характеристику исполнителя работы», ведущим тропом является метафора. Во ФЕ подгруппы 3 «Профессии. Род занятий» оказались задействованы сочетания тропов – перифраза и метафоры, перифраза и гиперболы, а также метонимия. В отличие от субстантивных ФЕ трех первых подгрупп, для глагольных фразеологизмов подгруппы 4 «Отношение к работе» ведущим тропом переосмысления оказалось сравнение либо с животным, либо с человеком низкого социального/профессионального статуса или с психическими отклонениями (*slave, nigger, navvy, maniac*). В глагольных фразеологизмах, во внутренней форме которых запечатлены движения и состояния человеческого тела, имплицитно выполняющие работу, используется метонимия, иногда в сочетании с гиперболой или литотой. В глагольных ФЕ применяется и метафора. В единицах подгруппы 5 «Суждения о работниках и работе» переосмысление, в основном, базировалось на метафоре или же слова-компоненты ФЕ использовались в своих прямых значениях.

4. Повторяемость отдельных образов в ряде ФЕ данной понятийной сферы содействовала становлению определенных символов исследуемого концепта.

Концептуализация трудовой деятельности человека посредством фразеологических единиц демонстрирует отпечатки разных эпох и связи с различными сферами бытия, обнаруживая приемы систематизации и категоризации знаний с помощью различных тропов, ведущим из которых является метафора.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гришаева, Л.И.* Введение в теорию межкультурной коммуникации: учеб. пособие для студентов лингв. фак-тов высш. учеб. заведений / Л.И. Гришаева, Л.В. Цурикова. – 3-е изд., испр. – М.: Издат. центр «Академия», 2006. – 336 с.
2. *Воркачев, С.Г.* Культурный концепт и значение / С.Г. Воркачев // Тр. Кубан. гос. технол. ун-та. Сер. «Гуманит. науки». – Краснодар, 2003. – Т. 17, вып. 2. – С. 268–276.
3. *Фразеология в контексте культуры.* – М.: Языки рус. культуры, 1999. – 336 с.
4. *Добровольский, Д.О.* Национально-культурная специфика во фразеологии / Д.О. Добровольский // Вопр. языкознания. – 1997. – № 6. – С. 37–48.
5. *Телия, В.Н.* Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В.Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки рус. культуры, 1999. – С. 13–24.
6. *Телия, В.Н.* О феномене воспроизводимости языковых выражений / В.Н. Телия // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: МАКС.Пресс, 2005. – Вып. 30. – С. 4–42.
7. *Лакофф, Дж.* Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987. – С. 126–172.
8. *Арутюнова, Н.Д.* Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры: сб. / пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.; вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5–32.
9. *Арнольд, И.В.* Стилистика современного английского языка / И.В. Арнольд. – 2-е изд., перераб. – Л.: Просвещение, 1981. – 295 с.
10. *Кунин, А.В.* Курс фразеологии современного английского языка: учебник для ин-тов и фак-тов иностр. яз. / А.В. Кунин. – М.: Высш. шк., 1986. – 336 с.
11. *Козлова, Е.А.* Метонимия как концептуальная основа функциональной категоризации английского глагола: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Е.А. Козлова. – Тамбов, 2001. – 22 с.

12. Падучева, Е.В. К когнитивной теории метонимии: / Е.В. Падучева // Диалог 2003 : тр. Междунар. конф., Протвино, 11–16 июня 2003 г. [Электронный ресурс]. – 2003. – Режим доступа : <http://www.dialog-21.ru/Archive/2003/Paducheva.htm>. – Дата доступа: 08.05. 2011.

The paper deals with the imagery of the English idiomatic phrases related to the concept “work/labour”. Relevant semantic features of this concept are rendered through the images of animals, people, landscape, food, tools, kinds of arms etc. often with reference to the Bible, ancient mythology, folklore, and fiction. The analysis of the ways of semantic transfer reveals that noun phrases employ preferably metaphor and periphrasis combined with hyperbole or litotes while verb phrases – simile, metonymy, metaphor and idiomatic phrases with sentence structure are mainly based on metaphor or used literally.

Поступила в редакцию 25.05.11

И.Г. Осмоловская

РОЛЬ НЕНОРМАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ И ОБОРОТОВ В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТООБРАЗОВАНИИ (на материале немецкоязычной и русскоязычной коммерческой рекламы)

В статье проводится анализ ненормативных конструкций и оборотов в рекламном текстопостроении. Данные конструкции анализируются на материале текстов немецкоязычной и русскоязычной коммерческой рекламы. Все интенсивнее заимствования вытесняют исконную лексику, замещая целые слова, а также их части. Во многих случаях эксплуатируется эффект совпадения звуковых комплексов иноязычных и русских слов. В русском языке зафиксированы также случаи замещения отдельных букв кириллического алфавита буквами латинского. Наряду с этим наблюдается отход от орфографических норм обоих языков. В сфере правописания также установлена общая для обоих языков тенденция к заглавному написанию каждого компонента внутри сложного слова. Как показывает анализ, все отступления носят преднамеренный характер и призваны повысить эффективность рекламного послания.

Сопоставительный анализ текстов немецкоязычной и русскоязычной коммерческой рекламы выявил ряд общих тенденций к нарушению устоявшихся норм функционирования языка в данной сфере коммуникации. Так, в русскоязычных рекламных текстах, так же, как и в немецкоязычных посланиях, фиксируется приверженность составителей текстов *ко все более активному использованию иностранных заимствований* и символов латинского алфавита: *Зима* (название салона шуб и дубленок), *Суфле*, *Желе* (название конфет); а также в конце слова *Чел'Z* (название чипсов, размещенное на упаковке продукта). Замены, как показывают примеры, встречаются как в начале, так и в середине или конце слов. Понятно, что подобные приемы нарушения языкового узуса призваны повысить апеллятивность рекламных посланий.

Имеет место и замещение немецкого или, соответственно, русского слова иноязычным в названиях рекламируемых продуктов, услуг, фирм, заведений. Такая практика уже стала для функционального стиля рекламы нормой: например, *Планета Pizza*, *Coca-Cola* и др. (рис. 1, 2).

Рис.1. Название сети пиццерий в г. Минске

Рис. 2. Реклама кампании “Coca-cola” на щитах в г. Минске

Сохранение оригинального правописания призвано подчеркнуть связь рекламируемого продукта с источником его происхождения – страной, конкретной серией продуктов, товаров, известных транснациональных названий.

Общая тенденция к использованию американизмов и англицизмов в немецкоязычных рекламных текстах особенно сильна. Иноязычные лексемы замещают и практически полностью вытесняют соответствующие немецкие эквиваленты (рис. 3).

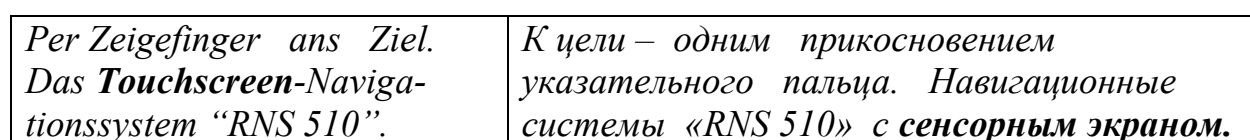

Рис. 3. Реклама навигационных систем “RNS 510”¹

В подзаголовке приведенного рекламного текста предпочтение отдано не немецкой лексической единице *Berührungsbildschirm*, а английской *Touchscreen* ‘сенсорный экран’. Аналогичные примеры встречаются не только в банковско-финансовой сфере и сфере компьютерной техники, но и в области быта и обихода [1, с. 84].

Подобные замены, ставшие практически нормой в немецком языке, пока еще массовы в русскоязычной практике, хотя тенденция налицо. Параллельно с привлечением внимания к рекламируемому продукту создается эффект соответствия моде и уникальности продукта (рис. 4, 5, 6).

¹ Der Spiegel. – 2008. – № 33. – S. 66.

Рис. 4. Реклама теней для век российской компании “Faberlic”¹

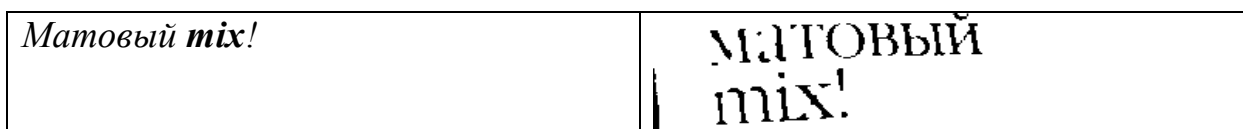

Рис. 5. Реклама теней для век российской компании “Faberlic”²

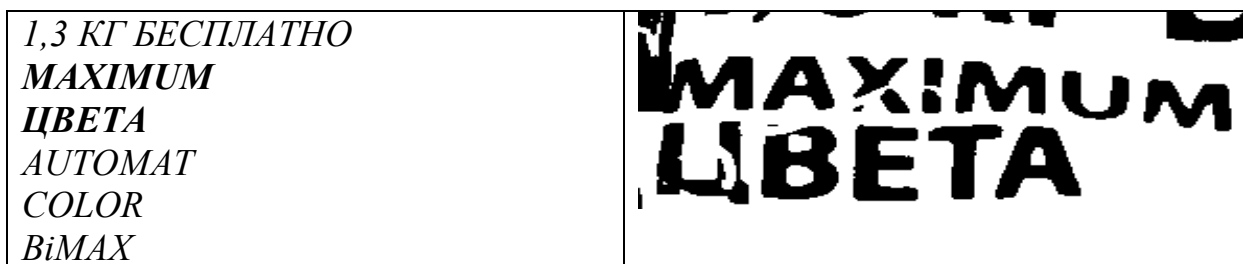

Рис. 6. Надпись на упаковке стирального порошка “Color BiMAX”,
компании “BiMAX” (Россия)

На рис. 4. представлен фрагмент рекламного микротекста, в котором идет речь о тенях для век фирмы “Faberlic” серии “Secret”. Поэтому использование слова *secret* ‘секрет’ в заголовке *Secret* *вашего взгляда* ‘секрет вашего взгляда’ несет двойную прагматическую нагрузку: он служит привлечению внимания покупателя за счет необычности написания, а также способствует быстрейшему и более эффективному запоминанию продуктов данной серии.

Вместе с тем в немецких текстах замена отдельных компонентов может восприниматься как отступление от узуса (рис. 7).

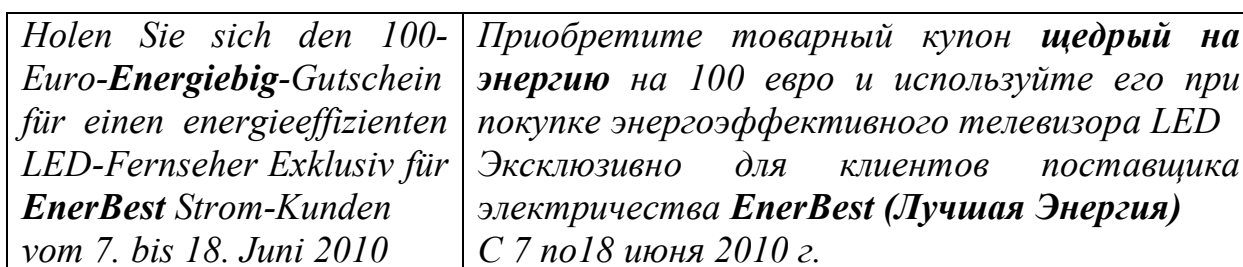

Рис. 7. Наружная реклама поставщика электричества “EnerBest”
(г. Билефельд, Германия)

Слова *energiebig* ‘энергосильный’ и *EnerBest* ‘Лучшая Энергия’ являются окказиональными образованиями, которые возникли путем контаминации немецкоязычных и англоязычных лексем. Лексическая единица *energiebig* допускает двойную актуализацию смыслов, так как деление композита на составляющие компоненты предполагает две возможности: *energie-big*

¹ Faberlic. – 2010. – № 10. – S. 68.

² Faberlic. – 2010. – №10. – S. 87.

‘энерго-мощный’ и *en-ergiebig* ‘энерго-щедрый, -плодородный’. При этом оба варианта дают положительную характеристику рекламируемому товару. Лексема *EnerBest* допускает только один вариант деления на составляющие части еще и благодаря орфографии: составные части написаны с большой буквы.

Отклонения от норм русского и белорусского языков демонстрируют и микротексты, в которых англицизмы в своем иноязычном написании используются в начале или окончании соответствующих белорусских или русских слов (рис. 8).

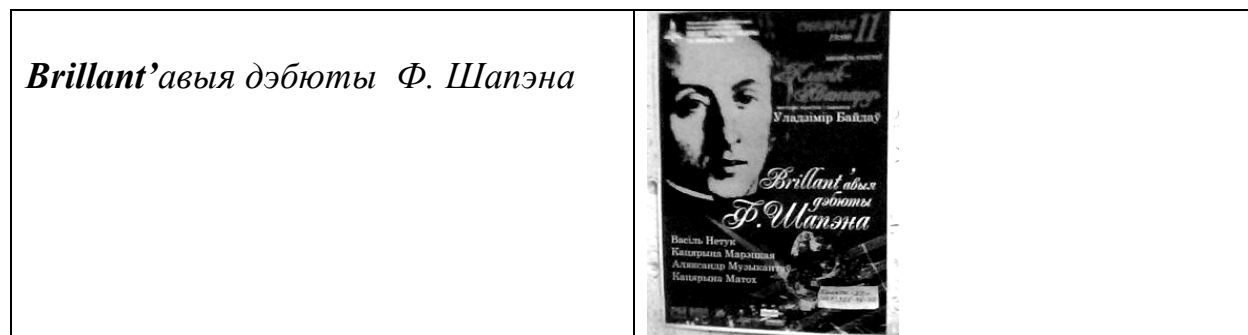

Рис. 8. Рекламное объявление в музыкальной школе № 3 им. Ф. Шопена (г. Минск)

Слово *brillant’авыя* имеет гибридное англо-белорусское написание не случайно, так как таким образом подчеркивается всемирная значимость творчества Ф. Шопена. А само слово *бриллиант* ассоциируется всегда с чем-то дорогим, исключительным и благородным.

Эффект совпадения звуковых комплексов английских слов и морфем русского языка используется для наименования продуктов, как в следующем рекламном микротексте, размещенном на упаковке товара (рис. 9).

Рис 9. Реклама продукции торговой марки “Хрус team“,
производитель “Frito Lay”(Россия)

Звуковая форма брэнда *ХРУСТЕАМ* совпадает с русским словом *хруstim*, что является формой повелительного наклонения 2-го лица множественного числа и воспринимается как побуждение к действию, в данном случае, *похрустеть вместе*. Потенциальными покупателями данного вида продукции выступают в первую очередь молодые люди, имеющие определенные навыки владения английским языком, поэтому слово *team* ‘команда’ способно вызвать эффект привязки, причастности к определенной группе потребителей.

Англоязычные слова могут «встраиваться» внутрь русских слов и порождать окказиональные образования, которые также несут большую прагматическую нагрузку (рис. 10).

Рис. 10. Рекламный плакат сорта пива “Tuborg Green” датской пивоваренной компании “Carlsberg”

Слово *вечегreenки*, без сомнения, вызывает негативную или позитивную ассоциацию со словом *вечеринки*, однако акцентирует внимание реципиента на рекламируемом продукте – сорте пива *Tuborg Green*. При этом слово *green* легко распознается благодаря размеру и цвету шрифта.

При использовании англицизмов в русскоязычных рекламных текстах распространена их транслитерация. В тех случаях, когда речь идет о названиях известных фирм или продуктов, такие слова «мягко» входят в систему языка (рис. 11).

Рис. 11. Транслитерированное название книжного интернет-магазина¹

В текстах встречаются и немотивированные замены существующих русских слов английскими (рис. 12).

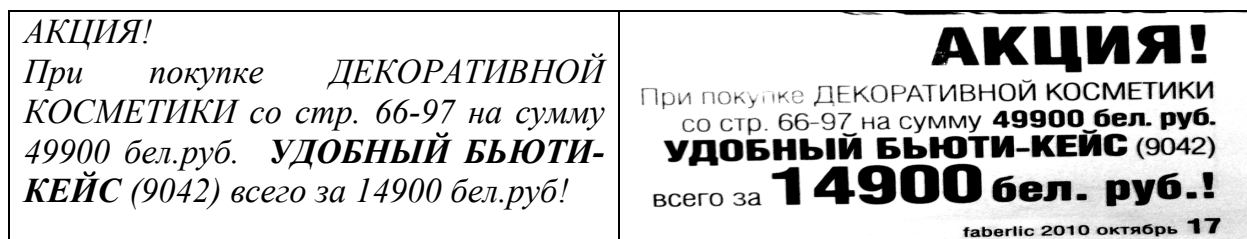

Рис. 12. Реклама косметички российской компании Фаберлик “Faberlic”².

Вместе с тем чрезмерное использование иноязычных слов способно создавать и отрицательный эффект (рис. 13).

¹ www.bookberry.ru.

² Faberlic. – 2010. – №10 – С. 17.

БЭСТ ВОЧИЗ оптово-розничная торговля ЧАСЫ ЗОЛОТО ПОДАРКИ СУВЕНИРЫ	БЭСТ ВОЧИЗ ОПТОВО-РОЗНИЧНАЯ ТОРГОВЛЯ часы
---	---

Рис.. 13. Рекламное объявление магазина по продаже часов, ювелирных изделий, подарков и сувениров «Бэст Вочиз» (г. Минск)¹

Данный пример «опасен» с точки зрения возможных коннотаций, поскольку транслитерированное *бест вочиз* ‘лучшие часы’ при первом восприятии ассоциируется со славянским *очи* (белорус. *вочы*).

В сфере *орфографии* как в русскоязычных, так и в немецкоязычных рекламных текстах фиксируются следующие тенденции: наиболее частотными являются отклонения от правил правописания в названиях рекламируемых фирм, когда каждая составляющая сложного образования пишется с заглавной буквы (рис. 14, 15).

<i>Hohe garantierte Rente</i> <i>Top-Rendite</i> <i>Wir geben es Ihnen wieder das AXA Gefühl.</i> <i>Mit TwinStar, der neuen Altersvorsorge, die Ihnen Sicherheit und Rendite in einem bietet.</i>	<i>Высокая гарантированная пенсия.</i> <i>Высокие проценты.</i> <i>Мы дадим Вам это снова – чувство АХА.</i> <i>С новым видом пенсионного страхования TwinStar (Двойная Звезда), который предлагает Вам в одном надежность и проценты.</i>
--	--

Рис.. 14. Рекламное послание французской страховой компании “АХА”²

<i>На земле, в небесах, на море</i> ПромТрансИнвест <i>Все виды страхования юридических и физических лиц в рублях и валюте</i>	
---	--

Рис. 15. Реклама страховой компании “Промтрансинвест”³

Как показал анализ, в русском языке так оформляются преимущественно названия самих фирм, в немецком – это также и названия рекламируемых продуктов и услуг.

Некоторые рекламные объявления основаны на нелогичном расположении смысловых частей компонентов (рис. 16).

¹ Беларусь XXI век: информ. каталог / сост. А.С. Авдашкова [и др.]. – Минск : ОДО «Деловые Идеи». – 2005. – С. 541.

² Focus. – 2006. – № 22. – S. 141.

³ Беларусь XXI век: информ. каталог / сост. А.С. Авдашкова [и др.]. – Минск : ОДО «Деловые Идеи». – 2005. – С. 437.

Рис. 16. Реклама интернет-магазина мебели и аксессуаров в метро¹

Данное образование интересно с точки зрения входящих в него составных компонентов. Во-первых, для русскоязычного узуса характерно не *строить уют*, а его *создавать*. А во-вторых, русское слово *дом* замещено транслитерированным англоязычным эквивалентом *хаус*, что подчинено, скорее всего, тенденциям моды, нежели выполнению определенной смысловой нагрузки.

К нарушениям орфографии правомерно причислить также все гибридные написания из английских и русских слов (рис. 17).

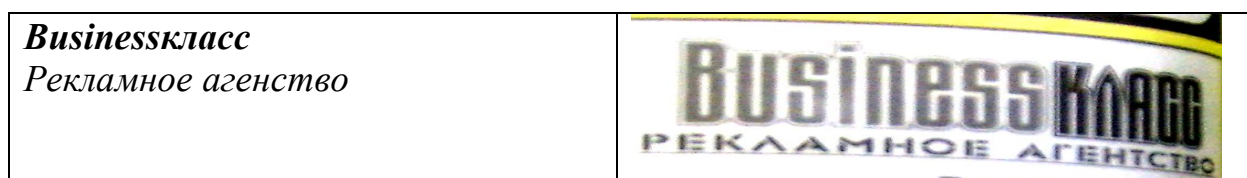

Рис. 17. Реклама рекламного агентства “Бизнескласс”²

К языковой игре в сфере орфографии относятся также преднамеренные ошибки и их «исправление» в тексте (рис. 18).

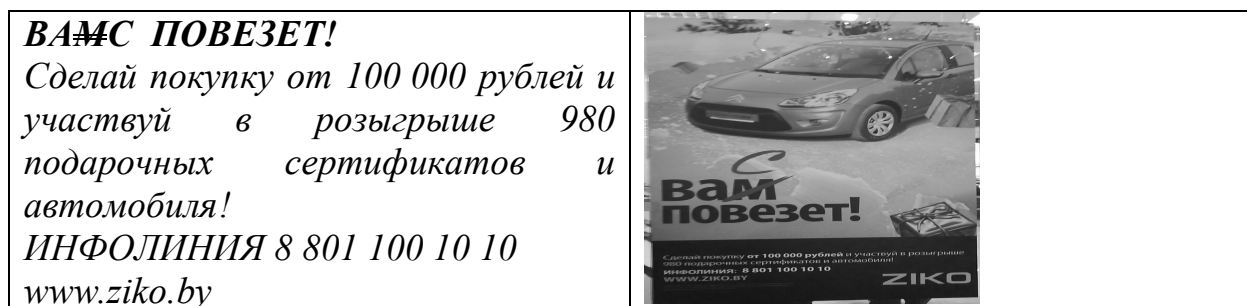

Рис. 18. Реклама ювелирных магазинов “ZIKO” в витринах” (г. Минск)

Исправленный вариант служит позитивной установкой на приобретение рекламируемого товара, внушая параллельно мысль о том, что участие в акции способно принести главный приз – автомобиль.

В немецкоязычных рекламных текстах практикуется также слитное написание всех слов в предложении, слитное написание артикля и существительного, заглавное написание второго компонента сложного существительного при строчном написании первого, преднамеренные орфографические ошибки и др.

В рекламных посланиях также активно практикуется замена отдельных букв, частей слова, даже целых слов *иллюстрациями*, а также *знаками других*

¹www.ussh-shop.by.

² Беларусь XXI век: информ. каталог / сост. А.С. Авдашкова [и др.]. – Минск : ОДО «Деловые Идеи», 2005. – С. 360.

семиотических систем, что выполняет в рекламе определенные прагматические задания. Такие замены призваны вызвать дополнительные ассоциации у получателей рекламной информации.

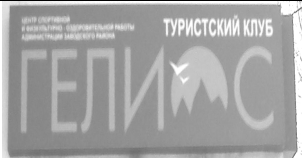
Отдельные буквы могут заменяться графическими изображениями. Наиболее ярким примером таких замен может послужить следующее рекламное послание, где отдельные буквы замещаются графическими символами, обозначающими это слово (рис. 19).

a) <i>Erdöl</i> b) <i>Erdgas</i> c) <i>Windenergie</i> d) <i>Solarstrom</i> e) <i>Biokraftstoff</i> f) <i>alle zusammen</i> ... www.energievielfalt.de <i>bp</i> <i>beyond petroleum®</i>	a) нефть б) природный газ в) энергия ветра г) солнечная энергия д) биотопливо е) все вместе ... www.energievielfalt.de <i>bp</i> <i>beyond petroleum®</i> больше, чем нефть®	 a) Erdöl b) Erdgas c) Windenergie d) Solarstrom e) Biokraftstoff ✓ f) alle zusammen
--	--	--

Рис. 19. Рекламное послание энергетической компании “beyond petroleum” “Больше чем нефть”¹

Графический символ капельки замещает букву *ö* в слове *Erdöl* ‘нефть’, изображение пламени замещает букву *a* в слове *Erdgas* ‘природный газ’, иллюстрация ветряной мельницы вместо буквы *i* в слове *Windenergie* ‘энергия ветра’, так же как картинка солнца вместо *o* в слове *Solarstrom* ‘солнечная энергия’ и растения вместо *i* в слове *Biokraftstoff* ‘топливо’ символизируют обозначаемые понятия.

Аналогичные замещения характерны и для русскоязычных рекламных текстов. Причем наибольшей популярностью у составителей рекламных посланий пользуется буква *о* (рис. 20, 21, 22, 23).

			
Рис. 20. Наружная реклама продукции парникового комбината (г. Минск)	Рис. 21. Наружная реклама центра спортивной и физкультурно-оздоровительной работы – клуба “Телиос” (г. Минск)	Рис. 22. Наружная реклама туристического агентства “ТрансЭкспресс” (г. Минск)	Рис. 23. Реклама типографии “Принткорп” ²

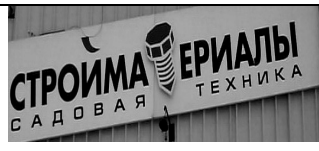
¹ Der Spiegel. – 2008. – № 34. – S. 69.

² Минск : информ. каталог / сост. Е.Ю.Анисимова [и др]. – Минск : ОДО «Деловые идеи», 2004. – С. 226.

На рис. 20 рекламируется овощная продукция парникового комбината, поэтому буква *о* заменена изображением помидора, что, безусловно, вызывает ассоциацию с овощами и, таким образом, априори знакомит адресата с товаром. Данное послание интересно и с точки зрения языковой игры в сфере орфографии. В силу того, что начальные буквы обоих слов совпадают, они начертаны только один раз и являются общим началом для двух лексем.

На рис. 21 в названии центра спортивной и физкультурно-оздоровительной работы – туристического клуба “Гелиос” буква *о* заменена очертаниями гор на фоне солнца, что также легко связывается со спецификой деятельности данного заведения. Аналогично изображение солнца стоит вместо *о* на рекламном стенде туристического агентства “ТрансЭкспресс” (рис. 22) и глобус с книгой в рекламе типографии Принткорп (рис. 23).

Менее продуктивна, однако также имеет место замена других букв русского алфавита.

			
Рис. 24. Реклама услуг «Привет» мобильного оператора «Велком» (г. Минск)	Рис. 25. Наружная реклама магазина строительных материалов и садовой техники (г. Минск)	Рис. 26. Наружная реклама магазина сантехоборудования (г. Минск)	Рис. 27. Реклама фирмы по производству сборных металлоконструкций БЕЛ-МЕТИЗ ¹

В рекламе услуг «Привет» букву *и* заменяет изображение ладошки – один из жестов, типичных при приветствии людей, демонстрирующих открытость и добрые намерения (рис. 24).

Изображение стилизованного болта вместо буквы *т* в названии магазина «Стройматериалы» (рис. 25) также создает эффект привязки слова и продаваемого товара, аналогично как на рис. 26, иллюстрация водопроводного крана вместо буквы *с*. В названии фирмы по производству сборных металлоконструкций «Белметиз» имеет место замена сразу двух букв *л* и *м* через изображение материалов кровли (рис. 27).

В некоторых случаях замещение буквы иллюстрацией не вызывает явной ассоциации с рекламируемым продуктом (рис. 28).

НАСВЯЗИ® ТЕЛЕФОНЫ В РАССРОЧКУ пав.209, второй уровень	
--	--

Рис. 28. Наружная реклама салона сотовой связи «Насвязи» (г. Минск)

¹ Беларусь XXI век: информ. каталог / сост. А.С. Авдашкова [и др.]. – Минск : ОДО «Деловые Идеи», 2005.

В приведенном примере изображение апельсина на месте буквы *о* не имеет непосредственной связи с рекламируемым продуктом – телефонами, но служит привлечению внимания. Следует также обратить внимание на слитное написание слова *насвязи*, которое нормативно писалось бы отдельно.

В некоторых случаях замещается не вся буква, а только ее часть. Замены такого рода призваны привнести дополнительные коннотации и ассоциации.

			
Рис. 29. Название сети универсамов «Рублёвский» (г. Минск)	Рис.30. Реклама городского потребительского общества экологических и социальных технологий ¹	Рис. 31. Название сорта подсолнечного масла “Олейна”	Рис. 32. Название белорусской фирмы-производителя корсетных изделий ²

На примере 29 в названии сети универсамов «Рублевский» элементы буквы *ё* замещены смайликом-улыбкой, что призвано вызвать позитивные эмоции потребителей. Буква *й* в названии городского потребительского общества экологических и социальных технологий «С Верой» (рис. 30) вместо диакретического надстрочного элемента содержит рисунок сердца, который, ассоциируясь с любовью, добротой и милосердием, также несет позитивный заряд. Замена этого элемента в названии подсолнечного масла иллюстрацией капельки подкрепляет связь с рекламируемым продуктом (рис. 31). Название белорусской фирмы-производителя корсетных изделий в транслитерированном латинском написании “Milavitsa” в качестве надстрочного элемента над буквой *i* изображена звезда (рис. 32). Такая замена не случайна, так как она несет дополнительную информацию о значении самого слова: древние славяне так называли утреннюю звезду Венеру, которая являлась для них символом любви и красоты [2].

Как указывают исследователи рекламных текстов, эмоциональный компонент повышает эффект воздействия, компенсирует «потери», связанные с обращенностью к недостаточно дифференцированному кругу адресатов [1, с. 66].

Заменяться элементами других семиотических систем могут также части слов. Среди замещений такого типа зарегистрированы замены числами, основанные на совпадении звуковых комплексов.

¹ Беларусь XXI век: информ. каталог / сост. А.С. Авдашкова [и др.]. – Минск : ОДО «Деловые Идеи», 2005. – С. 838.

² Беларусь XXI век: информ. каталог / сост. А.С. Авдашкова [и др.]. – Минск : ОДО «Деловые Идеи», 2005. – С. 765.

	
Рис. 33. Название фасованных семечек, реклама продукции торговой марки «7ечка» ООО «Маркет Мастер» (www. 7ka.by)	Рис. 34. Название сока компании «Савушкин продукт»®, (www.brestmilk.by)

Окказионализм «7ечка» появился в результате замены части слова *семечка* графическим изображением сходно звучащего числительного *семь*, что привело к компримированию содержания и вовлечению потребителя в разгадывание зашифрованных смыслов. В слове «на100ящий» вместо *настоящий* числительное *100* несет в себе дополнительную ассоциацию с понятием *100%*, *настоящий на 100%* и, таким образом, происходит скрытая попытка убеждения потребителя в хорошем качестве товара (рис. 34). Следует отметить, что начертание слов в обоих случаях является нарушением орфографических норм русского языка.

Встречаются случаи, когда иллюстрациями или знаками других семиотических систем заменены целые слова внутри предложения (рис. 35).

<i>Wer liefert</i> (фото освещенных окон дома)? <i>Beleuchtung und andere Produkte und Dienstleistungen von über 380.000 Anbietern finden Sie bei uns. Präzise und schnell.</i> DIE LIEFERANTENSUCHMASCHINE / www.wer-liefert-was.de <i>Wer liefert was?</i>	<i>Кто поставляет</i> (фото освещенных окон дома)? <i>Освещение и другие продукты и услуги от более чем 380 000 поставщиков Вы найдете здесь. Точно и быстро.</i> ПОИСКОВАЯ МАШИНА ПОСТАВЩИКОВ/ www.wer-liefert-was.de <i>Кто что поставляет?</i>	
--	---	---

Рис. 35. Реклама немецкой поисковой системы “Wer liefert ...?”¹

В заглавии рекламного послания одноименной поисковой системы “Wer liefert ...?” ‘Кто поставляет...?’ отсутствует вербально выраженное прямое дополнение, вместо которого помещена иллюстрация, в данном случае фото освещенных окон. Поэтому реконструировать предложение можно как *Wer liefert den Strom?* ‘Кто поставляет электричество?’ или *Wer liefert die Beleuchtung?* ‘Кто поставляет освещение?’ Неоднозначность прочтения заставляет прочитать весь размещенный под фотографией текст.

Замещать недостающие части предложения могут не только картинки, но и знаки других семиотических систем, например математические (рис. 36).

¹Der Spiegel. –2008. –№ 14. – S. 31.

<i>Ein + verbindet Zuhause-Preise fürs Handy. Jetzt für 3 Cent/Min. mobil ins Festnetz telefonieren. Egal wo, egal wann, egal, wie lange. Neu im Profes-sional Tarif. e•plus</i>	<i>+ соединяет Цены домашнего теле- фона для мобильного. Теперь 3 цента/мин звоните с мобильного на стационарный телефон. Не важно – где, не важно – когда, не важно – как долго. Новое в тарифе профессиональный. e•плюс</i>	
--	---	--

Рис. 36. Реклама немецкой компании сотовой связи “e•plus”¹

В рекламном тексте немецкой компании сотовой связи “e•plus” вербальное обозначение компании замещено математическим символом «+», что основано на совпадении звуковых комплексов. Функции данной замены – 1) привлечение внимания за счет вовлечения реципиента в языковую игру; 2) экономия языковых средств, в силу компримирования содержания. Подобные замены имеют место и в русскоязычной рекламе.

Рис. 37. Социальная реклама «Я люблю Беларусь» (г. Минск)

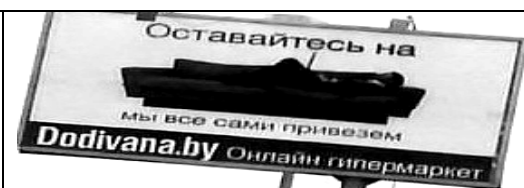

Рис. 38. Реклама интернет-магазина “Dodivana” (www.dodivana.by)

В серии щитовой социальной рекламы «Я люблю Беларусь» слово *люблю* замещено символическим графическим изображением сердца на фоне белорусской природы, иногда это ягоды рябины, вид леса (рис. 37). Встречаются также изображения подснежников и др. Такие замены не случайны, так как они призваны выполнять определенные прагматические функции: 1) функцию привлечения внимания, поскольку иллюстрация воспринимается всегда быстрее, чем текст [1, с. 56]. А значение «зашифрованного» глагола легко выводится и «встраивается» в предложение; 2) предпочтение видов белорусской природы правомочно считать этнокультурным компонентом, активирующим ассоциативный комплекс адресата и прививающим патриотические чувства.

Использование иллюстрации – человек с телефоном, лежащий на диване – вместо словосочетания *на диване* также служит вовлечению потребителя в языковую игру и достраиванию недостающих компонентов фразы (рис. 38). Поза человека, лежащего на диване, активирует бессознательные мотивы человека [3, с. 55–76], в данном случае мотив лени и получения желаемого путем наименьших затрат.

Нарушения языковых норм имеют место как в немецком, так и в русском языках (табл. 1, 2).

¹ Der Spiegel. –2004. –№ 10. – S. 100-101.

Т а б л и ц а 1

**Сводная таблица описанных незузальных явлений
в текстах немецкоязычной рекламы**

№ п/п	Незузальные явления	Количество	Процентное соотношение к общему количеству текстов с описанными отклонениями
1	Орфографические нарушения	92	47,1
2	Нестандартное использование англицизмов	59	30,3
3	Вкрапление знаков других семиотических систем	44	22,6
4	Всего	195	100

Т а б л и ц а 2

**Сводная таблица описанных незузальных явлений
в текстах русскоязычной рекламы**

№ п/п	Незузальные явления	Количество	Процентное соотношение к общему количеству текстов с описанными отклонениями
1	Орфографические нарушения	35 (70)	27,15
2	Использование иноязычных элементов	22 (44)	17,05
3	Вкрапление знаков других семиотических систем	72 (144)	55,8
4	Всего	129 (258)	100

Таким образом, в рекламном текстопостроении и словообразовании, а также орфографии немецкого и русского языков имеются сходные тенденции к нарушению языковых норм. Различия носят прежде всего количественный характер. Сами такие нарушения правомерно считать отличительной чертой рекламного стиля обоих языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горлатов, А.М. Функциональный стиль рекламы в современном немецком языке / А.М. Горлатов; Минск. гос. лингв. ун-т. – Минск, 2002. – 257 с.
2. Магазин нижнего белья “Milavitsa” (Милавица) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nn-catalog.ru/shop/MILAVITSA-8087/>. – Дата доступа 22.03.2011, 17.04.
3. Песоцкий, Е.А. Современная реклама: Теория и практика – 2-е изд., перераб. и доп. / Е.А. Песоцкий. – Ростов н/Д: 2003. – 352 с. – (Серия «Психология бизнеса»).

The article analyses functioning substandard constructions and phrases in advertising texts in Russian and German. It describes the cases of occasional vocabulary formations and the breach of orthography. As the analysis shows all the deviations have a deliberate nature which is governed by the intention to increase the effectiveness of the advertisement messages.

Поступила в редакцию 01.06.11

ВАРИАНТЫ ДЕНОТАТИВНОЙ ОБЛАСТИ ОЦЕНКИ (на материале английского языка)

В статье представлена модель членения многоаспектной *ситуации оценки* на ряд вариантов, или микроситуаций, каждый из которых реализуется в предложениях и сверхфразовых единствах современного английского языка при помощи определенных оценочных предикатов. В основе *вариативности* макроситуации оценки лежат такие *три фактора*, как: 1) дифференциация цели порождения оценочного суждения; 2) признаковая дифференциация объекта оценки; 3) дифференциация внутреннего характеристизатора, специфицирующего характер оценочного действия. Раскрывается суть каждого из перечисленных параметров, в виде таблицы суммируются результаты разбиения максимально обобщенной ситуации на варианты. При этом выявляется, что в основе всего деления находятся прежде всего *два основных вида* анализируемого фрагмента человеческой деятельности, а именно: ситуация *рациональной (эпистемической)* оценки и ситуация *эмоциональной (аксиологической)* оценки. Приведенная модель отражает то, как носители английского языка представляют процесс оценивания и членение его на фазы.

В рамках композиционной модели синтаксического анализа ситуация «представляет некоторую денотативную область, которая и является моделью некоторого фрагмента действительности, отраженного в предложении» [1, с. 49]. Как референт предложения, ситуация являет собой семантическую структуру, т.е. комплекс (набор) элементов с отношениями между ними. Сопоставление данных научной картины мира, языковой семантики глаголов оценки и лексического состава предложений с отобранными глаголами позволило выявить наличие *восьми* участников ситуации оценки и различные атрибутивно-обстоятельственные характеристики операции оценивания (сирконстантные семы, или характеристизаторы денотативной области оценки).

Максимально полная схема *оценочной* ситуации включает следующие компоненты: *субъект, объект, аспект, основание, шкала, оценочный стереотип, инструмент, результат оценки*. Обязательные элементы процесса оценивания – субъект и объект – связаны определенным оценочным отношением со значением ‘хорошо/безразлично/плохо’, выраженным *оценочным предикатом*. На основании тестов на ранжирование аргументов и временную зависимость [2] было обнаружено, что это отношение является динамическим, так как сами глаголы – динамические и направленные.

Аналитический обзор научных сведений об оценке, а также учет наиболее релевантных дифференциальных семантических компонентов исследуемой лексико-грамматической группы глаголов оценки, выделенных при помощи метода дефиниционного анализа, позволили разбить многоаспектную ситуацию оценки на ряд *вариантов*. Ее вариативность определяется за счет таких параметров, как: 1) дифференциация цели порождения оценочного суждения; 2) признаковая дифференциация объекта оценки; 3) диф-

ференциация внутреннего характеризатора, специфицирующего характер оценочного действия. Данные параметры представляются наиболее существенными, поскольку общая ситуация оценки всегда реализуется в одном из вариантов, обусловленных названными факторами.

Отечественные и зарубежные лингвисты видят в оценке классическое воплощение прагматики, т.е. оценка часто определяется как прагматическая категория. На значимую роль прагматического аспекта в раскрытии смыслов оценочных предикатов указывает, например, Е.М. Вольф, отмечая, что категория оценки, бесспорно, относится к сфере прагматики. Соответственно, «структура и семантика оценочного речевого акта определяются прагматической ситуацией, в которой он реализуется» [3, с. 164]. Иначе говоря, оценка всегда является *целесоориентированной*. В зависимости от цели порождения ценностного суждения, можно выделить следующие *два вида* ситуации оценки: 1) рациональная (эпистемическая) оценка: ... *a group of appraisers and antique dealers who identified, **appraised**, and tagged every chandelier, picture, mirror, and fauteuil* (A. Rice. «The Witching Hour»); *The estimated fifty thousand of the underworld and its fringe industries **vett**ed the passing faces* (F. Forsyth. «The Day of the Jackal»); 2) эмоциональная (аксиологическая) оценка: *Competitors set off at timed intervals and the person due to start before Wharton was a tall, slim, dark-haired girl of about their age who was from one of the other schools. Wharton **appraised** the girl's figure with an expression of distaste on his face. "God, they could have given me someone worth chasing."* (A.J. Braithwaite. «The Roman and the Runaway»).

В основе известной дихотомии «рациональное – эмоциональное» лежат две разные стороны отношения субъекта к объекту оценки: первая подразумевает его мнения, а вторая – чувства. Два типа оценки соотносятся с разными семантическими полюсами: рациональная (эпистемическая) оценка основывается на собственных, объективно присущих объекту оценки свойствах (т.е. дескриптивных, признаковых свойствах), хотя и субъективно преломленных в сознании оценивающего, а эмоциональная (аксиологическая) оценка ориентирована на позитивные или негативные эмоции, вызываемые оцениваемым объектом, т.е. базируется на эмоциональном отношении и чувствах субъекта. Рациональная оценка аксиологически не маркирована, она дается по признаку 'достаточно/недостаточно', цель же эмоциональной оценки заключается в вынесении оценочной квалификации по шкале соответствия стандарту (норме, эталону) и предполагает положительную или отрицательную реакцию на объект, например: *Malloy they **evaluated** as a potential friend, a man worthy of their trust and respect, and that warmed the Marine aviator* (T. Clancy. «Rainbow Six»); *"So, how do we **evaluate** this adventure, Cliff?" Mark Gant asked. "Can you spell 'disaster'?" Rutledge asked in return. "That bad?"* (T. Clancy. «The Bear and the Dragon»).

Сравнение, а следовательно, и оценка всегда предполагают различие по некоторому признаку или группе признаков, присущих объекту. Так, характеристика объекта, подлежащего оценке, может быть дана с учетом

либо количественных признаков, либо его качественных свойств. Однако анализ отобранных предложений с оценочными предикатами показал, что есть немало случаев «гибридных» оценок, совмещающих оба эти свойства. Поэтому, на основе этого параметра (признаковая дифференциация объекта оценки) мы выделяем ситуации *количественной, качественной и комбинаторной (количественной/качественной) оценки*: *Had he done right or wrong? Who **would judge**? Kelly shook his head. He'd let God do that* (T. Clancy. «Without Remors»); *He **guessed** his age as anywhere from early to late 80s* (D.L. Wright. «Within Grasp»); *Later the girls from the ski boat would tell the marine patrol that their boyfriends **had** gravely **underestimated** the size and temperament of the old hippie, just as they **had underestimated** the speed of the Aquasport* (C. Hiassen. «Double Whammy»).

Под количественной оценкой подразумевается оценка, имеющая своим предметом сферу количественной определенности, т.е. имеется в виду оценка как материальной или рыночной стоимости объектов, так и их параметрических признаков. Эти признаки (размер, высота, длина, толщина, ширина, глубина, вес, возраст, скорость, сила и т.д.), непосредственно воспринимаемые органами чувств и осознаваемые человеком в результате одноступенчатой мыслительной операции сопоставления с «эталоном», были названы эмпирийными [4, с. 21]. Они отражают объективно измеримые параметры вещей. Количественная оценка может иметь как числовую, так и лингвистическую (т.е. выражение в словах или предложениях) интерпретацию [5].

К а ч е с т в е н н ы е признаки тоже могут быть эмпирийными (например, цвет, свойства поверхности), но еще и рациональными [4, с. 22], т.е. они возникают на основе воспринятых органами чувств признаков в результате анализа, сопоставления, умозаключений. А.Н. Шрамм выделяет среди рациональных признаков собственные признаки предмета (например, 'умный', 'хитрый', 'породистый' и др.) и оценочные, не принадлежащие предмету, а выражающие отношение субъекта к предмету (например, 'превосходный', 'плохой', 'прекрасный', 'безопасный' и др.) [4, с. 22]. Качественные признаки могут быть описаны только в рамках лингвистической интерпретации.

Глаголы лексико-семантической группы оценки различаются характером квалифицирующего действия, специфика которого отражается при помощи того или иного наречия образа действия, присутствующего в словарной дефиниции глагола. Дифференциация внутреннего характеристизатора предполагает выделение вариантов по: 1) степени точности, правильности, экспертности (квалифицированности) оценки (ситуации экспертной (профессиональной, точной) оценки: *The court now pronounces you in contempt of court, and **assesses** a fine of one hundred dollars for contempt of court* (E.S. Gardner. «The Case of the Sulky Girl») и приблизительной (примерной, неточной) оценки: *Five yards Stevens had to go, Mallory **estimated**, five yards at the most* (A. Maclean. «Guns of the Navaronne»); 2) степени полноты, детальности, тщательности, внимательности оценочной квалификации

(ситуации детальной (скрупулезной, полной) оценки: ... *the retinue **examined** tax rolls, settled minor legal quibbles and **took stock of** Royal Holdings* (B. Daniels. «Aesop Updated») и поверхностной (беглой, сделанной в общих чертах) оценки: *Her gaze swept the lawn, probed the trees, and **scanned** the long lake sparkling in the summer sun. No movement* (L.M. Bujold. «Barrayar»); 3) наличию семы 'оценить, расценить кого-либо, что-либо определенным образом' (ситуация собственно оценочного суждения (мнения): *He **regarded** him as a servant unworthy of much interest or notice* (J.K. Rowling. «Harry Potter and the Order of Phoenix»); 4) наличию семантического компонента 'оценить, распределив по группам, классам, категориям, типажам, рангам, степеням' (ситуация ранжированной оценки: ... *Ian Sinclair **is ranked** number two nationwide* (D.L. Wright. «Within Grasp»); 5) официальности/неофициальности оценки (распределяется внутри вышеперечисленных микроситуаций, например: *Another man inflicted a fatal blow on the head. The last one **was held** to be guilty of the homicide* (E.S. Gardner. «The Case of the Singing Skirt»); *He felt as though he **was being sized up*** (D.L. Wright. «Within Grasp»). Каждый из вариантов представлен определенной группой глаголов оценки.

Пересечение трех названных параметров позволяет представить макроситуацию оценки как состоящую из ряда микроситуаций, которые находят свое языковое отражение в предложениях и сверхфразовых единствах современного английского языка. Их комбинаторика может быть представлена в виде следующей таблицы (цифры при предикатах оценки означают их лексико-семантические варианты).

Типология ситуаций оценки

№ м/с	Ситуация рациональной (эпистемической) оценки		№ м/с	Ситуация эмоциональной (аксиологической) оценки	
	Наименование микроситуации	Предикаты оценки, их отражающие		Наименование микроситуации	Предикаты оценки, их отражающие
1.1.1	Количественной экспертной (точной) оценки	appraise, assess, calculate ₁ , compute, figure (out) ₁ , gauge ₁ , measure ₁ , quote ₁ , rate ₃ , value ₁ , weigh ₁	2.1.1.1	Количественной “+” экспертной (точной) оценки	см. № 1.1.1
			2.1.1.2	Количественной “-” экспертной (точной) оценки	см. № 1.1.1
1.1.2	Количественной приблизительной (неточной) оценки	approximate, calculate ₂ , cost ₂ , estimate, gauge ₂ , guess ₁ , judge ₃ , miscalculate, misestimate, misgauge, misjudge ₁ , place ₂ , put ₂ , quote ₂ , reckon ₁ , value ₂ , weigh ₂	2.1.2.1	Количественной “+” прибли- зительной (неточ- ной) оценки	approximate, calculate ₂ , cost ₂ , estimate, gauge ₂ , guess ₁ , judge ₃ , place ₂ , put ₂ , quote ₂ , reckon ₁ , value ₂ , weigh ₂
			2.1.2.2	Количественной “-” прибли- зительной (неточ- ной) оценки	см. № 1.1.2

1.1.3	Количественной детальной (пол- ной) оценки	analyze, assay, balance, compare, consider ₁ , cost ₁ , evaluate, examine, explore, price ₁ , price ₂ , reappraise, reassess, reevaluate, reexamine, study, survey, test	2.1.3.1	Количественной “+” детальной (полной) оценки	см. № 1.1.3
			2.1.3.2	Количественной “-” детальной (полной) оценки	см. № 1.1.3
1.1.4	Количественной поверхностной (беглой) оценки	give sb/sth a/the once-over, look over, scan ₂ , sum up	2.1.4.1	Количественной “+” поверхност- ной (беглой) оценки	см. № 1.1.4
			2.1.4.2	Количественной “-” поверхност- ной (беглой) оценки	см. № 1.1.4
1.1.5	Количественной оценки, выражающей собственно оценочное мнение	consider ₂ , count ₁ , deem ₂ , esteem ₂ , figure ₃ , guess ₂ , rate ₁ , reckon ₂	2.1.5.1	Количественной “+” оценки, выра- жающей собст- венно оценоч- ное мнение	appreciate, consider ₂ , count ₁ , deem ₂ , esteem ₂ , figure ₃ , guess ₂ , rate ₁ , reckon ₂
			2.1.5.2	Количественной “-” оценки, выражающей собственно оценочное мнение	consider ₂ , count ₁ , deem ₂ , depreciate, esteem ₂ , figure ₃ , guess ₂ , overappraise, overestimate, overprize, overrate, overvalue, rate ₁ , reckon ₂ , underestimate, underrate, undervalue
1.1.6	Количественной ранжированной оценки	categorize, class, classify, grade ₁ , place ₁ , sort	2.1.6.1	Количественной “+” ранжиро- ванной оценки	см. № 1.1.6
			2.1.6.2	Количественной “-” ранжиро- ванной оценки	см. № 1.1.6
1.2.1	Качественной экспертной (точной) оценки	adjudge, adjudicate, appraise, assess, audition, deem ₁ , hold ₂ , judge ₁ , measure ₃ , referee	2.2.1.1	Качественной “+” экспертной (точной) оценки	см. № 1.2.1
			2.2.1.2	Качественной “-” экспертной (точной) оценки	см. № 1.2.1
1.2.2	Качественной приблизительной (неточной) оценки	gauge ₂ , guess ₁ , estimate, miscalculate, misestimate, misgauge, misjudge ₁	2.2.2.1	Качественной “+” приближи- тельной (неточной) оценки	gauge ₂ , guess ₁ , estimate
			2.2.2.2	Качественной “-” приближи- тельной (неточ- ной) оценки	см. № 1.2.2

1.2.3	Качественной детальной (полной) оценки	analyze, assay, audit, balance, calculate ₃ , censor, check, compare, consider ₁ , criticize ₂ , dissect, evaluate, examine, explore, figure ₂ , gauge ₃ , get/take the measure of, go over, go through, grade ₂ , inspect ₁ , inspect ₂ , investigate ₁ , investigate ₂ , judge ₂ , look at, mark, measure ₂ , reappraise, reassess, reevaluate, reexamine, regard ₂ , review, scan ₁ , screen, scrutinize, sift through, size up, study, survey ₁ , survey ₂ , take stock of, test, think (through/ over), try (out), vet, view ₂ , weigh (up) ₃	2.2.3.1	Качественной “+” детальной (полной) оценки	см. № 1.2.3
			2.2.3.2	Качественной “-” детальной (полной) оценки	см. № 1.2.3
1.2.4	Качественной поверхностной (беглой) оценки	give sb/sth a/the once-over, look over, scan ₂ , sum up	2.2.4.1	Качественной “+” поверхност- ной (беглой) оценки	см. № 1.2.4
			2.2.4.2	Качественной “-” поверхност- ной (беглой) оценки	см. № 1.2.4
1.2.5	Качественной оценки, выражающей собственно оценочное мнение	consider ₂ , count ₁ , deem ₂ , esteem ₂ , figure ₃ , guess ₂ , hold ₁ , judge ₅ , rate ₁ , reckon ₂ , regard ₃ , view ₁	2.2.5.1	Качественной “+” оценки, выражающей собственно оценочное мнение	appreciate, consider ₂ , consider ₃ , count ₁ , count ₂ , deem ₂ , esteem ₁ , esteem ₂ , figure ₃ , guess ₂ , hold ₁ , judge ₅ , rate ₁ , rate ₂ , reckon ₂ , reckon ₃ , regard ₁ , regard ₃ , prize ₁ , treasure, value ₃ , view ₁
			2.2.5.2	Качественной “-” оценки, выражающей собственно оце- ночное мнение	consider ₂ , count ₁ , criticize ₁ , deem ₂ , depreciate, disesteem, esteem ₂ , figure ₃ , guess ₂ , hold ₁ , judge ₄ , judge ₅ , misjudge ₂ , overappraise, overe- stimate, over-prize, overrate, over-value, rate ₁ , reckon ₂ , regard ₃ , underestimate, under- rate, undervalue, view ₁

1.2.6	Качественной ранжированной оценки	categorize, class, classify, grade ₁ , place ₁ , put ₁ , rank, rate ₄ , sort	2.2.6.1	Качественной “+” ранжированной оценки	см. № 1.2.6
			2.2.6.2	Качественной “-” ранжированной оценки	см. № 1.2.6
1.3.1	Комбинаторной экспертной (точной) оценки	adjudge, adjudicate, appraise, assess, audition, calculate ₁ , compute, deem ₁ , figure (out) ₁ , gauge ₁ , hold ₂ , judge ₁ , measure ₁ , measure ₃ , quote ₁ , rate ₃ , referee, value ₁ , weigh ₁	2.3.1.1	Комбинаторной “+” экспертной (точной) оценки	см. № 1.3.1
			2.3.1.2	Комбинаторной “-” экспертной (точной) оценки	см. № 1.3.1
1.3.2	Комбинаторной приблизительной (неточной) оценки	approximate, calculate ₂ , cost ₂ , estimate, gauge ₂ , guess ₁ , judge ₃ , miscalculate, misestimate, misgauge, misjudge ₁ , place ₂ , put ₂ , quote ₂ , reckon ₁ , value ₂ , weigh ₂	2.3.2.1	Комбинаторной “+” приблизительной (неточной) оценки	approximate, calculate ₂ , cost ₂ , estimate, gauge ₂ , guess ₁ , judge ₃ , place ₂ , put ₂ , quote ₂ , reckon ₁ , value ₂ , weigh ₂
			2.3.2.2	Комбинаторной “-” приблизительной (неточной) оценки	см. № 1.3.2
1.3.3	Комбинаторной детальной (полной) оценки	analyze, assay, audit, balance, calculate ₃ , censor, check, compare, consider ₁ , cost ₁ , criticize ₂ , dissect, evaluate, examine, explore, figure ₂ , gauge ₃ , get/take the measure of, go over, go through, grade ₂ , inspect ₁ , inspect ₂ , investigate ₁ , investigate ₂ , judge ₂ , look at, mark, measure ₂ , price ₁ , price ₂ , reappraise, reassess, reevaluate, reexamine, regard ₂ , review, scan ₁ , screen, scrutinize, sift through, size up, study, survey ₁ , survey ₂ , take stock of, test, think (through/over), try (out), vet, view ₂ , weigh (up) ₃	2.3.3.1	Комбинаторной “+” детальной (полной) оценки	см. № 1.3.3
			2.3.3.2	Комбинаторной “-” детальной (полной) оценки	см. № 1.3.3

1.3.4	Комбинаторной поверхностной (беглой) оценки	give sb/sth a/the once-over, look over, scan ₂ , sum up	2.3.4.1	Комбинаторной “+” поверхностной (беглой) оценки	см. № 1.3.4
			2.3.4.2	Комбинаторной “-” поверхностной (беглой) оценки	см. № 1.3.4
1.3.5	Комбинаторной оценки, выражающей собственно оценочное мнение	consider ₂ , count ₁ , deem ₂ , esteem ₂ , figure ₃ , guess ₂ , hold ₁ , judge ₅ , rate ₁ , reckon ₂ , regard ₃ , view ₁	2.3.5.1	Комбинаторной “+” оценки, выражающей собственно оценочное мнение	appreciate, consider ₂ , consider ₃ , count ₁ , count ₂ , deem ₂ , esteem ₁ , esteem ₂ , figure ₃ , guess ₂ , hold ₁ , judge ₅ , rate ₁ , rate ₂ , reckon ₂ , reckon ₃ , regard ₁ , regard ₃ , prize ₁ , treasure, value ₃ , view ₁
			2.3.5.2	Комбинаторной “-” оценки, выражающей собственно оценочное мнение	consider ₂ , count ₁ , criticize ₁ , deem ₂ , depreciate, disesteem, esteem ₂ , figure ₃ , guess ₂ , hold ₁ , judge ₄ , judge ₅ , misjudge ₂ , overappraise, overestimate, overprize, overrate, overvalue, rate ₁ , reckon ₂ , regard ₃ , underestimate, underrate, undervalue, view ₁
1.3.6	Комбинаторной ранжированной оценки	categorize, class, classify, grade ₁ , place ₁ , put ₁ , rank, rate ₄ , sort	2.3.6.1	Комбинаторной “+” ранжированной оценки	см. № 1.3.6
			2.3.6.2	Комбинаторной “-” ранжированной оценки	см. № 1.3.6

Обобщая итоги вычленения вариантов ситуации оценки, отметим, что макроситуация оценки, находя отражение в английском языке, раскрывается в большом количестве (54) микроситуаций. При этом наиболее существенным для носителей английского языка оказывается передать в первую очередь различие по цели порождения ценностного суждения, что определяется при помощи конкретной прагматической ситуации и контекста.

Качественный, количественный и комбинаторный виды оценки отражаются как лексическим значением глагола, так и окружающим контекстом. Вариативность ситуации оценивания создается также за счет различия внутреннего характеризатора, присутствующего на уровне дефиниции глагола.

Выведенная типология ситуаций оценки представляет собой детальное отражение оценочной деятельности языковым сознанием носителя английского языка и фиксирует те параметры, которые учитываются англоязычной личностью при совершении акта оценивания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богушевич, Д.Г.* Основные положения композиционного синтаксиса / Д.Г. Богушевич // Этапы становления композиционного синтаксиса: проблемы и задачи: сб. науч. ст. / редкол. Д.Г. Богушевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ. – 2010. – С. 45–55.
2. *Bogushevich, D.* Outline of the compositional syntax / D. Bogushevich [et al.] // Proc. of the 16th intern. congr. of linguists, Paris, 20–25 July 1997. Ser. 2 : Philosophy of linguists. – Oxford, 1997. – P. 1–21.
3. *Вольф, Е.М.* Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – 3-е изд., стер. – М. : Едиториал УРСС, 2006. – 280 с.
4. *Шрамм, А.Н.* Очерки по семантике качественных прилагательных: На материале современного русского языка / А.Н. Шрамм. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1979. – 128 с.
5. *Шейгал, Е.И.* Градация в лексической семантике : учеб. пособие к спецкурсу / Е.И. Шейгал. – Куйбышев : Изд-во КГПИ, 1990. – 95 с.

The article demonstrates the division of the multifaceted situation of evaluation into a number of variants, or micro situations, each of which is reflected with the help of particular predicates in the sentences and supra-phrasal unities of modern English. The variability is based on three factors, with the differentiation of the aim of formation of an evaluative judgment being predominant for a native English speaker. The given model reflects the way native speakers envision the process of evaluation and its division into phases.

Поступила в редакцию 24.05.11

М.Н. Сидоренко

КОМБИНИРОВАННАЯ МЕТАФОРА И ЕЕ ТИПЫ В СИСТЕМЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ (на материале современного немецкого языка)

Статья посвящена выявлению характеристик еще не описанного в лингвистике класса *метафорических переносов* имен – *комбинированной метафоре*. Специфика данного языкового явления проявляется в том, что в роли его *оснований* выступают разнотипные элементы: общие для исходного и метафорического значений *семантические признаки* и *подобие отношений между компонентами значений*, или *структуры*.

Комбинированная метафора является важной частью системы метафорических переносов имен существительных немецкого языка и представлена в языке тремя типами, определяемыми центральной ролью структуры в ее когнитивных базах: 'часть–целое + семантические признаки', 'целое–часть + семантические признаки', 'субъект–предикат + семантические признаки'. Описываемые типы различаются значимостью в изучаемой языковой подсистеме, комбинациями основных и моделями.

Моделирование метафорических переносов имен представляет собой один из приоритетных аспектов исследования языковых метафор, позволяющий выявить некоторые закономерности когнитивных процессов в функционировании языка (Дж. Лакофф и М. Джонсон, Дж.Ф. Грэйди, П. Хенле, М.В. Никитин, Г.Н. Скляревская, Л.М. Лещева и др.). Особый статус в метафорической модели имеют основания метафорического переноса как релевантные для сравниваемых объектов элементы знания, определяющие характер взаимосвязи исходного и метафорического значений. В лингвистической литературе выделяют *два типа взаимоотношений* метафорически связанных значений. *Первый*, функционирующий как *общая интегративная зона* исходного и метафорического значений, основывается на сходстве свойств сравниваемых классов объектов, именуемых одной единицей. Например, признак 'цилиндрическая форма' является общим для следующих значений слова *die Röhre*: 1. *langer zylindrischer Hohlkörper [mit geringerem Durchmesser], der vor allem dazu dient, Gase od. Flüssigkeiten weiterzuleiten* 'длинное цилиндрическое полое тело с маленьким диаметром для проведения газа или жидкостей'; 6. (Jägerspr.) *röhrenförmiger unterirdischer Gang eines Baus* 'подземный ход норы, имеющий форму трубы'. Такие случаи относят к *классу метафор сходства* [1, S. 82; 2, p. 83]. В основе *второй*, более сложной и, соответственно, иной по своему типу *интегративной зоны* лежит подобие отношений между компонентами значений, или сходство структур. Так, значения слова *der Abschnitt* 1. *abgeschnittenes Stück* 'отрезанная часть (от какого-то целого); 2. а) *Teil eines Gebietes, Geländes* 'часть территории' связаны общим типом отношений 'часть–целое', несмотря на то, что он характеризует совершенно разные сущности (предмет и территорию). В подобных случаях говорят о *коррелятивной метафоре*¹ [2, p. 82].

Метафоры сходства и коррелятивные метафоры выступают в языке не только в чистом виде, но и во взаимодействии, что подтверждают результаты нашего исследования и примеры в ряде других работ [3, с. 115–116; 4, с. 90]. Специфика этого взаимодействия проявляется в том, что в основе переноса лежит как сходство отношений между компонентами значений, так и общность семантических признаков. Метафора такого типа наблюдается в слове *der Kern* 1. *fester, innerer Teil einer Frucht...* 'твердая внутренняя часть

¹ Более подробное описание выделяемых классов метафор см. в [5].

фрукта...'; 2. (Fachspr.) *innerer Teil* ... in bestimmten Orgelpfeifen '(проф.) внутренняя часть ... в некоторых органнх трубах', где основание составляет комбинация отношения 'часть–целое' с семантическим компонентом 'местоположение'. Наличие нескольких разнотипных оснований позволяет говорить об особом типе интеграции исходного и метафорического значений и выделить его в отдельный класс, который мы предлагаем назвать *комбинированной метафорой*.

Основной задачей данной статьи явилось выявление еще не описанных в лингвистике характеристик комбинированных метафор, а именно: их роли в системе метафор имен существительных немецкого языка, типов отношений между компонентами значений, т.е. структур, и семантических признаков, способных выступать в роли их оснований; состава комбинаций в языке, моделей и их продуктивности.

Проведенное на материале метафорических значений имен существительных немецкого языка исследование показало, что комбинированные метафоры составляют 11 % от всех метафор имен существительных немецкого языка и тем самым занимают достаточно значимое место в исследуемой подсистеме. Анализ их оснований приводит к выводу о том, что в качестве таковых выступают как разные типы отношений, так и разные типы признаков. В частности, все разнообразие данного класса метафор (43 комбинации) обеспечивается тремя типами структур ('часть–целое', 'целое–часть', 'субъект–предикат') и 15 семантическими признаками (типа 'форма', 'функция', 'размер' и проч.). Однако отношения, существующие между этими двумя типами оснований, указывают на их неравнозначность: роль семантических признаков сводится к уточнению, модификации структуры, которая выступает базовой частью основания переноса. Например, признак 'треугольная форма' уточняет структурное отношение 'часть–целое' в основании метафорического значения слова *der Giebel*: 1. *der meist dreieckige, obere Teil der Wand* ... 'по большей части треугольная, верхняя часть стены ...'; 2. (Archit.) ... *Aufsatz als oberer Abschluss von Fenstern, Portalen o.Ä.* '... верхняя часть окна, портала и пр.'; а признак 'видимое сходство' некоторым образом модифицирует структуру 'целое–часть' в комплексе оснований следующей пары метафорически связанных значений *die Wolke*: 1. ... *Ansammlung, Verdichtung von Wassertröpfchen od. Eiskristallen* ... '... скопление, конденсация капель воды или кристаллов льда ...'; 2. *Menge von etw., was einer Wolke ähnlich...* 'большое количество чего-л., что подобно облаку (туче) ...'. Таким же образом общий для двух значений признак 'темпоральность' служит уточнению структуры 'субъект–предикат' в исходном и метафорическом значениях слова *der Nachtfalter* 1. *Falter, Schmetterling, der in der Dämmerung u. Dunkelheit fliegt* мотылек, бабочка, которая летает в темноте и сумерках; 2. (scherzh.) *Nachtschwärmer* → jmd., der sich gerne bis spät in die Nacht hinein vergnügt 'тот, кто любит развлекаться до поздней ночи'.

<i>der Nachtfalter</i>	1) насекомое	летать	+ ночью
	↑	↑	
	2) человек	развлекаться	

Руководствуясь приоритетной ролью структур в анализируемых основаниях, можно выделить три типа комбинированных метафор в системе имен существительных современного немецкого языка: 1 – ‘часть–целое + общие семантические признаки’ (см. *der Giebel*), 2 – ‘целое–часть + общие семантические признаки’ (см. *die Wolke*), 3 – ‘субъект–предикат + общие семантические признаки’ (см. *der Nachtfalter*).

Естественно предположить, что выделенные типы метафор в различной степени представлены в лексической системе языка, что и подтверждают полученные данные (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Типы комбинированных метафор и их представленность
в системе комбинированных метафор имен существительных немецкого языка

Тип комбинированной метафоры	Количество	Представленность в системе комбинированных метафор, %
1) ‘часть–целое + семантические признаки’	254	82,4
2) ‘целое–часть + семантические признаки’	24	7,8
3) ‘субъект–предикат + семантические признаки’	30	9,8
Всего	308	100

Как явствует из табл. 1, наиболее типичными, а следовательно, и наиболее значимыми основаниями комбинированных метафор в системе имен существительных немецкого языка являются комплексы ‘часть–целое + общие семантические признаки’. Их высокая продуктивность обусловлена, по-видимому, желательностью указания на особенности *части* при ее выделении в *целом*.

По сравнению с предыдущим типом, комплексы оснований ‘целое–часть + семантические признаки’ значительно реже встречаются в классе комбинированных метафор. Связано это может быть с тем, что при восприятии целого основное внимание уделяется характеру взаимодействия составных его частей (органические и неорганические целые), что подтверждает высокая продуктивность структуры ‘целое–часть’ в классе *к о р р е л я т и в н ы х м е т а ф о р* [5].

Метафорические переносы по комплексам ‘субъект–предикат + общие семантические признаки’ также непродуктивны в системе имен существительных немецкого языка, что, вероятно, объясняется их исключительной сложностью.

Все три типа комбинированных метафор ('часть–целое + общие семантические признаки', 'целое–часть + общие семантические признаки', 'субъект–предикат + общие семантические признаки'), различаясь в центральном элементе, имеют точки пересечения в модифицирующих, вариативных компонентах. Так, в качестве общих связующих звеньев всех трех типов могут выступать компоненты 'локативность', 'темпоральность', 'количество'. Еще большее сходство обнаруживается между двумя первыми типами комбинированных метафор, что не удивительно, поскольку в их основе лежат разновидности одной структуры (*меронимо-холонимической*). Помимо упомянутых, в качестве общих семантических компонентов для них используются: 'функция', 'форма', 'сходство внешности', 'структура'.

Несмотря на некоторое сходство, первый и второй типы комбинированных метафор характеризуются рядом особенностей. Разным оказывается количество реализуемых в языке комбинаций (19 в первом типе и 9 во втором), отличаются они и степенью участия перечисленных общих компонентов в комплексах оснований. Так, компонент 'локативность', столь редко встречающийся в сочетании со структурой 'целое–часть', входит в состав более 40 % комбинаций с отношением 'часть–целое' (табл. 2) (*das Gesicht* 1. а) ... *Vorderseite* des menschlichen Kopfes ... '...передняя часть головы человека...'; с) (selten) *Vorder- od. Oberseite* eines Gegenstands 'передняя или верхняя часть предмета').

Т а б л и ц а 2

Комплексы оснований первого типа комбинированной метафоры –
'часть–целое + семантические признаки'¹

'часть–целое' +	'часть–целое + локативность' +	'часть– целое + форма' +	'часть–целое + функция' +	'часть– целое + функция + форма' +
'локативность' (104)	'функция' (13)	'функция' (15)	'структура' (2)	'размер' (1)
'функция' (30)	'сходство внешности' (7)	'размер' (1)	'сходство внешности' (1)	
'форма' (30)	'качество' (2)		'качество' (1)	
'сходство внешности' (10)	'количество' (1)			
'количество' (9)				
'качество' (8)				
'значимость' (8)				
'темпоральность' (6)				
'размер' (5)				

¹ В скобках приведено количество пар значений, связанных данной комбинацией оснований.

Большая значимость комбинации ‘часть–целое + локативность’ в комбинированных переносах *первого типа* связана, по-видимому, с тем, что при вычленении частей объекта наиболее их важной характеристикой является местоположение в целом. Это наблюдение подтверждают и данные о представленности тех или иных компонентов в семантике слов, обозначающих части. Как показывают исследования, признак ‘локативность’ является типичным для семантики данного класса лексики [6, с. 77]. На этом фоне особенно интересным представляется относительно незначительная задействованность в комбинациях оснований данного типа признака ‘функция’. Являясь также типичным компонентом в значениях наименований частей, он в 3,5 раза реже, чем ‘локативность’, выступает конститутивным элементом когнитивных баз их метафорических переносов (*der Korpus* 1. *das, was die Gestalt eines Menschen od. Tieres ausmacht* ‘то, что составляет фигуру человека или животного...’; 3. *(bei Möbeln) das massive, die eigentliche Gestalt ausmachende Teil...* ‘(в мебели) массивная, создающая собственно форму часть...’). Это может быть следствием того, что функциональная составляющая номинируемого объекта является его внутренним свойством, недоступным непосредственному восприятию.

Несколько иной набор общих семантических признаков характерен для *второго типа* комбинированных метафор ‘целое–часть + общие семантические признаки’ (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Комплексы оснований комбинированных метафор третьего типа –
‘целое–часть + семантические признаки’

‘целое–часть’ +	‘целое–часть + количество’ +	‘целое–часть + сходство внешности’ +
‘количество’ (6)	‘локативность’ (2)	‘структура’ (1)
‘функция’ (5)		
‘сходство внешности’ (4)		
‘темпоральность’ (3)		
‘поведение’ (1)		
‘форма’ (1)		
‘оценка’ (1)		

Наиболее значимыми комбинациями второго типа являются ‘целое–часть + количество’, ‘целое–часть + функция’. Данный факт указывает, по-видимому, на то, что при познании какого-либо объекта действительности как некоего сложного, комплексного явления внимание акцентируется именно на этих составляющих (*das Tandem* 1. *Fahrrad ... mit zwei hintereinander angeordneten Sitzen u. Tretlagern* ‘велосипед ... с двумя одно за одним расположенными сидениями и педалями’; 3. *(Technik) Vorrichtung... mit zwei hintereinander angeordneten ... Bauteilen od. Antrieben* ‘устройство... с двумя ...элементами, расположенными друг за другом’).

Подводя итоги метафорических переносов наименований частей и целых по комбинациям оснований, следует отметить сравнительно небольшую роль в них *перцептивных признаков* (табл. 2, 3), наиболее продуктивных в системе метафорических переносов [3, с. 115; 4, с. 90 и др.]. По нашему мнению, это указывает на меньшую релевантность данных характеристик при восприятии некоторого объекта как комплексного целого или как части некоторого целого.

Третий тип комбинированных метафор ('субъект–предикат + общие семантические признаки') по сравнению с уже описанными типами комбинаций характеризуется рядом особенностей. Во-первых, в качестве общих компонентов используются элементы самой субъектно-предикатной структуры ('время', 'образ действия' и пр. (табл. 4). Единственное исключение из этого правила составляет слово *das Duell* 1. (früher) zur Entscheidung eines Ehrenhandels, zur Schlichtung eines Streits ausgetragener Zweikampf mit Waffen 'проводимый между двумя людьми для решения спора поединок с оружием'; 2. b) (bildungsspr.) Wortgefecht; Zweikampf mit geistigen Waffen 'словесная перепалка; борьба двух человек с использованием духовного оружия', где в основе метафоры лежит комбинация структуры 'субъект–предикат–средство' с семантическим признаком 'количество', не входящим в группу глагола. Во-вторых, количество элементов в комплексах данного типа комбинированной метафоры увеличивается, как правило, не за счет общих семантических признаков, как в уже описанных типах, а за счет увеличения членов структуры.

Т а б л и ц а 4

Комбинации оснований третьего типа комбинированной метафоры –
'субъект–предикат' + общие семантические признаки

Структура	Общий семантический признак	Количество
'субъект–предикат' +	'время'	10
'субъект–предикат–объект' +	'время'	2
'субъект–предикат–объект' +	'образ действия'	2
'субъект–предикат–объект' +	'результат'	3
'субъект–предикат–объект–результат' +	'образ действия'	2
'субъект–предикат–объект–результат– средство' +	'образ действия'	4
...	...	...

Помимо совпадения некоторых элементов комбинаций, анализируемые классы метафор выявляют значительное сходство в тенденциях переносов. Наиболее часто они осуществляются с «Артефактов» на «Артефакты», что объясняется их разнообразием и огромной ролью в жизни человека. Кроме того, универсальными для смешанных метафор тенденциями являются

переносы наименований «Человека»/«Частей человека» на «Человека»/«Части тела человека», наименований «Животных»/«Частей тела животных» на «Человека»/«Части тела человека», наименований «Растений»/«Частей растений» на «Человека»/«Части тела человека».

Несмотря на выявленные общие закономерности, модели¹ комбинированных метафор имен существительных немецкого языка являются преимущественно *сингулярными*². Так, из 155 моделей метафорических переносов первого типа ('часть–целое + семантические признаки') только 42 имеют статус *регулярных*. Наиболее значимыми из них являются:

1) *тело, организм, его части* – 'часть–целое + локативность' – *части артефактов*, например, *der Hals* 1. ... Körperteil, *der Rumpf* u. *Kopf* miteinander verbindet... '...часть тела, соединяющая тело и голову...'; b) ...Teil zwischen Körper u. Wirbeln des Saiteninstrumentes ... '... часть между корпусом и колком струнного инструмента...';

2) *части тела человека* – 'часть–целое + локативность' – *части тела животных*. К примеру: *das Abdomen* 1. (Med.) Bauch, Unterleib 'живот, нижняя часть живота'; 2. (Zool.) Hinterleib bes. der Gliederfüßer 'задняя часть тела особенно членистоногих';

3) *части артефактов* – 'часть–целое + локативность' – *части артефактов*, как в слове *die Decke* 3. oberer Abschluss eines Raumes od. Stockwerks 'верхняя часть помещения или этажа'; 4. *Fahrbahnbelag* → oberste Schicht der Befestigung einer Fahrbahn 'верхняя часть укрепления проезжей части дороги'.

Широкая представленность в языке первых двух моделей продиктована способностью человека воспринимать многие вещи по аналогии с собой, т.е. имеет действие принцип антропоцентричности. Третья модель иллюстрирует сближение в сознании носителей языка результатов деятельности человека независимо от их сферы. Это и приводит к объединению под одной звуковой оболочкой таких отдаленных классов артефактов, как «Часть строения» и «Часть покрытия дороги».

Среди комбинированных метафор с когнитивной базой 'целое–часть + общие семантические признаки' регулярные модели вообще не были зафиксированы, а третий тип метафор представлен всего одной регулярной моделью: *наименования животных* – 'субъект–предикат + темпоральность' – *лица*: см. *der Nachtfalter*.

Итак, проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов.

1. Комбинированные метафоры, имея своей когнитивной базой комплексы из разнотипных оснований (структур и общих семантических

¹ С целью изучения всех элементов метафорических процессов мы настаиваем на трехчленности метафорических переносов, состоящих из *источника переноса*, *цели переноса* и *основания переноса*.

² Под *регулярной моделью* понимается повторяющееся, однотипное соотношение между исходным и производным значениями слова, под *сингулярной* – единичное [7, с. 189; 8, с. 220; 9, с. 159].

признаков), представляют собой отдельный класс метафорических переносов. Ограниченность реализуемых в языке комбинаций оснований (43) и составляющих их элементов (18) указывает на особую значимость некоторых свойств и отношений в процессе номинации.

2. Неравнозначность сочетающихся в одной когнитивной базе структур и семантических признаков позволяет выделить три основных типа комбинированных переносов: 'часть–целое + общие семантические признаки', 'целое–часть + общие семантические признаки', 'субъект–предикат + общие семантические признаки'. Каждый из них характеризуется определенной значимостью в системе имен существительных немецкого языка, разным количеством общих семантических признаков и регулярных моделей.

Таким образом, общая система метафорических переносов имен существительных современного немецкого языка представляет собой взаимодействие метафор сходства, коррелятивных и комбинированных метафор, характеризующихся различной продуктивностью в изучаемой подсистеме, разными типами оснований и моделей, описание которых является актуальным аспектом исследований в рамках когнитивной лингвистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Henle, P.* Die Metapher / P. Henle // Theorie der Metapher : Studienausgabe / hrsg. von A. Haverkamp. – Darmstadt, 1996. – S. 80–105.
2. *Grady, J.F.* Typology of motivation for conceptual metaphor correlation vs. resemblance / J.F. Grady // Metaphor in cognitive linguistics : selected papers from the fifth Intern. Cognitive Linguistics Conf. / ed. by R.W. Gibbs, G.J. Steen. – Amsterdam, 1999. – P. 79–100.
3. *Пауль, Г.* Принципы истории языка / Г. Пауль. – М. : Изд-во иностр. лит., 1960. – 500 с.
4. *Патейчук, Н.Ф.* Связующие компоненты, типы и свойства семантических структур многозначных слов: На материале имен существительных современного немецкого языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н.Ф. Патейчук. – Минск, 2010. – 149 л.
5. *Сидоренко, М.Н.* Меронимо-холонимические структуры как основания метафорического переноса: На материале имен существительных немецкого языка / М.Н. Сидоренко // Вестн. Минск. гос. лингв. ун-та. Сер. 1, Филология. – 2010. – №4 (47). – С. 56–65.
6. *Русина, Ю.Н.* Семантика меронимов современного английского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Ю.Н. Русина. – Минск, 2007. – 136 л.
7. *Апресян, Ю.Д.* Избранные труды : в 2 т. / Ю.Д. Апресян. – 2-е изд. – М. : Языки рус. культуры : Восточная литература, 1995. – Т. 1 : Лексическая семантика: синонимические средства языка. – 472 с.

8. Шмелев, Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики : На материале русского языка / Д.Н. Шмелев. – М. : Наука, 1973. – 280 с.

9. Харитончик, З.А. К проблеме регулярной полисемии / З.А. Харитончик, Л.М. Лещева // Очерки о языке: Теория номинации. Лексическая семантика. Словообразование : избр. тр. ; редкол. : А.В. Зубов (отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2004. – С. 158–163.

This article focuses on a type of metaphoric transposition not described in linguistics – combined metaphors. The specific nature of this phenomenon lies in the complex character of its cognitive grounds which consist of semantic components and structures acting as integrative elements for the direct and derived meanings of polysemic words. The study reveals some important features of combined metaphors such as constituents of their grounds, regular patterns and their role in the language system.

Поступила в редакцию 15.04.11

А.В. Сытько

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ РАЗНОУРОВНЕВЫХ СРЕДСТВ В ВОПРОСАХ С ЭПИСТЕМИЧЕСКИМИ ПРЕДИКАТАМИ (на материале немецкого языка)

В данной работе речевая просодия рассматривается как средство, обладающее способностью самостоятельно выражать значения коммуникативно-прагматического плана. В связи с этим возникает необходимость определения набора просодических сигналов, маркирующих и модифицирующих семантику лексико-грамматических средств в высказывании. Анализируются факторы, обуславливающие возникновение этих сигналов, и особенности их функционирования.

Для регуляции интенций речевого партнера говорящий использует так называемые функторы, к которым относятся эпистемические предикаты *glauben*, *meinen*, *denken* ('считать', 'верить', 'полагать', 'думать'). Данные лексемы часто употребляются в диалогическом дискурсе в общих вопросах, выраженных бессоюзной сложноподчиненной синтаксической структурой, например: *Du glaubst, du hast schon Erfahrung genug?* Такие конструкции являются объектом данного исследования. При этом необходимо отметить, что эпистемический предикат изменяет *субъективно-оценочное* (модальное) наполнение высказывания, а не объективное содержание реплики.

Поскольку психический мир ощущений, восприятий, оценок, отношений многообразен и многомерен в языковом и речевом представлении, а в общении совмещается целый ряд психических параметров как денотатов высказывания, то понятна употребительность таких вопросов в диалоги-

ческом дискурсе. Их прагматическая уникальность состоит в том, что эпистемический предикат в вопросе обозначает «сиюминутное» состояние субъекта, состояние одновременно *ментальное* и *эмоциональное*. Поскольку же смыслы, выражаемые вопросами с эпистемическими предикатами, актуализируются на уровне дискурса, то невозможно провести их семантический анализ лишь на уровне рассмотрения их пропозициональной семантики, которая является семантической константой высказывания. Она способна получать разное истинностное значение при помощи как лексических, так и *просодических* единиц, которые, являясь одновременно дифференцирующей и динамической сущностью, активно взаимодействуют друг с другом, согласовывая язык и картины мира коммуникантов.

Языковая практика показывает, что семантические отношения между интонацией и вербальным корпусом высказывания не являются однозначными. Основная коммуникативная задача интонации – актуализовать потенциально полисемантические лексико-синтаксические конструкции, связать их с определенной ситуацией, с контекстом, поскольку выразительные возможности интонации позволяют точнее дифференцировать компоненты высказывания по важности, соотнести их с интенцией говорящего и донести многослойную информацию высказывания до слушателя. В этой связи интерес представляет выявление специфики взаимодействия лексико-синтаксической и просодической структуры данных вопросов в речевом процессе, что составляет *з а д а ч у* исследования.

В бытовом дискурсе используются как инвертированные (*Meinst du, sonst sind wir uns einig?*), так и неинвертированные бессоюзные вопросительные структуры (*Du meinst, sonst sind wir uns einig?*), поэтому в качестве *экспериментального* материала для проведения фонетического анализа были отобраны 40 диалогов, относящихся к стилю обиходно-бытовой речи немецкого языка и содержащих вопросы с эпистемическими предикатами с прямым и обратным порядком слов. Для уточнения роли просодии вопросы с идентичным вербальным наполнением, но различной синтаксической структурой были помещены в одинаковое контекстное окружение. Во всех контекстах экспериментальные высказывания занимали одинаковую позицию – в середине диалогического единства. Экспериментальные контексты были записаны тремя носителями языка на цифровой носитель. В результате записи было получено 120 контекстов. Материал был подвергнут семантическому, а также многоэтапному аудитивному и акустическому анализу.

В лингвистике рассматриваются два способа взаимодействия просодических средств с лексико-грамматическими. Это *однонаправленные* отношения, к которым причисляются семантическая *гармония*, *компенсация* и *включение*, т.е. такие отношения, при которых элементы обладают общими семантическими элементами, и *разнонаправленные*, т.е. с элементами, не имеющими семантической общности, контрастивные [1, с. 122].

Анализ материала показывает, что *гармоничные* отношения демонстрируют *инвертированная* синтаксическая структура вопроса, эпистемический предикат и восходящая мелодия, присутствующая в 81 % инвертированных фраз: все три языковых средства четко выражают неуверенность, запрашивая партнера о подтверждении (''Meinen [↗] Sie, dass er nicht auf dem [↗] Kirchhof [↗] beerdigt werden darf?). Дифференциальная сила просодии при разграничении предположительных оттенков здесь невелика. Идентификация информантами модальных значений данных структур в устной форме подтверждает это: фразы воспринимаются носителями языка в основном как выражение большой неуверенности (79 %) и в 1/5 фраз как сомнение.

Обращение к *акустическим* коррелятам воспринимаемых характеристик показало, что просодические характеристики, типичные для неуверенности (уровень завершения 1,4–1,5 о.е. при незначительном (17 %) коэффициенте вариации), *усиливают* в инвертированных вопросах эпистемическую семантику. Наличие во фразе дополнительных модальных маркеров (модальная частица, конъюнктив) (''Meinen [↗] Sie, das *könnte* [↗] helfen [↗] ?) не заставляет говорящего *снижать* уровень завершения, что также свидетельствует о гармоничном взаимодействии средств лексико-синтаксического уровня с просодическими. Рассмотрение количественных показателей *частотного диапазона* вопросительных фраз с эпистемическими предикатами позволяет констатировать, что данный признак *увеличивается* с ростом *неуверенности*. Так, наиболее высокие значения (14 пт) с рассеянием вокруг средней величины в 2,9 пт он имеет в инвертированных структурах при передаче сомнения и большой неуверенности. В инвертированных вопросах с семантикой предположения тональный диапазон уменьшается до 13,5 пт с рассеянием вокруг средней в 2,5 пт. С повышением неуверенности уменьшается *длительность* главноударного слога: сомнение реализуется при 1,8 о.е., неуверенность и предположение с 1,5 о.е., длительность же ударного слога в первой синтагме с нарастанием неуверенности увеличивается.

Эпистемические предикаты вступают в отношения гармонии с восходящим мелодическим контуром как всей фразы, так и ее первого сегмента: восходящая мелодия *поддерживает* семантику предположения, заключенную в глаголе. Эти лексемы отчетливо маркируют разные оттенки предположения (*denken* → *vermuten* → *glauben*), при этом наиболее употребительный глагол *meinen* используется независимо от синтаксической структуры для передачи предположения как такового, без его градации. Так, уровень завершения сегмента, содержащего эпистемический предикат, в обоих типах синтаксических структур *увеличивается* с уменьшением уверенности. Просодические признаки коррелируют в данном случае с лексическим значением глаголов мнения/полагания. Акустический анализ показал, что с уменьшением степени уверенности в глаголе увеличивается конечная ч.о.т. как первой части фразы (от 1,0 до 1,3–1,4 о.е.), где данные глаголы заранее подготавливают восходящую мелодию, так и всей фразы (1,1–1,6 о.е.). Небольшие отличия на акустическом уровне в количественных показателях

просодических признаков во фразах с этими лексемами вызваны тем, что все они выражают разную степень неуверенности. Увеличение уровня завершения первой части в 10 % фраз до очень высокого (1,6–1,8 о.е.) добавляет прагматическое значение осторожной интерпретации чужого мнения.

С прагматической точки зрения данный тип отношений является способом страховки семантики высказывания средствами разных уровней на случай неблагоприятных условий коммуникации. Так, с уменьшением степени уверенности в модально окрашенной лексеме *ведущую* роль приобретает мелодия. Т.е. несмотря на то, что лексическое значение глагола компенсирует просодию, предоставляя ей широкие границы для вариативности, на акустическом уровне и частотные, и темпоральные признаки имеют в большинстве случаев значения, близкие к *типичным* либо для оттенка сомнения, либо предположения.

Таким образом, в вопросах с эпистемическими предикатами и обратным порядком слов наблюдается синонимия разноуровневых языковых средств – мелодии, синтаксиса (порядок слов), лексемы. Все эти средства передают одно и то же содержание, являя собой пример языковой избыточности. Инвертированная синтаксическая структура вопроса дает определенный простор для фонетической вариативности, в пределах которого лишь часть признаков связана с семантическими изменениями. Это происходит, когда просодические признаки приобретают значения, типичные для того или другого предположительного оттенка. Т.е. несмотря на то, что средства трех уровней взаимодействуют однонаправленно и их потенциала оказывается достаточно для маркировки неуверенности как таковой, этого недостаточно для абсолютно четкого разграничения определенных эпистемических оттенков. Семантика предположения оказывается в таких случаях достаточно маркированной на каждом из уровней, что создает практическую основу для *компенсационных* отношений. Это важно, например, для письменного текста, в котором отсутствует просодия; там модальность предположения отчетливо выражена обратным порядком слов и эпистемическим предикатом. Однако в условиях устной коммуникации одно из средств приобретает *первостепенное* значение. Вследствие того, что инвертированные структуры являются в некоторой степени зависимыми от контекста, их фонетическая вариативность приводит к идентификации, помимо эпистемической семантики, эмоционально-прагматических значений, таких, как вежливый вопрос (25 %) и нерешительность (15 %).

Гармоничные отношения между мелодическим контуром и синтаксической структурой наблюдаются и в *неинвертированных* вопросах. Так, нисходящий мелодический контур завершения, отмеченный в 1/4 фраз, действует гармонично с повествовательной синтаксической структурой (*Du "glaubst ↗, er hätte "'andere ↘ Gründe?*). Информанты фиксируют в 85 % таких фраз уверенность. Просодические признаки на акустическом уровне подтверждают это: уровню завершения фразы соответствуют значения 0,5–0,8 о.е. Данный количественный показатель характерен и для

сегментированного подтвердительного вопроса, передающего уверенное предположение (*Du hast doch 'Erfahrung''genug* ↗, *'''nicht* ↗?) [2, с. 135]. Тональный диапазон первой части неинвертированных вопросов растет с ростом уверенности, как и в повествовательных высказываниях [3, с. 134]: от 8,5 пт при сомнении к 10 пт при убежденности. И хотя частотный диапазон первой части вопроса значительно ниже, чем второй, он оказывается достаточным для выполнения своей основной функции – привлечения внимания адресата к информации.

Анализ просодических признаков данных вопросов обнаружил, что чем больше уверенности содержит вопрос, тем меньше информанты ориентируются на семантику эпистемического предиката. Это позволяет сделать вывод о ведущей роли просодии и в неинвертированных структурах. Эпистемические предикаты, *включаясь* в общее значение нисходящей мелодии, смягчают категоричность утверждения в пропозиционной части вопроса. В результате этого в данных конструкциях почти равноправно используются различные глаголы мнения без существенного влияния их на модальную семантику вопроса, а в вопросе с эпистемическим предикатом оказываются совмещенными несколько типов семантического взаимодействия языковых средств.

При увеличении уровня завершения фразы уже до 1,0 о.е. в данных структурах наблюдаются также однонаправленные семантические отношения – включение. В этом случае семантика фраз с эпистемической модальностью варьируется в сторону большей неуверенности с сопутствующим значением недоверия, например:

*Du*¹⁷¹ *''*²²⁰*denkst*²²⁵ ↗ |, *ich*¹⁵⁷ *habe ein Ver* *'''*¹⁷⁰*hältnis mit ihr*^{100Гц} ↗? (исп. 2)

Отношения семантического **включения** – одного из типов семантического согласования – имеют место тогда, когда значение одного из средств, представленного как носителя *дополнительного* семантического признака, содержится в более широком по охвату объеме значения, создаваемого другим средством [1, с. 122], в результате чего узкое значение конкретизирует более общее. Так, восходящая мелодия всей фразы, которая представлена более чем в 2/3 выборки, модифицирует семантику эпистемических предикатов – неуверенность, *изменяя* при этом степень предположения. В результате, данные структуры воспринимаются информантами в устной форме более чем в 1/3 фраз как выражение большой неуверенности.

Включение эпистемических предикатов, а также прямого порядка слов в общую семантику восходящей мелодии, передающей неуверенность (*Du* *'''meinst* ↗, *'sonst sind wir uns* *'''einig* ↗?), приводит к затруднениям при идентификации информантами модальных значений в устной форме. Семантика уверенности в неинвертированных структурах определяется информантами лишь в 1/3 случаев; в остальных случаях информанты избирательно ориентируются то на синтаксис вопроса, то на его просодическую структуру, и, соответственно, ассоциируют такой вопрос либо с уверенным предполо-

жением, либо с неуверенностью и сомнением. Физические корреляты просодических признаков, однако, соответствуют значениям, типичным для уверенных вопросов. Так, длительность ядерного слога в данных вопросах соответствует типичному показателю данного параметра в уверенных вопросах (1,6–1,8 о.е.), а расширение тонального диапазона до 14 пт ($k \approx 22\%$) вызывает идентификацию информантами эмоциональных оттенков (растерянность, недоверие), поскольку уверенное предположение четко идентифицируется при диапазоне 11 пт, а неуверенность при 10 пт. Таким образом, мелодия и в неинвертированных конструкциях приобретает ведущую роль, *модифицируя* значение высказывания.

Разнонаправленные отношения языковых средств наблюдаются там, где они противоположны по семантике и между объемом их значений возникает новое, среднее значение [3, с. 126]. Такие отношения наблюдаются, например, между *прямым* порядком слов и восходящей мелодией (*Sie "meinen" ↗, sonst sind wir uns "einig" ↗?*). Типичным значением прямого порядка слов является выражение уверенности, а восходящая мелодия противодействует этой семантике, привнося во фразу, помимо неуверенности, дополнительно коннотации переспроса (1/5) и недоверия ($\approx 9\%$). Материальную основу для четкой идентификации модального оттенка таких вопросов на акустическом уровне образуют уровень завершения фразы, длительность ядерного слога и тональный диапазон.

В неинвертированном вопросе значение грамматической конструкции контрастирует с семантикой модальной лексемы: повествовательной структуре присуща модальность уверенности, которую в письменной форме *уменьшают* эпистемические предикаты, выражающие неуверенность/предположение. Идентификация модального оттенка данных вопросов в письменной форме не вызывала трудностей у информантов: они уверенно соотносили фразы с тем эпистемическим оттенком, который имеет модальная лексема.

О диссонансе лексических средств, синтаксической структуры и просодии говорит также *средний* уровень завершения первой части *неинвертированного* вопроса (1 о.е., $v=17\%$), содержащей лексему мнения. Синтаксическая структура такого вопроса передает уверенность; нисходящий тон усиливает ее, а эпистемический предикат снабжает высказывание модальностью неуверенности. В таком случае информанты регистрируют меньшую заинтересованность говорящего в ответе, большую степень его знания о предмете речи и скептическое отношение к услышанному, т.е. возникает значение сомнения.

Рассогласованное взаимодействие языковых средств наблюдается также и в инвертированных вопросах. Анализ материала позволил обнаружить на акустическом уровне просодические признаки, *противодействующие* значению лексико-синтаксических средств в данных структурах. Их количественные значения типичны для уверенных вопросов. Так, увеличение длительности ударного слога первой синтагмы до 2,2 о.е. и ядерного слога до 1,8 о.е., рост скорости подъема ч.о.т. на ударном слоге в первой части до

0,5 Гц/с и интервала подъема на ядерном слоге до 28 %, расширение тонального диапазона до 14 пт, что типично для уверенных несегментированных вопросов [1, с. 135], приводит к опознанию в данных структурах противоположного значения – сомнения. Кроме того, в данных структурах в 2/5 фраз наряду с модальным значением идентифицируются такие прагматические значения, как переспрос и вежливость.

Таким образом, можно заключить, что в *устных* контекстах *просодические средства* способны существенным образом *влиять* на семантику лексико-грамматических средств выражения субъективной модальности в вопросах с эпистемическими предикатами. В свою очередь, вопросительная форма высказывания может изменять семантику эпистемических предикатов. Семантика синтаксической структуры данных вопросов имеет в таких случаях *второстепенное* значение по сравнению с ролью просодических средств, поскольку включающим уровнем является фонетический.

Материал также выявил, что только интонационных признаков *недостаточно* для надежной маркировки значения вопроса с эпистемическим предикатом: вербальный корпус высказывания и его просодическое оформление дают возможность для соотнесения его со многими коммуникативными намерениями и эмоциональными состояниями. Решающую роль играет контекст, определяющий интенцию говорящего, поскольку он может как создать полисемию данных структур, так и однозначно определить интенцию говорящего.

Эпистемические предикаты в вопросе заранее подготавливают восходящую мелодию на коммуникативно значимом участке фразы, существенно модифицируют семантику *неинвертированных* вопросов. Значение предположения апеллирует к коммуниканту, подталкивая его к когници и речевой реакции. В данных структурах имеет место *комбинация* модально-прагматической и интеракциональной функций.

Экспериментальное исследование одновременно демонстрирует, что преобладающим типом семантического взаимодействия разноуровневых средств в общих вопросах с эпистемическими предикатами являются однонаправленные отношения – *включения* и *гармонии*: и эпистемические предикаты, и синтаксическая структура общего вопроса, и восходящая мелодия передают значение неуверенности. Семантика же *неинвертированного* вопроса существенно изменяется под влиянием как эпистемических предикатов, так и восходящей мелодии, а комбинация эпистемических предикатов с просодическими средствами чаще всего *усиливает* степень неуверенности в вопросе, выраженном повествовательной структурой.

Разнонаправленное взаимодействие языковых средств при передаче эпистемической модальности данными структурами наблюдается также достаточно часто, несмотря на то, что задача языковых средств в коммуникации – облегчать, а не затруднять взаимодействие и взаимопонимание речевых партнеров. Это приводит к появлению в вопросах *сопутствующих* эмоционально-прагматических значений (переспрос, вежливость, нереши-

тельность, недоверие), усиливающих эпистемическую модальность в обоих типах синтаксических структур.

Эксперимент показал, что из многочисленных просодических признаков материальную основу для четкой идентификации модального оттенка предположения в вопросе составляют лишь немногие: *уровень* тонального завершения, частотный *диапазон* фразы, *длительность* ядерного слога.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Петрянкина, В.И.* Функционально-семантический аспект интонации / В.И. Петрянкина. – М. : Изд-во УДН, 1988. – 190с.
2. *Сытько, А.В.* Модальность предположения в вопросительных высказываниях и средства ее выражения в немецком языке: На материале общих вопросов : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А.В. Сытько. – Минск, 2004. – 131 л.
3. *Чернышева, М.П.* Взаимодействие лексико-грамматических средств при выражении предположения в немецком языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / М.П. Чернышева. – Минск, 1995. – 149 л.

The object of research is general questions with epistemic predicates in the main clause of an interrogative asyndetic subordinate clause. The proposition of these questions gets different truth sense with the help of lexical and prosodic units as well; in the majority of cases the prosody plays the leading role. The aim of this research is to define the interaction specificity of lexical, syntactic and prosodic means of the given questions in speech process by determination of epistemic tonality.

Поступила в редакцию 04.05.11

Е.В. Хоменко

ОЦЕНОЧНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ПРАГМАТИЧЕСКИХ ДОМИНАНТ КАК СРЕДСТВА ВОЗДЕЙСТВИЯ В РАЗНОЖАНРОВЫХ НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ

В статье описаны закономерности функционирования *оценочных компонентов прагматических доминант* в научных текстах, дифференцированных жанровой принадлежностью (*академическая научно-техническая статья, научно-популярная статья, научно-технический доклад, учебно-научная лекция*). Выявлены общие тенденции и отличительные черты в реализации *оценочных компонентов прагматических доминант*, составляющими которых являются оценочные лексические и экспрессивные синтаксические средства воздействия. Полученные данные показывают, что оценочные компоненты прагматических доминант наиболее ярко выражены в таких жанрах как *научно-технический доклад и учебно-научная лекция*. Это соотносится с подтипами репрезенти-

руемой в текстах фактуальной информации, коммуникативно-прагматическими установками адресантов и научно-профессиональным потенциалом адресатов в области представленного в текстах исследуемых жанров знания. Способ выражения оценочного компонента прагматической доминанты можно рассматривать как один из показателей жанровой специфики научного текста.

Методологическую основу проводимого исследования особенностей *оценочных компонентов прагматических доминант* (ПД) в научных текстах, различающихся жанровой принадлежностью, составляет когнитивно-дискурсивная парадигма с учетом ряда релевантных параметров, среди которых доминирующим является дискурсивное взаимодействие субъектов коммуникации – *адресанта* и *адресата* [1, с. 43]. *Адресант* определяет семантико-прагматическую структуру текста, являющуюся продуктом когнитивно-дискурсивной деятельности автора и предполагающую рождение нового знания; коммуникативно-прагматическую направленность текста в целом и прагматические установки семантических компонентов текста, ориентированные не только на передачу *адресату* авторского мировоззрения, но и на убеждение его в достоверности новых знаний.

Характер оценочного воздействия может проявляться в разном отношении автора к излагаемой информации: ее оценка или ее отсутствие, преобладающий оценочный тип. Ориентация адресата в семантической структуре текста, адекватность интерпретации этой информации зависит от определенных сигналов адресованности, представляющих собой способы прагматического фокусирования наиболее важных элементов текстовой информации. Следовательно, при порождении научного текста адресанту необходимо учитывать особенность реализуемой в нем модели коммуникации. Эта модель имеет двухступенчатый характер, который заключается в передаче конкретного подтипа фактуальной (узкопрофессиональной, общепрофессиональной, базовой) научной информации и прагматической информации, обусловленной спецификой оценочного воздействия на адресата.

Обзор имеющихся подходов к определению сущности категории оценки, критериев разграничения типов оценочных значений лексических единиц позволил нам определить оценку как семантико-прагматическую категорию [2, с. 203], направленную на анализ адресантом различных аспектов изучаемых проблем и объектов; следовательно, – на оказание желаемого влияния на адресата, а также убеждение его в достоверности излагаемой фактуальной информации и правильности актуализируемых в тексте мнений автора [3]. Потенциальная способность текста передавать сравнительно-ценностное отношение адресанта к объекту оценки с точки зрения противопоставления «положительно актуализированная достоверность» – «отрицательно актуализированная недостоверность» способствует созданию оценочного компонента ПД текста, представляющего собой совокупность конкретных лексических и синтаксических языковых средств.

Актуальность проводимого исследования обусловлена общей направленностью современной лингвопрагматики на комплексный подход к раскрытию механизмов специфики построения, восприятия и интерпретации научного текста. На наш взгляд, экспликацию оценочных языковых средств следует анализировать с учетом не только самой сферы общения, но и жанровой направленности текста. Несмотря на многочисленность работ, в которых исследовались разные аспекты оценочного значения, реализация оценочного компонента ПД, степень его выраженности в англоязычных научных текстах разной жанровой принадлежности не получили всестороннего освещения.

Цель настоящего исследования заключается в установлении закономерностей функционирования оценочного компонента ПД в тексте конкретной жанровой направленности. В ходе анализа решаются задачи по выявлению основных составляющих оценочного компонента ПД и лингвистических способов его репрезентации; по установлению общих и специфических черт в употреблении лексических единиц, имеющих различные типы оценочных значений и экспрессивных синтаксических средств (ЭСС) в научных текстах, дифференцированных жанровой принадлежностью. Объектом исследования являются разножанровые англоязычные научные тексты энергетической проблематики, а именно: академическая научно-техническая статья (АНТС), научно-популярная статья (НПС), научно-технический доклад (НТД), учебно-научная лекция (УНЛ). Предмет исследования состоит в раскрытии специфики репрезентации оценочных компонентов ПД в текстах обозначенной жанровой принадлежности.

Изучение оценочных лексических единиц проводилось нами в несколько этапов: анализ лексических единиц на семантическом уровне; установление семантических типов отобранных оценочных значений лексических единиц; классифицирование оценочных лексических единиц в соответствии с их принадлежностью к определенной части речи; определение степени их употребительности в исследуемых текстах. Для решения поставленных задач мы рассчитали *коэффициент (K) употребительности* оценочных лексических средств и ЭСС в анализируемых текстах по формуле: $K = K1/K2$, где $K1$ – общее количество лексических оценочных средств того или иного типа в текстах конкретной жанровой направленности; $K2$ – общее количество статей определенного жанра. Полученные коэффициенты употребительности позволяют говорить о высокой, средней или низкой степени встречаемости рассматриваемого языкового средства. На основании коэффициентов употребительности определялась степень сходства и различия по указанным параметрам между сопоставляемыми жанрами научного текста. Степень различия дает возможность оценить релевантность данных параметров для объективного установления интегральных и дифференциальных признаков текстов различной жанровой принадлежности. Были выделены три степени различия

в использовании вышеобозначенных параметров: высокая (>5), средняя (1.5–5), низкая (<1.5). Высокая степень различия позволяет рассматривать конкретный параметр как дифференциальный признак оценочного компонента ПД и, следовательно, говорить о наличии существенного различия между сопоставляемыми жанровыми разновидностями текста. Низкая степень различия свидетельствует о схождении в употребительности анализируемых параметров, что приводит к выводу о наличии общей тенденции в использовании конкретных типов оценочных значений лексических единиц в сопоставляемых жанрах.

Проведенный анализ оценочного компонента ПД опирался на классификацию оценочных единиц, в основе которой лежит семантический критерий и учитываются два основных вида оценки – рациональная и эмоциональная [4]. Их выбор обусловлен спецификой текстов научного содержания. На основе методов компонентного и контекстуального анализа выявленные оценочные лексические единицы в экспериментальном корпусе текстов распределялись следующим образом: эмоционально-оценочные (исконно-эмоциональные, включающие оценочную сему как ядерный компонент значения, и контекстуально-эмоциональные, приобретающие оценочный компонент значения в конкретном контексте); рационально-оценочные (общеоценочные с положительной или отрицательной оценочной семантикой и частнооценочные, отражающие различные типы рационалистической оценки). К одной из составляющих оценочного компонента ПД текста конкретной жанровой направленности относятся ЭСС, способствующие увеличению прагматического воздействия, которое достигается с помощью лексических значений единиц, наполняющих синтаксические конструкции. Как показало изучение экспериментального материала, в оценочный компонент ПД текстов рассматриваемой жанровой принадлежности можно включить следующие ЭСС, имеющие высокую и среднюю степени употребительности: синтаксический параллелизм, инициальные сочинительные союзы, лексический повтор, антитеза, анафора.

В результате анализа была установлена взаимосвязь и взаимозависимость дискурсивно-прагматических и семантических факторов, регулирующих выбор лексических оценочных единиц, представляющих соответствующий тип оценки. Так в текстах жанра НПС к дифференциальным признакам оценочной составляющей ПД относятся: имена прилагательные параметрической (размер/степень – 7.74), темпоральной (масштаб деятельности – 5.08) оценок; исконно-эмоциональные имена существительные (7.92) и имена прилагательные (6.64); парантеза (7.20) и простой повтор (3.78).

Использование лексических единиц, выражающих рассматриваемые виды оценки в жанре НПС, обусловлено, на наш взгляд, коммуникативной интенцией автора текста, которая заключается в намерении сообщить адресату-неспециалисту достоверные научные знания в доступной форме. В текстах статей, относящихся к данному жанру, осуществляется реализация *базовой научной информации*, которая актуализируется на уровне

повседневного знания. Такая информация направлена на адресата, слабо подготовленного к восприятию научной информации в области популяризируемого знания. Вместе с тем предполагается, что адресат владеет ключевыми понятиями в той области знания, которая отражена в тексте. Излагая конкретные факты, взятые из научной системы знаний, адресант приводит точки зрения различных ученых, собственные суждения и предположения, эмоционально и рационально оценивающие предмет сообщения и его отдельные аспекты для того, чтобы вызвать к нему интерес адресата, убедить его в правомерности или неправомерности того или иного научного положения.

В текстах жанра НТД в состав оценочного компонента ПД можно включить: рационально-оценочные имена существительные (5.50); частнооценочные имена прилагательные телеологической (6.36), параметрической (размер/степень – 11.0), темпоральной (давность/возраст – 5.72, время/порядок – 5.06, масштаб деятельности – 7.92) оценок; парантезу (5.84), синтаксический параллелизм (3.16), инициальные сочинительные союзы (4.44), антитезу (2.32), простой повтор (3.84). Коммуникативно-прагматическая цель автора НТД, который, как правило, является специалистом в рассматриваемой области, заключается в сообщении адресату нового научного знания и убеждении его в достоверности полученного знания. В тексте НТД осуществляется реализация ***узкопрофессиональной научной информации***, предназначенной для реципиента, обладающего обширными экспертными знаниями в соответствующей сфере научно-профессиональной деятельности. Репрезентация анализируемого подтипа фактуальной информации происходит на глубинно-профессиональном уровне восприятия знания, которое релевантно для обоих субъектов коммуникации. Прагматическая установка автора НТД направлена не только на сообщение новой информации, но прежде всего на отражение исследуемых процессов/объектов в определенном ракурсе осмысления для выделения их значимых свойств, на доказательство истинности выдвигаемой концепции. Это обуславливает достаточно высокую распространенность рационально-оценочных лексических единиц. Примеры оценочных лексических единиц представлены в таблице (с. 96).

Оценочный компонент ПД текстов жанра УНЛ содержит значительное количество рассматриваемых типов рациональной оценки, выраженных лексическими единицами: имена существительные (13.3) и глаголы (9.58) с ингерентной оценочной семой, частнооценочные прилагательные телеологической (7.08), параметрической (размер/степень – 24.9), темпоральной (время/порядок – 5.08) и интеллектуальной (5.22) оценок; синтаксический параллелизм (6.14), инициальные сочинительные союзы (7.32), парантезу (7.34), простой повтор (10.72), антитезу (2.90), анафору (4.52).

Примеры рационально-оценочных и эмоционально-оценочных
лексических единиц в жанровых разновидностях научного текста

Рационально-оценочные	Эмоционально-оценочные
<i>Efficiency, sustainability, degradation, modification, dependency, advance, require, facilitate, identify, include, significant, influential, suitable, applicable, beneficial, appropriate, sufficient, standard, fundamental, crucial, alternative, enormous, negligible, diverse, identical, bi-directional, modular, composite, recent, current, continuous, steady, sustainable, permanent, short-term, previous, widespread, regional, safe, positive, clean, destructive, dangerous, aggressive</i>	исконно-эмоциональные: <i>sympathy, challenge, fun, fear; angrily, enormously, safely, drastically, amazing, excellent, proud, wonderful, surprising, fabulous, vulnerable, enjoy, feel, sense, inspire</i> контекстуально-эмоциональные: <i>Nuclear energy was synonymous with nuclear holocaust.</i> <i>We will become greener and we will make greener cars.</i> <i>I am going to dig out the role that renewable energy might play.</i>

Представленная в текстах УНЛ **общепрофессиональная научная информация** имеет, в первую очередь, познавательное значение, будучи предназначенной для адресата, обладающего средним научно-интеллектуальным потенциалом в области репрезентируемого в тексте знания. Лектор знакомит его с типовыми фактами/явлениями, необходимыми для последующего усвоения учебного материала. В таком случае коммуникативно-прагматическая цель автора заключается в сообщении существенных признаков предметов, в объяснении причин явлений, в логическом доказательстве определенных положений или гипотез, т.е. в разъяснении смысла научной информации [5, с. 176]. При соотнесении излагаемого научного знания с концептуальным пространством адресата большое значение имеет оказание на него мотивационного воздействия с целью активизации логического мышления, развития заинтересованности в излагаемом материале. Выбор оценочных языковых средств в жанре УНЛ детерминруется не только коммуникативно-прагматической установкой лектора и уровнем профессиональной компетентности адресата, но и устным характером воспроизведения лекции. Здесь возникает противоречие между монологическим характером подготовленного текста и тенденцией к его диалогизации, обусловленной взаимным влиянием лектора и адресата. Вышеуказанные факторы детерминируют высокую степень употребительности оценочных лексических единиц, выражающих различные типы рациональной оценки.

Все оценочные лексемы в составе ПД текстов жанра АНТС имеют среднюю степень употребительности, среди которых можно выделить оценочные глаголы действия (3.30), частнооценочные имена прилагательные параметрической (размер/степень – 4.18) и интеллектуальной (4.94) оценок; контекстуально-эмоциональные лексические единицы (3.30); парантеза (12.24), простой повтор (9.10), синтаксический параллелизм (3.0), инициальные сочинительные союзы (1.70), антитеза (3.08). В текстах жанра

АНТС осуществляется реализация *узкопрофессиональной научной информации*. Коммуникативная интенция автора статьи, репрезентирующей этот подтип фактуальной информации, определяется прагматической установкой сообщить адресату-специалисту новое научное знание, убедить его в достоверности этого знания. Представление исследуемых процессов, объектов в том или ином ракурсе осмысления с целью выделения их значимых структурных, функциональных особенностей, возможных путей получения положительного эффекта от их использования обуславливает распространенность частнооценочных прилагательных, выражающих некоторые рационалистические оценки. Репрезентируя данный подтип фактуальной информации, автор обобщает точки зрения других ученых, приводит собственные суждения, что также детерминирует употребление контекстуально-эмоциональных и рациональных типов оценки отдельных аспектов предмета сообщения.

Исходя из значений коэффициентов употребительности между сопоставляемыми жанрами, выявлена *общая* тенденция в употреблении лексем с различными рационально-, эмоционально-оценочными значениями и ЭСС. Наибольшее сходство по совокупности употребляемых в них лексических оценочных средств и ЭСС наблюдается между оценочными компонентами ПД текстов таких жанров как НТД и УНЛ, НТД и НПС (18 сходных признаков), НПС и УНЛ (15 сходных признаков). Высокая степень различия в реализации оценочных компонентов ПД обнаружена между текстами следующих жанров: АНТС и УНЛ, АНТС и НТД, НПС и УНЛ (5 дифференциальных признаков), НТД и УНЛ (4 дифференциальных признака). Сопоставляемые жанры имеют среднюю степень различия по ряду анализируемых параметров, которые также можно рассматривать в качестве дифференциальных признаков исследуемых жанров.

Для того чтобы проиллюстрировать использование различных типов оценочных значений лексических единиц, рассмотрим интересующие нас языковые средства в аргументативном блоке одного из текстов, относящегося к жанру АНТС, произвольно выбранного из материала исследования.

Тезис: *To promote the ALARA (as low as **reasonably achievable**) principle and to **comply with** the dose limits for radiation workers, the national authorities arranged for the collection, analysis and discussion of radiation dose statistics.* (OJ)

Аргумент 1: *The registry publishes a quarterly external **effective** dose report and a **yearly internal effective** dose report.* (OJ)

Аргумент 2: *All NPP radiation workers are tested for **internal** exposure once per year using a whole-body monitor (WBM), if a worker performs a **potential high-exposure** job, **internal** exposure examination is performed promptly.* (OJ)

Аргумент 3: *KHNP **has implemented** a radiation safety management system, including a dose registry of NPPs radiation workers, in order **to execute effective** radiation management.* (OJ)

Аргумент 4: *A previous South Korean study on occupational radiation dose **did not provide a specific** radiation dose distribution for NPP radiation workers.* (OJ)

Вывод: *A total of 33 680 NPP workers were monitored from 1990 to 2007, with the number **continuously** increasing over time. The **average annual effective** doses **have been continuously decreasing** for all monitored workers.* (OJ)

Выстраивая аргументативный блок, автор, приводит ряд аргументов рационального типа и ссылается на данные проведенного исследования. Для убеждения адресата широко применяются различные лексические средства оценки, дополняющие и конкретизирующие семантику друг друга. Так, в аргументах используется прием позитивной оценки, которая выводится из семантики соответствующих рационально-оценочных прилагательных телеологической *achievable*, утилитарной *effective*, *potential*, параметрической *internal*, *specific*, нормативной *average*, темпоральной *annual*, *yearly* оценок. Рационалистические оценочные значения прилагательных дополняются оценками, выраженными оценочными глаголами действия типа *to promote*, *to comply with*, *to perform*, *to implement*, *to execute*, *to provide*. Употребление наречий способствует интенсификации оценочных значений других лексических единиц: *reasonably achievable*, *is performed promptly*, *continuously increasing*. Таким образом, давая положительную оценку действиям федеральных властей с помощью комплекса лексических оценочных средств, автор подчеркивает однозначность утверждаемого тезиса, повышает эффективность аргументации, направляя ее в нужное прагматическое русло.

В следующем аргументативном блоке текста жанра НТД показано использование ЭСС для оказания воздействия на адресата.

Тезис: *Bioenergy can broaden the energy mix and increase energy security.* (SM)

Аргумент 1: ***It can help** in the transition from fossil fuels to renewable, sustainable energy sources and, of course, **it can be used** to tackle the problem of climate change. **But** it also has a part to play in helping to reduce poverty, improve social conditions, maintain biodiversity and ecosystems, and make the economy greener by stimulating innovation.* (SM)

Аргумент 2: *The large-scale application of biomass for energy and biofuels entails risks. Primary forests **could be wiped out**, biodiversity **could be harmed**, and food crops **could end up** competing with fuel crops.* (SM)

Аргумент 3: *Various speakers at the World Biofuels Markets Conference in Amsterdam yesterday called for a greater focus on the problem of indirect land use change. Competition for scarce **agricultural land** and the extension of **agricultural land** can lead to the exploitation of new land elsewhere. **And** that in turn can increase greenhouse gas emissions and harm ecosystems.* (SM)

Представленный аргументативный блок строится по следующей схеме: автор настойчиво подчеркивает однозначность утверждаемого тезиса посредством развернутых аргументов в пользу биоэнергии. Взаимодействие позитивно-оценочной семантики лексических единиц (*improve*, *maintain*,

stimulate) с ЭСС (синтаксический параллелизм – *It can help..., it can be used*) обуславливает положительный образ данного явления. Изменяя далее фокус оценки, автор обрисовывает возможные негативные последствия для экологии в случае, если рекомендуемые им методы не будут применяться. В таких аргументах используются лексические единицы с отрицательной оценочной семантикой (*risks, wipe out, harm, end up in*). Воздействие на адресата усиливается посредством синтаксического параллелизма (*could be wiped out..., could be harmed, could end up...*), простых повторов, употребления инициальных сочинительных союзов.

В результате исследования для каждой жанровой разновидности научного текста был выявлен оценочный компонент ПД, представляющий собой комплекс оценочных лексических и экспрессивных синтаксических средств воздействия на адресата. Специфика оценочного компонента соотносится с подтипом излагаемой в тексте фактуальной информации (узкопрофессиональная, общепрофессиональная, базовая научная информация), которая предназначена для восприятия и интерпретации адресатом, обладающим разным научно-интеллектуальным потенциалом в конкретной области знания и, соответственно, требующим разной степени убеждения в достоверности репрезентируемой информации. Обнаруженные противопоставления между сопоставляемыми жанрами связаны с употребительностью определенных семантических типов оценочного значения лексической единицы и ЭСС в конкретном жанре, о чем свидетельствуют степени сходства и различия по анализируемым параметрам. Представляется возможным рассматривать способ выражения оценочного компонента ПД в качестве одного из показателей жанровой специфики научного текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лузина, Л.Г. О когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистического знания / Л.Г. Лузина // Парадигмы научного знания в современной лингвистике : сб. науч. тр. ; Центр гуманит. науч.-информ. исслед., Отд-ние языкознания РАН ИНИОН ; редкол. : Е.С. Кубрякова, Л.Г. Лузина (отв. ред.) [и др.]. – М., 2006. – С. 41–51.
2. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф ; Ин-т языкознания АН СССР ; под. ред. Г.В. Степанова. – М. : Наука, 1985. – 228 с.
3. Хэар, Р. Описание и оценка / Р. Хэар // Новое в зарубеж. лингвистике : сб. ст. – М., 1985. – Вып. 16 : Лингв. прагматика / общ. ред. Е.В. Падучевой. – С. 183–195.
4. Арутюнова, Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка / Н.Д. Арутюнова // Проблемы структурной лингвистики, 1982 : сб. ст. ; Ин-т рус. яз. АН СССР ; отв. ред. В.П. Григорьев. – М., 1984. – С. 5–23.
5. Разинкина, Н.М. Стилистика английского научного текста / Н.М. Разинкина. – М. : Едиториал УРСС, 2005. – 216 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

OJ – Radiation dose distribution for workers in South Korean nuclear power plants [Electronic resource]. Ed. Byuoung-il Lee at. – Oxford Journals. – Published by Oxford Univ. Press, 2010. – Mode of access : <http://rpd.oxfordjournal.org/content/early/2010/03/11/rpd.ncq091.abstract>. – Date of access : 12.11.2010.

SM – Bernard ter Haar: Speech at Meeting Global Energy Partnership [Electronic resource] / Bernard ter Haar ; Ministry of Housing, Spatial Planning and the Environment, 2010. – Mode of access : <http://international.vrom.nl>. – Date of access : 11.01.2011.

The article deals with the principles of *evaluation constituents* of pragmatic dominants functioning in scientific texts of different genres. There is a correlation between the *evaluation constituents*, on the one hand, and the types of factual information and the addressee, on the other.

Поступила в редакцию 24.03.11

Л.А. Шабашева

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОЛИЧЕСТВЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИМИ ЕДИНИЦАМИ (на материале французского языка)

В статье предлагается анализ фразеологических единиц французского языка количественной (много/мало, 0-количества) семантики, которая является результатом ассоциативного сравнения понятия о *количественности* с соответствующей наглядно-чувственной ситуацией и его образного переосмысления и представления. Денотативные и сигнификативные семы в их взаимодействии позволяют уточнить референтную отнесенность фразеологизма к интересующему субъекта аспекту предметной *количественности*.

Фразеологическое значение (как и значение слов) мотивируется различными признаками и образами, присущими реалиям и их наименованиям. В связи с этим фразеологизмы характеризуются чрезвычайно пестрой как лексической, так и грамматической семантикой, что и составляет трудность их классификации. В рамках стилистики и лексикологии их в основном группируют по семантическому критерию, т.е. вокруг какого-либо содержательного ядра. Например, Вильмас Бардоши объединяет фразеологические единицы (ФЕ) со значением 'человек как индивидуум' в 25 глав [1]. А.Г. Назарян выделяет группы ФЕ в соответствии с их связями с национальными реалиями, природой или животным миром, профессиями, спортом, охотой и др. [2]. Есть и классификации ФЕ соответственно выражаемым категориальным значениям (процессуальности, предметности,

качественности), когда выделяют семантико-грамматические разряды глагольных, именных, наречных и междометных ФЕ [3, с. 30] или же соответственно их грамматической структуре (непредикативные, частично-предикативные и предикативные, по признаку 'образность/необразность', по принадлежности к речевым стилям или источникам происхождения [4, с. 65]). «Онтологизированную версию» классификации фразеологизмов в русском языке предлагает В.Н. Телия. Значение ФЕ понимается при этом как «информация, обеспечивающая взаимоотношение категоризации объектов в виде типового образа, его концептуального содержания, вбирающего в себя знания об этом объекте в "наивной" картине мира». Последнюю автор предпочитает квалифицировать как отражение «обыденного знания» о мире [5, с. 155–156].

Фразеологизации могут подвергаться как конкретные, так и абстрактные понятия [5; 6, с. 9–10]. Понятие о количестве (фундаментальной категории действительности) также представлено семантикой этих языковых единиц. А.М. Чепасова описала выражение *количественности* единицами разных семантико-грамматических классов ФЕ в русском языке [7, с. 18–30]¹.

Французские фразеологизмы, выражающие данную понятийную категорию, объектом углубленного изучения пока не становились. Анализ показывает, что они описываются (как и лексика) через семантику 'единичности/множественности/собирательности/дискретности/целостности/частичности/вещественности/исчисляемости/неисчисляемости' [7, с. 18–30; 9, с. 252–254].

В.П. Жуков, определяя специфичность значения фразеологических единиц по сравнению со значением слов, выделяет в русском языке фразеологические единицы именные, оценочного значения, совмещающие в себе номинативное и оценочное значения, а также ФЕ междометного характера, и делает вывод о том, что возникновение фразеологизма связано «с выражением всякого рода модальных оценок и отношений говорящего к высказываемому. Модальная окраска является одним из существенных элементов значения фразеологизма, чего нельзя в той же мере сказать о лексическом значении слова» [3, с. 24–25].

Референтом ФЕ предлагается рассматривать «актуализируемое в ходе организации высказывания о мире типовое представление и соответствующие ему структуры знания» о свойствах и «диспозициональных связях» мира [5, с. 155–156]. Осмысление специфических признаков явлений действительности посредством ФЕ мотивировано образно, а «образное значение идиом... однородно с метафорическим образным значением отдельных слов» [10, с. 234]. Фразеологизмы характеризуются как семантически преобразованные единицы, образующиеся путем переосмысления компонентов

¹ Здесь необходимо отметить, что наличие имени числительного в составе фразеологической единицы отнюдь не означает, что данная единица имеет количественный смысл: «Les sèmes rendus par les adjectifs numéraux qui font partie de la structure des phraséologismes substantivaux, interjectionaux, adverbiaux et, surtout, verbaux impriment à ces lexies complexes des sens des plus divers et, souvent, même des sens contraires à leur définition (quantité indéterminée)» [8].

свободного сочетания [2, с. 5–6; 3, с. 38–39]. Как видим, все указанные свойства фразеологизмов позволяют дополнить возможности лексики и обозначить одни и те же явления различными языковыми средствами.

Анализируя выражение *количественности* посредством ФЕ, необходимо иметь в виду, что понятие *количественности/множественности* является предельно абстрактным: количество дано человеку в виде концептуальных аналогов как результат отражения в сознании людей количественных параметров существующей материальной субстанции [11, с. 52]. Эта абстракция, т.е. понятие о том, что некоторый предметный ряд характеризуется свойством *количественности/множественности*, возникает вследствие отвлечения от предметной сущности ряда. Установленное свойство, в свою очередь, может быть определено (измерено/исчислено) посредством операции установления взаимно-однозначного соответствия двух множеств: например, некоторый предметный ряд характеризуется мощностью в 10, 20, много/мало единиц. Результат определения мощности количественного свойства может получить как абстрактно-числовое (*три, четыре, пять*), абстрактно-неопределенное (*много, мало, несколько*), так и чувственно-наглядное языковое представление (*table-s, foule, groupe* и др.) [12].

Абстрактно-числовое представление количества, как известно, используется лишь в области математических вычислений. В обыденных ситуациях числовое выражение количества всегда сопровождает предметность: *один, два человека*. С одной стороны, множественность в действительности неотделима от предметности в том смысле, что воплощена в предметном ряду (является его свойством), а с другой стороны, может принимать различные чувственно-наглядные формы: некоторое количество предметов может восприниматься как новая единица (*куча, толпа* и т.п.), обладающая собственными признаками. Это и позволяет языковому сознанию представлять количественность в виде номинаций наглядно-чувственной семантики, а также высказывать в ее отношении оценочно-эмоциональные суждения.

Анализ субстантивных фразеологизмов, характеризующихся грамматическим значением одушевленной/неодушевленной предметности *homme/femme de lettres, tête de Turc, bourreau des coeurs, merle blanc* показывает, что языковое представление денотативного компонента *celui (homme de lettres), celle (femme de lettres), personne (bourreau des coeurs), qui (tête de Turc), personne, chose (merle blanc)* свидетельствует об именовании некоторого предметного ряда неопределенно большой мощности сродни имени во множественном числе (ср. *des hommes, des femmes, des personnes, des choses*). Но этот ряд ограничивается семантикой ФЕ. Ограничение в первую очередь касается природы обозначаемой предметности: *мужчины (les hommes)* для *homme de lettres*, *женщины (les femmes)* для *femme de lettres* [HDC, с. 1081], только лица (*qui*) для *tête de Turc* [HDC, с. 1856] и *bourreau des coeurs (séducteur)* [HDC, с. 232], и *лица, и вещи (personnes, choses)* для *merle blanc* [HDC, с. 232]. Таким образом, некоторый несосчитанный конкретно-численно предметный ряд, благодаря семантической референции главного

компонента (*homme, femme*) или же в процессе его метафоризации (*tête, bourreau, merle*), не только характеризуется качественно, но и конкретизируется/ограничивается количественно. Эта конкретизация/определение/ограничение количественности уточняется и расширяется сигнификативной частью семантики ФЕ вследствие прямого использования сигнификативных сем слов-компонентов: *qui s'adonne spécialement à la littérature (homme, femme de lettres)*; или же посредством использования процессов косвенного – метафорического – *personnes, choses (merle)*; *très rares, introuvables (blanc)* или метонимического переноса – *celui (tête)*; *qui est constamment en butte à ses moqueries, à ses piques (de Turc)*. В результате, благодаря взаимодействию денотативных и сигнификативных сем фразеологической единицы, неопределенная множественность *hommes, femmes, personnes, choses* принимает наглядно-чувственные характеристики. Одновременно предметный ряд, который может быть назван данной номинативной единицей, конкретизируется/ограничивается количественно, т.е. сужается сфера действия денотативного компонента, а значит, ограничивается и референция языковой единицы. Как видно, в этом процессе взаимодействует и денотативная, и сигнификативная семантика, образуя единый сложный языковой знак.

Фразеологизмы со значением количества необходимо рассматривать как единицы, отражающие этап обращения количественной абстракции в наглядно-чувственную, образную (*image*) форму, т.е. как его качественное представление. Например, именной фразеологизм *l'été indien* образно оформляет некоторый временной отрезок – *période (de chaleur qui en automne rappelle les beaux jours d'été)* [HDC, с. 670]. Фразеологизм *les quatre mendiants* называет блюдо, состоящее из четырех компонентов (*composé de figes, de noisettes, d'amandes et de raisins secs*) [HDC, с. 1199]. Компоненты сосчитаны (*quatre*), а метафоризации подвергнута их наглядно-чувственная сторона: *figes, noisettes, amandes et raisins secs* получают метафорическое обозначение *quatre mendiants*.

Семантика именных фразеологизмов соответствует семантике виртуального имени. В конкретном употреблении может актуализироваться либо денотативный, либо сигнификативный компонент единицы. В нижеследующих примерах

- 1) *C'était l'automne, un automne où il faisait beau*
Une saison qui n'existe que dans le Nord de l'Amérique
Là-bas on l'appelle l'été indien (chanson)

- 2) *On s'attardait aux quatre mendiants du dessert* [НБФФ, с. 964]

актуализируется то денотативный компонент фразеологизмов, то сигнификативный:

Mayergutt, enfin, notre tête de Turc, avait une tignasse crépue, des lèvres lippues, une voix désagréable et une intelligence rapide... (Цит. по 13, с. 103).

Числительные в составе фразеологизмов в одних случаях сохраняют значение определенного/сосчитанного количества (например, *accrocher les deux bouts*), в других конкретно-числовое выражение количества может

принимать ассоциативно-образное выражение. Например, значение ФЕ ‘faire le tour du cadran’ представляется как ‘dormir *douze heures* consécutives’ [1, с. 54]. Очевидно, что определенное сосчитанное количество часов, которые человек проводит во сне, представлено в виде номинации, обозначающей циферблат (*cadran* ‘surface graduée’), по которому движется часовая стрелка (sur laquelle se déplace l’aiguille d’un appareil de mesure (*cadran* d’une montre, d’un baromètre) [HDC, с. 265]. Часовая стрелка проходит круг (*le tour* ‘circuit autour de’) по циферблату за 12 часов – это сосчитано. Таким образом, сосчитанное (определенное) количество часов (время движется) ассоциируется с представлением о движении стрелки и принимает во фразеологической единице образную форму *le tour du cadran*. Другими словами, результату количественной абстракции – 12 часов – приписывают чувственно-наглядную форму (*le tour du cadran*) в результате их ассоциативного сравнения – в данном случае с помощью метонимического переноса:

Madame dort très peu, alors elle a besoin de récupérer. Quand il lui arrive de dormir, c’est souvent pendant toute une journée. – Elle fait le tour du cadran? [НБФФ, с. 1522].

Также и фразеологизм *avoir des atomes crochus avec qn* имплицитно указывает на наличие двух человек, имеющих ‘des affinités, des points communs qui les rapprochent’ [1, с. 95]. Указание на наличие как минимум двух участников в ситуации ассоциируется с семантическим содержанием прилагательного *crochu* (ср.: *crochet* ‘instrument recourbé pour suspendre, maintenir, accrocher’) [HDC, с. 470], а также предлога *avec (qn)*, что и позволяет интерпретировать фразеологическую единицу как ‘deux personnes ayant des affinités, des points communs qui les rapprochent’ [HDC, с. 95]:

Il faut, ajoutait la femme du docteur, qui ne l’avait jamais vu faire “autant de frais”, que vous ayez ensemble des atomes crochus [НБФФ, с. 84].

Обозначение большого количества пищи, которую съедают, фразеологизмом *boire, manger à tire-larigot* обязано элементу *à tire-larigot*, значение которого интерпретируется как ‘beaucoup’ [HDC, с. 1874] или ‘en grande quantité, énormément ou même excessivement’ [Expr.]. Выражение, появившееся в начале XVI века, употреблялось лишь в отношении напитков (с глаголом *boire*). Глагол *tirer* использовался в значении ‘faire sortir un liquide (de son contenant)’. Нет однозначного мнения по поводу значения элемента *larigot* ‘sans arrêt, d’un seul coup’. Предполагается, что это слово могло означать ‘une petite flûte’ (ассоциация с тем фактом, что флейтисты считались большими *absorbeurs de liquides variés*) [Expr.], или же речь идет о сравнении формы бутылки с *flûte*. Larousse du XXe siècle объясняет значение указанного элемента как трансформировавшееся *à tire la Rigaud*: звонари большого и тяжелого колокола, называвшегося *La Rigaud* или *La Rigau* де Руанского собора, были вынуждены много пить после интенсивных усилий, прилагавшихся ими, чтобы привести колокол в действие [Expr.]. Несмотря на то, что этимология элемента *larigot* остается под сомнением, очевидно, что обозначение семы ‘beaucoup’ выражением *à tire-larigot* вызвано ассоциа-

тивными (в данном случае, метонимическими) связями с имевшей место ситуацией. Количественность же конкретизируется в сравнении – с помощью ситуативной семы ‘autant que flûtistes/autant que sonneurs/carillonneurs’, т.е. ‘много’. Одновременно семантика ‘много’ получает наглядно-чувственное языковое представление.

Аналогично фразеологизм *manger comme un ogre/comme quatre* [HDC, с. 1336] наглядно-чувственно конкретизирует количество ‘énormément’, которое в результате эксплицитного сравнения с тем, что съедает *un ogre* ‘personnage mythique géant(e) avide de chair humaine’ [HDC, с. 1336], или же четыре человека, принимает значение ‘autant qu’un ogre mange/autant que quatre mangent’. Именно сема *géant(e)* ‘être fabuleux, de taille colossale’ лежит в основе образования количественного значения фразеологической единицы.

Значение небольшого количества ‘une quantité infime’ фразеологизма *boire la goutte*, обозначающего ‘prendre un petit verre d’alcool’ [HDC, с. 832] возникает по ассоциации смежности с количеством, содержащимся в *une goutte* – ‘1. Toute petite quantité de liquide (de forme arrondie)’ [HDC, с. 832]. Ассоциация *goutte* – *un petit verre d’alcool* строится на основании подобия количества жидкости в стакане с *forme arrondie* капли. Результатом ассоциативного сравнения с количеством, которое может содержать *une goutte*, является наглядно-чувственное восприятие ‘une toute petite quantité d’alcool’. Ср.:

Plantée devant l’Asommoir, Gervaise songeait. Si elle avait eu deux sous, elle serait entrée boire la goutte. Peut-être qu’une goutte lui aurait coupé la faim. Ah! elle en avait bu des gouttes! Ça lui semblait bien bon tout de même [НБФФ, с. 759].

Во фразеологизме *avoir un appétit d’oiseau* ‘manger très peu’ [1, с. 45] сема ‘très peu’ появляется на основании ассоциативного сравнения с количеством, которое способна съесть птица (‘autant qu’un oiseau peut manger’). В результате семантика небольшого количества принимает признаковые характеристики, а также и наглядно-чувственную форму *appétit d’oiseau*.

В свою очередь, фразеологизм *bouffer des briques (à la sauce cailloux)* имеет двойное толкование: обозначает отсутствие, т.е. 0-количества ‘n’avoir rien à manger’ [HDC, с. 245] или же ‘avoir très peu à manger’ [Expr.]. В первом случае фразеологический комплекс формирует значение ‘rien’ благодаря противоречию, складывающемуся в семантике компонентов: невозможно есть кирпичи даже и под соусом, поэтому тот, кто имеет в качестве питания только кирпичи, не имеет ничего. Семы, составляющие комплекс, приходят в семантическое противоречие, что, вероятно, и является основанием для появления количественной семы ‘rien’. В другом случае значение фразеологизма толкуют на основании этимологии слова *brique*. С XVI века в некоторых диалектах Севера и Запада Франции и до сих пор это слово обозначает ‘morceau’, или ‘miette’, что уже прямо указывает на очень небольшое количество пищи в тарелке:

J'aime ces jeux de mots allusifs à quoi excellent les Parisiens... manger des briques c'est se serrer la ceinture, danser devant le buffet, se taper du vent... [НБФФ, с. 225].

Таким образом, фразеологическое значение количественности (как и соответствующее значение лексических единиц) мотивируется различными признаками, присущими предметной количественности/множественности. Оно является результатом ассоциативного сравнения понятия о количественности с соответствующей наглядно-чувственной ситуацией и ее образного переосмысления. При этом понятие об уже определенной, хотя и не выраженной абстрактно-численно количественности (*des hommes, des femmes, des personnes, des choses, une période, en grande quantité, énormément, une quantité infime, très peu, rien*) принимает образную форму (image), а семантика фразеологической единицы приобретает наглядно-чувственную определенность, соотносимую с обыденным знанием о мире. Взаимодействие денотативных и сигнификативных компонентов семантики фразеологического комплекса позволяет уточнить референтную отнесенность фразеологизма как языковой единицы к интересующему субъекта аспекту предметной количественности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фразеологизмы французского языка ; пер. Е. Бутиной / В. Бардоши, Ш. Эттингер [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.twirpx.com. – Дата доступа : 15.04.2010.
2. Назарян, А.Г. Фразеология современного французского языка / А.Г. Назарян. – М. : Наука, 1976. – 287 с.
3. Жуков, В.П. Семантика фразеологических оборотов / В.П. Жуков. – М. : Просвещение, 1978. – 160 с.
4. Назарян, А.Г. Фразеология современного французского языка / А.Г. Назарян. – М. : Высш. шк., 1987. – 288 с.
5. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М. : Школа «Языки рус. культуры», 1996. – 288 с.
6. Примович, Р.Р. Номинативно-функциональные свойства фразеологических сочетаний «существительное + прилагательное» в современном французском языке / Р.Р. Примович : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05. – М., 1981. – 22 с.
7. Чепасова, А.М. Количественное значение, выражаемое фразеологизмами разных семантико-грамматических классов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.dissercat.com/content/strukturno-semanticheskie-i-funktsionalnye-svoistva-frazeologizmov-soyuzov>. – Дата доступа : 25.01.2009.
8. Mladin, C.-I. Phraséologismes idiomatiques chiffrés/numériques. Inventaire, sens, équivalences intra- et interlinguales (français-roumain) [Электронный

ресурс]. – Режим доступа : http://www.uab.ro/reviste_recunoscute/philologica/philologica_2004_tom2/26.doc. – Дата доступа : 28.04.2011.

9. *Шабашева, Л.А.* Количественные значения французских фразеологизмов / Л.А. Шабашева // Материалы ежегод. науч. конф. преподавателей и аспирантов ун-та, 27–28 апр. 2010 : в 5 ч. – Отв. ред. Н.П. Баранова. – Минск : МГЛУ, 2010. – Ч. 4.

10. Общее языкознание : учеб. пособие для филол. фак-тов вузов / Н.Б. Мечковская [и др.] ; под общ. ред. А.Е. Супруна. – Минск : Вышэйш. шк., 1983. – 456 с.

11. *Тимофеев, И.С.* Методологическое значение категорий «качество» и «количество» / И.С. Тимофеев. – М. : Наука, 1972. – 215 с.

12. *Шабашева, Л.А.* Количественные словосочетания французского языка / Л.А. Шабашева : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05. – Минск, 1993. – 153 с.

13. *Назарян, А.Г.* Идиоматические выражения французского языка / А.Г. Назарян. – М. : Просвещение, 1978. – 159 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

HDC – Dictionnaire encyclopédique en couleurs. – Hachette Livre, 1997.

НБФФ – Новый большой фр.-рус. фразеолог. словарь / В.Г. Гак [и др.] ; под ред. В.Г. Гака. – М. : Рус. язык. – Медиа, 2005.

Expr. – Les expressions françaises décortiquées [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.expressio.fr/edj.php?id=UBAK7561&exp=PGVM968P>. – Дата доступа : 14.02.2011.

The article suggests the analysis of the phraseological units of quantitative (many, few, 0-quantity) semantics in the French language which is the result of associative comparison of conception of *quantitativeness* with a corresponding visual-perceptible situation and its figurative reinterpretation. The interaction between denotative and significative semes of a unit makes it possible to specify its referential correlation with the objective *quantitativeness* aspect.

Поступила в редакцию 16.05.11

И.В. Шитикова

СИНТАКСИЧЕСКИЙ ПАРАЛЛЕЛИЗМ КАК ЯВЛЕНИЕ С ОСОБЫМ СТАТУСОМ В ТЕКСТООБРАЗОВАНИИ

В статье рассматривается подход к явлению *синтаксического параллелизма* как семантико-структурному единству. Взгляд на синтаксический параллелизм, который является симметричным образованием определенного типа, должен сформировать углубленное представление о его структурно-семантических и стилисти-

ческих особенностях. При этом учитывается роль взаимодействия грамматики и лексики в образовании единств синтаксического параллелизма для создания экспрессивной насыщенности параллельных конструкций.

До последнего времени характерно восприятие *параллелизма* как сугубо формального приема, но изучать форму любого языкового явления невозможно в отрыве от ее функции и от того смысла, который с ее помощью передается. Все это проявляется в текстовых условиях, т.е. исследование должно опираться на теоретические положения современной лингвистики текста. И новое понимание *синтаксического параллелизма*, более глубокое и полное, складывалось в связи с тем, что исследователи стали придерживаться установок, ориентированных не столько на внешние черты изучаемых явлений, сколько на функции, которые они выполняют в тексте. При этом сами тексты рассматриваются в широком историко-культурном контексте, так или иначе обуславливающим смысловое наполнение и стилистическое оформление конкретных текстов.

Исследование текста как единого целого обязывает лингвистов прибегать к методикам многих гуманитарных дисциплин, среди которых, наряду с лингвистикой, находятся филология, история, культурология и др. Свою роль сыграло в этом развитие гуманитарных наук и их взаимодействие в рамках междисциплинарного научного пространства. К тому же лингвисты переключили свой интерес от исследования собственно структуры языка на изучение живого человеческого общения. Иначе говоря, если традиционно ставился вопрос о том, как устроен язык, то современные исследователи задаются вопросом, как он функционирует. Это, безусловно, касается и подхода к явлению *синтаксического параллелизма*.

Его изучение начиналось с *традиционно-риторического* подхода [1, с. 7], в рамках которого *параллелизм* признавался фигурой речи, объединяющей два и больше высказывания, выстроенных по единому структурному образцу. Одним из первых исследователей, занимавшихся этим явлением, был Р. Лаут, который дал ему такое определение: «своеобразное сочетание предложений ... при котором один и тот же предмет описывается разными путями, но с одним и тем же смыслом; когда одно и то же описывается разными словами или различное выражается в сходных по форме словах; когда равное соотносится с равным, а противоположное – с противоположным» [1, с. 7–8]. В широком смысле параллелизмом называли также стиль, основанный на этих фигурах.

Традиционный риторический ракурс восходит в своей основе еще к античности. Но со временем принципы подхода переосмысливались, и параллелизм уже интересовал исследователей по его функционально-смысловой сути при воплощении на различном текстовом материале: это были и библейские тексты, и фольклор (А.Н. Веселовский отмечал, что параллелизм присущ многим фольклорным традициям [1, с. 8]).

В шестидесятые годы XX века стало формироваться *лингвистическое* направление в изучении параллелизма. Одним из известных его исследователей был Р.О. Якобсон. В его трактовке параллелизм выступал как универсальное явление, охватывающее все слои языка: фонетику, морфологию, лексику и синтаксис [1, с. 8]. В частности, работа Дж. Кугела открыла тот этап в изучении обсуждаемого явления, который можно назвать *культурологическим* [1, с. 8]. При изучении этого явления следовало принимать во внимание эпоху, мировоззрение авторов и читателей изучаемых текстов.

Естественно на повестку дня встала необходимость более точного ответа на вопрос: что есть или не есть параллелизм и можно ли его сводить только к поэтическому приему? В итоге ответ формулировался таким образом, что эта фигура реализует те смысловые связи между словами и предложениями, которые не обусловлены только ее синтаксической структурой. Будь то воплощение в рамках одного стиха или сюжетные ходы в рамках нескольких глав – в любом случае имеет место вполне определенный принцип построения текста, при котором одноуровневые единства раскрывают свой смысл только в сопоставлении друг с другом. «Сами по себе эпитет или метафора не являются параллелизмом, но несколько эпитетов или метафор могут вступать друг с другом в отношения параллелизма, которые и будут во многом определять их значение» [1, с. 9]. Параллелизм не является просто ритмическим приемом или формальной чертой, характерной для определенного типа текстов. Он связан с закономерностями речеформирования как способом подачи информации, потому что стремление строить свою речь по тем или иным повторяющимся моделям проявляется как общее свойство речевого поведения человека и даже находит экспериментальное подтверждение в психолингвистике. Тем самым параллелизм опирается на фундаментальные законы построения и восприятия живой речи, и нет ничего удивительного в том, что он характерен для многих литературных традиций. Еще в древнем обществе жизнь осмысливалась в ее подчинении определенному циклическому распорядку. Соответственным образом должны были организовываться и тексты, порожденные жизнью конкретного общества. Поэтому восприятие параллелизма имеет свою опору в свойстве сознания и жизни архаического общества. В ходе же эволюции, общественной и языковой, он стал пониматься в качестве наиболее универсального средства организации текста, причем практически всех литературных традиций. Кроме того, он осознавался и как естественный мнемотехнический прием, облегчающий запоминание и воспроизведение традиционных текстов, когда их еще не было в письменной форме. Но с распространением возможности текстового отображения информации в письменном виде в параллельных конструкциях разного рода усматривался способ структурирования текста и выделения в нем главного.

Хотя общепризнанно правомерное признание универсальности параллелизма, отмечаются и различия в его использовании между разными

культурами. Они предопределялись постепенным усложнением принципов организации художественного текста, когда одни традиции заменяли фольклорный параллелизм более сложными схемами, другие, напротив, развивали его до высокого уровня. Например, в то время как новоевропейские литературные традиции, наследовав античную поэтику, выбрали скорее первый путь, другие традиции пошли по второму [1, с. 10].

В «Энциклопедическом словаре-справочнике лингвистических терминов и понятий» синтаксический параллелизм (греч. *parallellos* ‘находящийся или идущий рядом’) трактуется как «симметричное расположение грамматически значимых элементов в соседних высказываниях текста» [2, с. 299]. Следовательно, признается, что в основе организации синтаксического параллелизма лежит принцип *симметрии*, другими словами, симметричного расположения составляющих его параллельно оформленных компонентов. «В общем плане симметрия связана с инвариантностью структуры по отношению к каким-либо преобразованиям. В случае единства синтаксического параллелизма она проявляется в неизменности структурной организации его компонентов при одновременных изменениях в других отношениях (лексический состав и т.п.)» [3, с. 7].

Исследователи, в частности А.А. Кузнецова, утверждают, что параллелизм вне симметрии невозможен, хотя, безусловно, симметрия в языке представлена не только синтаксическим параллелизмом. Это дает основание полагать, что синтаксический параллелизм и симметрия – понятия не тождественные; синтаксический параллелизм – это лишь частный (видовой) случай симметрии, эти явления находятся в родо-видовых отношениях [4, л. 64].

Понятие *симметрии* предполагает понятие *асимметрии*, и, соответственно, симметрия раскрывает свое содержание и значение через *асимметрию*. Она выступает как результат изменения, нарушения симметрии. Основанием для оппозиции симметрии/асимметрии являются категории *тождества* и *различия*. Анализ синтаксического параллелизма показал, что в данном синтаксическом явлении вместе с процессами становления *тождества* происходят процессы становления различий. В синтаксическом параллелизме симметрия представляет собой наличие тождества не вообще, а только при осуществлении *различий* между составляющими: т.е. в самой симметрии обязательно имеет место асимметрия [3, с. 7].

Наиболее явно асимметрия прослеживается при реализации так называемого *неполного (частичного) параллелизма*. *Полный параллелизм* характеризуется абсолютным структурным тождеством параллельно организованных компонентов семантико-структурного единства параллелизма; *неполный параллелизм* предполагает отступления от полной структурной тождественности. Исследуя это явление, Р.В. Складенко выделяет следующие основные условия параллельности, соблюдение которых обеспечивает *полный параллелизм*: одинаковое количество входящих в каждую составляющую лексических единиц, одинаковые синтаксические отношения членов внутри параллельно оформленных компо-

нентов, одинаковый порядок слов [3, с. 8]: *Was ist ein Dorf auf dieser Erde? Es kann eine Spore auf der Schale einer faulenden Kartoffel oder ein Pünktchen Rot an der besonnten Seite eines reifenden Apfels sein* [5, с. 101]. Несоблюдение одного из названных условий параллельности приводит к неполному параллелизму.

Другой исследователь, Н.Ш. Мамедов, выделяет следующие виды неполного параллелизма: неполный параллелизм *с распространением*, неполный параллелизм *с несовпадением синтаксических функций* соотнесенных грамматических членов, неполный параллелизм *с неадекватным порядком соотнесенных слов*, неполный параллелизм *с усечением* [6, с. 9–10]. Им даются определенные характеристики:

1) неполный параллелизм *с распространением* имеет место при различных выражениях необязательной, но предсказуемой связи, результатом чего и является несоотносительное распространение одних членов предложения другими при одинаковых синтаксических потенциях элементов параллельной конструкции: *Sie hörte seine Worte nicht, sie las seine Gedanken vom Gesicht*;

2) неполный параллелизм *с несовпадением синтаксических функций* соотнесенных грамматических членов как вид неполного параллелизма обнаруживается при отклонении от соотношения структурных моделей частей сложного предложения: *Befohlen wurde uns nach dem Süden zu gehen – wir gingen nach dem Norden. Je mehr Gutes der Mensch will, desto mehr Schlechtes wird ihm gegeben*;

3) неполный параллелизм *с неадекватным порядком соотнесенных слов* наблюдается в тех параллельных конструкциях, во второй предикативной части которых обнаруживается инверсия определенных элементов по сравнению с первой предикативной частью: *Die Heimat verrieten wir nicht, wir verteidigten sie*;

4) неполный параллелизм *с усечением* означает такой вид неполного параллелизма, который имеет место в результате контекстуальной неполноты или эллипсиса, что обусловливается стремлением к экономии языковых средств и другими причинами: *Die ersten zwei Eigenschaften flößten den Jungen Angst ein, die dritte – Respekt*.

В ряде случаев наблюдаются отклонения одновременно от разных признаков формальной устроенности параллельных конструкций. Отклонения допустимы только в тех пределах, в которых они не затрагивают формирования предложения в качестве коммуникативной единицы. А в целом «синтаксический параллелизм основывается на том, что смежные или соотносительные части текста имеют одинаковое синтаксическое строение. При этом возникает эффект выразительности за счет ритмо-мелодических характеристик, а также подчеркивания семантического сходства или, напротив, несходства этих элементов или целых частей, чаще всего в плане их эмоционального восприятия» [7, с. 415].

Способность синтаксического параллелизма к усилению эмоционального фона высказывания признается одним из главных его стилистических

свойств. Это свойство параллелизма обуславливается выделением логической стороны высказывания в определенном контексте. Чаще всего параллельные конструкции используются для выражения или углубления контраста. Синтаксический контраст/эмоциональный контраст имеет большое значение там, где необходима внезапная перемена тональности повествования, связанная с изменением темы: *Alle können schreien, aber niemand will geschrien werden.*

Синтаксический параллелизм усиливает лексическое нарастание значимости компонентов высказывания и вследствие этого служит эффективным приемом для создания эмоционального подъема. Любой повтор, будь то отдельное слово или группа слов, в конструкциях с синтаксическим параллелизмом компонентов создает впечатление нарастания излагаемых фактов по степени их важности. В этом смысле синтаксический параллелизм представляет собой эмоционально-дифференцированный вариант синтаксической организации высказывания: *Wenn ich dumm bin, lassen sie mich gelten; wenn ich recht hab', wollen sie mich schelten* (Goethe. *Zahme Xenien*).

Повторяемые синтаксические структуры образуют некий тематический состав высказывания, оттеняя за счет своей однородности новизну рематического состава. Экспрессивный эффект основан на контрасте повторяющейся и новой информации: *Paul ist sehr froh gewesen, dass er nichts mehr sagen musste. Der Junge ist froh gewesen, dass er fernsehen durfte. Die Frau ist froh gewesen, dass nichts passiert ist* (U. Plenzdorf) [5, с. 99].

Ритмическая организованность как постоянное стилистическое свойство параллельных конструкций создается за счет структурной идентичности соотнесенных единиц и ни в коей мере не зависит от их лексического состава, тогда как лексическое содержание и контекст влияют на проявление стилистических свойств параллелизма. Степень проявления стилистической значимости обуславливается следующим положением: влияние синтаксического параллелизма основывается на способности его формы увеличивать свой прагматический потенциал следующими моментами:

- а) лексическими элементами, создающими данную синтаксическую форму;
- б) включением лексических повторов (служебных слов, например, союзов, частиц и т.п.) в синтаксическую форму параллелизма;
- в) ритмической организацией параллельных конструкций [6, с. 17–18].

Интересным фактом языка является то, что синтаксический параллелизм служит источником появления связанных, фразеологических конструкций. Объяснение данного факта может сводиться к следующему: структурно-семантическое единство параллельных конструкций способствует перерастанию того или иного количества свободно сочетаемых слов в воспроизводимое лексико-синтаксическое единство с обобщенным значением. Наглядным примером тому служат пословицы из живого народного языка: *Jung gewohnt, alt getan; Beim Mann Vorsicht, bei der Frau Nachsicht; Kalte Hände, warme Liebe; Wer will, geht, wer nicht will, schickt.*

Наличие в синтаксическом параллелизме контраста, т.е. противопоставления слов по их семантическому ряду, содействует изобразительности и меткости таких конструкций в тексте. Яркая эмоционально-экспрессивная насыщенность в них создается и отдельными компонентами параллелизма, и тем значением, которое возникает в результате противопоставительного сочетания компонентов.

Главная особенность рассматриваемого явления в его текстовом статусе видится исследователям в его целостном образовании, обладающем характерными семантическими, синтаксическими, стилистическими и ритмическими взаимосвязями составляющих это образование компонентов [3, с. 4]. Именно семантико-структурное единство порождает новые качества и свойства, не присущие отдельным его составляющим, но возникающие в результате их взаимодействия в определенной системе текстовых связей.

В нашем исследовании описание параллельных конструкций проводится на базе именно осознания их целостности, т.е. неразрывного единства в них структурных и семантических данных. Известно, что любое явление на ступенях своей конкретизации характеризуется наличием как плана содержания, так и плана выражения, а это предполагает постоянное соотнесение структурных схем с той семантической структурой, которая создается и реализуется [6, с. 6]. Линия квалификации однотипных конструкций как параллельных на основе сопоставления в них семантической и формальной репрезентаций будет выдерживаться нами в ходе всего анализа.

Рассматривая синтаксический параллелизм с точки зрения реализации принципов *аддитивности* и *неаддитивности*, следует подчеркнуть, что его *а д д и т и в н о с т ь* заключается в полной структурной аналогии сотнесенных единиц. *Н е а д д и т и в н о с т ь* же обусловливается структурной неполнотой одной из частей образования, при которой в последующей части наблюдается импликация тех или иных элементов. Неаддитивный характер выводит именно организованность целого на первый план и при этом не сводит целое к простой сумме его составляющих, хотя и не уменьшает значимости последних [6, с. 8]. Неаддитивность синтаксического параллелизма означает не то, что его части лишены своеобразия, а, наоборот, предполагает их специфику, обеспечивающую создание целостного образования особого рода: *In einer Hand hielt sie den Löffel, in der anderen – das Telefon.*

Для текстового воплощения существенно то, что целое больше суммы частей, т.е. каждая часть целого наделена своими индивидуальными, единичными признаками и делает акцент на определенной стороне содержания целого. У каждой части целого имеется свой объем, и, наконец, каждая часть подчеркивает отдельное свойство целого.

Параллелизм является конструктивным принципом синтаксических конструкций и реализует их полное или частичное тождество [4, л. 13]. А основу его организации образует принцип симметрии, он же является и стилистическим фактором, вызывая эмоционализацию высказывания или соответствующего участка текста. С этих позиций явление подлежит углубленному исследованию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Десницкий, А.С.* Характер и функции параллелизма в библейских текстах : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03 / А.С. Десницкий ; Ин-т востоковедения РАН. – М., 2010. – 30 с.
2. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык : в 2 т. / под общ. ред. А.Н. Тихонова, Р.И. Хашимова. – М. : Флинта ; Наука, 2008. – Т. 2. – 816 с.
3. *Склярёнок, Р.В.* Лингвостилистические особенности синтаксического параллелизма : На материале англо-американской художественной прозы XX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Р.В. Склярёнок ; Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Мориса Тореза. – М., 1987. – 22 с.
4. *Кузнецова, А.А.* Стилистические фигуры, построенные по принципу синтаксического параллелизма, в современном русском литературном языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А.А. Кузнецова. – Кемерово, 2003. – 257 л.
5. *Кострова, О.А.* Экспрессивный синтаксис современного немецкого языка : учеб. пособие для вузов / О.А. Кострова. – М. : Флинта : МПСИ, 2004. – 240 с.
6. *Мамедов, Н.Ш.* Лексико-синтаксический параллелизм между частями сложного предложения : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н.Ш. Мамедов ; Азербайдж. пед. ин-т рус. яз. и лит. им. М.Ф. Ахундова. – Баку, 1994. – 21 с.
7. *Матвеева, Т.В.* Полный словарь лингвистических терминов / Т.В. Матвеева. – Ростов н/Д : Феникс, 210. – 562 с.

The article deals with *syntactic parallelism* as a semantic and structural integrity. Syntactic parallelism is the constructive principle of syntactic structures. Analysis of *syntactic parallelism* as a certain type of symmetric formation helps extend our idea of its structural and semantic, and stylistic features.

Поступила в редакцию 23.05.11

В.В. Яскевич

ФОНЕТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА АНГЛИЙСКОЙ РЕЧИ, ОБРАЩЕННОЙ К НЕНОСИТЕЛЯМ ЯЗЫКА

В статье рассматриваются комплексные модификации *фонетической структуры* речи, обусловленные обращенностью высказывания к носителю языка. Проведенный эксперимент позволил выявить ряд взаимосвязанных просодических особенностей, отличающих данный вид речи от речи, обращенной к носителям английского языка. Наиболее яркой особенностью можно считать существенное *замедление темпа* речи, которое, в свою очередь, приводит к более дробному просодическому членению,

изменению ритмической структуры интонационной группы и увеличению частотности нисходяще-восходящего тона, а также к изменению его конфигурации. З а м е д - л е н и е т е м п а также сопровождается большей степенью просодического контрастирования ударных и безударных слогов.

Как известно, фонетические средства языка служат не только для образования звуковых оболочек морфем и слов и определения коммуникативно-прагматической и модально-экспрессивной структуры отдельных фраз. Они также участвуют в стилистической дифференциации устных текстов, обусловленной рядом экстралингвистических факторов.

Основы изучения стилистической дифференциации речи были заложены еще в XVII в. М.В. Ломоносовым, который выделял три произносительных стиля русского языка: высокий, простой и средний [1]. В середине XX в. Л.В. Щерба выделял так называемый полный и неполный стиль произношения, обращая внимание исследователей на вероятность элизии (выпадения) сегментов и даже слогов, входящих в состав слова в беглой разговорной речи [2], что получило развитие в работах его последователей [3; 4; 5].

В целом в 70-х, 80-х годах прошлого века наблюдался рост интереса к фоностилистике. Рассматривался вопрос о выделении фонетических, или речевых, стилей и ситуаций общения, обуславливающих существование этих стилей [6: 7: 8]. Обобщение результатов исследований в данной области на материале английского языка указывает на наличие двух основных стилистических разновидностей устной речи – официальной и непринужденной. Подробно изучены особенности их фонетической формы [9; 10; 11].

Наряду с общепризнанными фонетическими стилями в поле зрения лингвистов оказываются разновидности устной речи, которые не имеют непосредственного отношения к официальной или неофициальной ситуациям общения. Среди них можно упомянуть такие разновидности, как речь, обращенная к детям или речь, обращенная к слабослышащим [12; 13; 14].

Объектом настоящего исследования явилась *речь, обращенная к неносителям языка*. Изучение а н г л и й с к о й р е ч и , о б р а щ е н н о й к н е н о с и т е л я м я з ы к а , представляется актуальным, поскольку оно позволит пополнить теоретическую базу данных о фонетическом варьировании английской речи. Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его результатов в профессиональной деятельности выпускников языковых вузов, занимающихся преподаванием английского языка как иностранного.

В просодической структуре речи, обращенной к неносителям языка, наиболее очевидным является *замедление темпа* речи. Степень з а м е д - л е н и я т е м п а прямо пропорциональна уровню владения английским языком – чем меньше собеседник владеет английским языком, тем значительней замедляется темп речи носителя языка.

Мы стремились обнаружить комплекс взаимосвязанных просодических модификаций в данном виде речи. На наш взгляд, существенные изменения в

области темпа и паузации тесно связаны с мелодикой и акцентно-ритмической структурой высказывания. Эта взаимосвязь особенно ярко проявляется в речи, обращенной к неносителям языка.

Для достижения поставленной цели нами был проведен фонетический эксперимент. В студию звукозаписи был приглашен диктор – женщина, преподаватель английского языка как иностранного, носитель южно-английского произношения. Ей предложили прочесть текст научно-популярного характера, сначала обращаясь к носителям языка, а затем повторно – к аудитории, владеющей английским языком на элементарном уровне. Полученные данные были размечены в соответствии с принятой системой просодической транскрипции. Анализ тонально-мелодической структуры речи проводился по следующим параметрам:

- 1) частотность различных типов мелодического завершения в интонационных группах в сопоставляемых видах речи;
- 2) наличие/отсутствие шкалы в интонационных группах в сопоставляемых видах речи;
- 3) актуализованная длина шкалы, измеряемая в акцентно-ритмических группах в сопоставляемых видах речи;

Проведенный анализ показал, что в обоих видах речи доминирующим оказывается *нисходящий* тип мелодического завершения (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Частотность различных типов мелодического завершения
в сопоставляемых видах речи, %

Вид речи	\m	\m	\m	/m	>m	∨m	\m/m
Обращенная к носителям	36,3	20	1,3	20	7,5	12,5	2,5
Обращенная к не-носителям	19,6	7,2	7,2	23,7	6,2	26,8	4,1

В то же время в речи, обращенной к неносителям языка резко возрастает (в 2 раза) частотность *нисходяще-восходящего* типа мелодического завершения. Перераспределение типов мелодического завершения связано с тем, что речь, обращенная к неносителям языка, характеризуется более дробным просодическим членением, что связано с необходимостью выделить как можно большее число семантических элементов. Темп речи резко замедляется не только за счет увеличения количества внутрифразовых пауз, но и за счет их значительного удлинения. Замедление темпа речи ведет к модификациям в использовании различных типов ядерных тонов. Увеличение пауз между интонационными группами одновременно увеличивает степень смысловой дезинтеграции соседних синтагм. Говорящий, естественно, стремится сохранить смысловую связность устного текста, поэтому в речи, обращенной к неносителям языка, значительно возрастает частотность *нисходяще-восходящего* тона. Такой тип мелодического движения ока-

зывается оптимальным, поскольку он позволяет одновременно подчеркнуть смысловую важность и относительную завершенность фрагмента высказывания, с одной стороны, и его связь с предшествующим и последующим контекстом, с другой стороны.

Дальнейший анализ показал, что в речи, обращенной к носителям языка, примерно в 1/3 случаев интонационные группы не содержат шкал. В речи, обращенной к неносителям языка, в свою очередь, шкала отсутствует в половине случаев.

В целом наблюдается тенденция к сокращению актуализованной длины шкалы в речи, обращенной к неносителям языка (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Актуализованная длина шкал в интонационных группах
в сопоставляемых видах речи, %

Вид речи	0 акцент. ед.	1 акцент. ед.	2 акцент. ед.	3 акцент. ед.
Обращенная к носителям	29	54	16	1
Обращенная к неносителям	48	41	11	0

На наш взгляд, это также связано с большей дробностью просодического членения в речи, обращенной к неносителям языка. В этом виде речи нередко встречаются интонационные группы, состоящие из одного слова (причем не всегда полнозначного). Например:

*|Left-handers | >grasp | >tasks | quicker | and | have a higher | IQ; || they are
better pilots | and | computer gamers, | can talk easily | while driving | and, |
even, | >grasp | >jokes | sooner. |||*

Слуховые наблюдения свидетельствуют о том, что изучаемые виды речи различаются не только частотностью различных ядерных тонов, но и характером их реализации. Представляется, что терминальная часть интонационных групп в речи, обращенной к неносителям языка, звучит более отчетливо. Акустический анализ с использованием компьютерной программы PRAAT, объектом которого стала реализация нисходяще-восходящего тона в сопоставляемых видах речи, позволил подтвердить перцептивные впечатления. Численные значения позволяют говорить о более четкой конфигурации нисходяще-восходящего тона в речи, обращенной к неносителям языка. Различия прежде всего касаются реализации второго (восходящего) элемента тона, который завершается на более высоком уровне.

Однако замедление темпа в данном виде речи оказывает влияние не только на *тонально-мелодическую* организацию. *Акцентно-ритмическая* структура также претерпевает ряд изменений.

При замедлении темпа, типичном для речи, обращенной к неносителям языка, доминируют интонационные группы, состоящие из 1–2 акцентных

единиц, в то время как в речи, обращенной к носителям языка, наиболее частотны интонационные группы из 2–3 акцентных единиц. Отличительной чертой а к ц е н т н о - р и т м и ч е с к о й структуры речи, обращенной к неносителям языка, можно также считать практически полное отсутствие частичных ударений в предтерминальной части фразы. Все слоги, произнесенные с частичным ударением в обычной речи, произносятся говорящим как полные ударные, если целевой аудиторией становятся не англоговорящие собеседники, что, на наш взгляд, объясняется стремлением выделить максимальное количество семантических элементов. Слова, акцентная структура которых предусматривает наличие двух равных по силе ударений, как правило, не теряют одно из них в данном виде речи независимо от положения слова во фразе. Например:

Left-handed people | were viewed | with suspicion.

Japanese men | could divorce | their wives | for being left-handed.

В словах с второстепенным ударением в препозиции к главному второстепенное ударение чаще всего переходит в полное фразовое ударение в данном виде речи. Например:

International left-handers day.

Это способствует дополнительному выделению слова, но не всегда служит его лучшему восприятию, поскольку для реципиента, в родном языке которого второстепенное ударение практически отсутствует, такой вариант произнесения может привести к ошибочной идентификации слова как последовательности из двух слов.

Слова с главным ударением в препозиции к второстепенному при актуализации в данном виде речи сохраняют свою акцентную структуру и в подавляющем большинстве случаев произносятся в контексте фразы с ядерным ударением, за которым следует частичное. Например:

They are better pilots | and computer gamers.

Несмотря на стремление диктора выделить полным ударением каждое полнозначное слово, он избегает полной выделенности второго элемента сложных имен существительных, поскольку такой вариант расстановки фразовых ударений нарушает акцентную структуру слова, потенциально превращая его в свободное словосочетание.

Однако особенности акцентно-ритмической структуры исследуемого вида речи заключаются не только в актуализованной *длине* интонационных групп, но и самом *характере реализации* акцентных единиц.

Акцентная выделенность представляет собой комплексное явление, состоящее в одновременном изменении длительности, интенсивности и тонально-мелодических характеристик ударных слогов по отношению к безударным. В связи с этим полный анализ а к ц е н т н о - р и т м и ч е с к о й структуры речи, обращенной к неносителям языка предусматривал изучение различных типов слогов по всем трем параметрам.

Для соблюдения строгости эксперимента в выборку вошли только акцентно-ритмические группы, содержащие как энклитики, так и проклитики в обоих видах речи. Ядерные и неядерные акцентные группы изучались отдельно. Полученные данные о длительностях различных типов слогов были статистически обработаны и внесены в табл. 3.

Т а б л и ц а 3

Среднестатистическая длительность различных слогов в речи,
обращенной к носителям и неносителям языка, мс

Речь, обращенная к носителям языка						Речь, обращенная к неносителям языка					
Неядерные а.е.			Ядерные а.е.			Неядерные а.е.			Ядерные а.е.		
Прокл.	Уд.	Энкл.	Прокл.	Уд.	Энкл.	Прокл.	Уд.	Энкл.	Прокл.	Уд.	Энкл.
143	215	182	125	220	297	157	227	221	149	288	358

Как видно из представленной таблицы, общая тенденция состоит в увеличении длительности всех типов слогов в речи, обращенной к неносителям языка. При этом увеличение длительности ударных слогов более значительно, чем увеличение длительности безударных слогов. Таким образом, по параметру длительности ударные слоги в изучаемом виде устной речи оказываются еще более выделенными по сравнению с безударными.

Данные акустического анализа изучаемого вида речи указывают на повышение частоты основного тона на проклитиках в среднем на 10 Гц и на полноударных слогах, произнесенных с высоким статическим тоном, в среднем на 20 Гц. Это свидетельствует о большей степени выделенности ударных слогов в предъядерной части интонационной группы. Анализ усредненных показателей частоты основного тона в ядерной части высказываний выявил расширение интервалов всех кинетических тонов в среднем на 20 Гц. Таким образом, ядерные и неядерные ударные слоги в речи, обращенной к неносителям языка, также характеризуются большей выделенностью по высотно-уровневым характеристикам.

Акустический анализ данных интенсивности различных типов слогов позволил подтвердить воспринимаемое на слух увеличение громкости в речи, обращенной к неносителям языка. Гласные в ядерных слогах были произнесены диктором в среднем на 14 % громче, а гласные в предъядерных ударных слогах – на 10 %. Интенсивность проклитиков увеличивается на 9 %, а интенсивность энклитиков – на 4 %. Следовательно, степень контрастирования ударных и безударных слогов по параметру интенсивности в данном виде речи более значительна.

Т а б л и ц а 4

Среднестатистическая интенсивность различных слогов в речи,
обращенной к носителям и неносителям языка, н.е.

Речь, обращенная к носителям языка						Речь, обращенная к неносителям языка					
Неядерные а.е.			Ядерные а.е.			Неядерные а.е.			Ядерные а.е.		
Прокл.	Уд.	Энкл.	Прокл.	Уд.	Энкл.	Прокл.	Уд.	Энкл.	Прокл.	Уд.	Энкл.
0,55	0,73	0,73	0,56	0,61	0,44	0,61	0,81	0,76	0,61	0,7	0,46

Таким образом, речь, обращенная к неносителям языка, обнаруживает целый ряд взаимосвязанных просодических модификаций. Замедление темпа

одновременно приводит к изменению ритмической структуры интонационной группы и увеличению частотности нисходяще-восходящего тона, а также к изменению его конфигурации. Помимо этого, замедление темпа сопровождается увеличением просодической выделенности ударных слогов по отношению к безударным.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ломоносов, М.В.* Предисловие о пользе книг церковных в российском языке / М.В. Ломоносов // О воспитании и образовании. – М., 1991. – С. 73–75.
2. *Щерба, Л.В.* Избранные работы по языкознанию и фонетике / Л.В. Щерба ; отв. ред. М.И. Матусевич. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. – Т. 1.
3. *Зиндер, Л.Р.* Реальный поток речи и «реконструкция» фонемного состава слова / Л.Р. Зиндер // Теория языка. Методы его исследования и преподавания / Отд-ние лит. и языка АН СССР ; редкол. : Р.И. Аванесов [и др.]. – Л., 1981. – С. 102–106.
4. Речь, артикуляция и восприятие / Ин-т языкознания АН СССР ; под общ. ред. В.А. Кожевникова, Л.А. Чистович. – Л. : Наука, 1965. – 238 с.
5. *Сиротинина, О.Б.* Неполный стиль произношения в современной русской речи / О.Б. Сиротинина // Аванесовский сборник: К 100-летию со дня рождения чл.-кор. Р.И. Аванесова / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН ; под ред. Н.Н. Пшеничной. – М., 2003. – С. 329–333.
6. *Барышникова, К.К.* О фоностилистическом аспекте типов устных высказываний / К.К. Барышникова // Исследование языка и речи. Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. : науч. тр. / Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Тореза ; под ред. В.А. Васильева. – М., 1971. – Т. 60. – С. 239–245.
7. *Ганиев, Ж.В.* Социофонетика и фоностилика (к методике эксперимента) / Ж.В. Ганиев // Социально-лингв. исследования : сб. науч. ст. / Ин-т рус. яз. АН СССР ; под ред. Л.П. Крысиной, Д.Н. Шмелева. – М., 1976. – С. 52–61.
8. *Белявский, В.М.* Стиль, темп и сегментные характеристики речи / В.М. Белявский, Н.И. Гейлман, Л.П. Щербакова // Экспериментально-фонет. анализ речи. Проблемы и методы : межвуз. сб. / Ленингр. гос. ун-т им. А.А. Жданова ; под ред. Л.В. Бондарко. – Л., 1984. – Вып. 1. – С. 39–50.
9. *Карневская, Е.Б.* Практическая фонетика английского языка на продвинутом этапе обучения : учебник / Е.Б. Карневская, Е.А. Мисуно, Л.Д. Раковская ; под общ. ред. Е.Б. Карневской. – 2-е изд. – Минск : Аверсэв, 2005. – 400 с.
10. *Микулич, А.В.* Просодические характеристики английской официально-деловой и непринужденной диалогической речи в условиях интерференции : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А.В. Микулич. – Минск, 1988. – 211 л.

11. *Путрова, М.Д.* Просодическая дифференциация непринужденного и официально-делового стилей английской диалогической речи : На материале повествовательных диалогических единств): дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / М.Д. Путрова. – Минск, 1981. – 217 л.
12. *Димитрова, С.П.* Речевое общение с детьми: коммуникация в условиях “неравнопоставленности” / С.П. Димитрова // Речевое общение в условиях языковой неоднородности : сб. науч. тр. / Ин-т языкознания РАН ; отв. ред. Л.П. Крысин. – М., 2000. – С. 76–91.
13. *Курочкина, З.Д.* Просодия высказываний, обращенных к детям (экспериментально-фонетическое исследование на материале английского языка) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / З.Д. Курочкина. – Минск, 1989. – 191 л.
14. *Wingfield, A.* Effects of Age and Hearing Sensitivity on the Use of Prosodic Information in Spoken Word Recognition / A. Wingfield, K.C. Lindfield, H. Goodglass // J. of Speech, Language & Hearing Research. – 2000. – Vol. 43. – Iss. 4. – P. 915–925.

The aim of the given article was to determine the phonetic features of foreigner directed English speech. The conducted experiment allowed us to reveal a whole complex of interrelated prosodic modifications. Considerably *slower tempo* typical of this speech variety causes changes in the tonal and accentual subsystems. There is an increase in the usage of the falling-rising nuclear tones and a greater contrast between stressed and unstressed syllables.

Поступила в редакцию 06.06.11

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

І.А. Бурдзялёва

РЭПРЭЗЕНТАЦЫЯ ГІСТАРЫЧНАЙ ПАМЯЦІ
ВА “УСПАМІНАХ” ЕВЫ ФЯЛІНСКАЙ

У артыкуле разглядаецца адзін з буйнейшых мемуарных твораў беларускай літаратуры XIX стагоддзя, які належыць пяру пісьменніцы і грамадскай дзяячкі Евы Фялінскай. Звяртаецца ўвага на ідэйна-тэматычную адметнасць твора, абумоўленую свядомым жаданнем аўтаркі стварыць вобраз свайго часу, даць панараму глыбінных перамен у духоўным і матэрыяльным жыцці Літвы-Беларусі на пераломе XVIII–XIX стагоддзяў, калі ў выніку змены культурна-гістарычнай парадыгмы краіна развівалася з традыцыйным ладам і ўваходзіла ў агульнаеўрапейскае рэчышча. Пісьменніца аналізуе страты і набыткі грамадства на гэтым шляху. Аўтарка засяроджваецца на матэрыяле, які афіцыйная гісторыя звычайна абмінае – гэта сямейна-бытавое жыццё правінцыйнай беларускай шляхты, сяброўскія і суседскія стасункі, паказвае змяненні ў гэтых найбольш кансерватыўных і традыцыйналісцкіх сферах. Адзначаецца шматпланавая прысутнасць пісьменніцы ў тэксце і як гераіні апавядання, і як нараатаркі, схільнай да абагульненняў, філасофскіх разважанняў, імкнення звязаць з’явы розных часоў прычынна-выніковымі сувязямі.

У сувязі з агульнай гуманізацыяй навукі, папулярнасцю тэорыі *паўсядзённасці*, імкненнем даследаваць выяўлены ў слове пачуццёва-разумовы свет прыватнага чалавека, усё большую ўвагу літаратуразнаўства прыцягваюць так званыя *эгадакументы*, да якіх звычайна адносяць дзённікі, запіскі, успаміны, мемуары. “Успаміны з жыцця” (“*Pamiętniki z życia*”) польскамоўнай пісьменніцы Беларусі Евы Фялінскай (1793–1859) даюць багаты матэрыял для вывучэння індывідуальнага асэнсавання і інтэрпрэтацыі гісторыі.

Жыццёвы шлях Евы Фялінскай выразна адрозніваўся ад традыцыйнага жаночага лёсу. Ёй давялося зведаць ранняе сіроцтва і нястачу. Потым на дапамогу збяднелай сям’і прыйшоў сваяк Станіслаў Вяндорф, які ўзяў дзяўчынку на выхаванне ў свой заможны маёнтak на Случчыне. Поўнымі нялёгкіх клопатаў былі для Евы і гады замужжа з Герардам Фялінскім, праведзеныя ў яго радавым фальварку Ваютын на Валыні. Ужо ў сталым веку, аўдавеўшы, яна перабіраецца ў Крамянец, там далучаецца да падпольнай патрыятычнай арганізацыі Шымана Канарскага і стварае яе філіял “Жаночае таварыства”. За гэтым услед – арышт у 1839 годзе, ссылка спачатку ў невялікі сібірскі горад Бярозаў, потым у Саратаў. Толькі ў 1844 годзе Фялінскай дазволілі вярнуцца на радзіму. Яна стала жыла на Валыні, вяла гаспадарку, вырашала сямейныя справы і менавіта тады сур’ёзна занялася літаратурнай творчасцю. Ева Фялінская выклікала ў сучаснікаў нязменную павагу сілай духу, жыццёвай трываласцю, загартаваным характарам і высокай грамадзянскай свядомасцю. Яна мела выключную назіральнасць,

здольнасць да абагульненняў, а творчыя задаткі вымагалі мастацкага асэнсавання і адлюстравання пабачанага і перажытага. Свой шлях у літаратуры Фялінская пачала дастаткова позна, маючы за плячыма амаль 50 год. Пасля публікацыі раманаў “Герсылія” (1849), “Пан дэпутат” (1852), “Пляменніца і цётка” (1853), у якіх яна рэтраспектыўна паказала жыццё беларускай правінцыі на мяжы стагоддзяў, пісьменніца звярнулася да мемуараў. Багатыя ўражанні ад побыту ў ссылцы яна пераказала ва “Успамінах, напісаных падчас падарожжа ў Сібір і жыцця ў Бярозаве і Саратаве”. Маштабны мемуарны твор “Успаміны з жыцця” стаўся годным завяршэннем яе творчага шляху. У 5 тамах пісьменніца аднаўляе свае успаміны ад ранняга дзяцінства да 1821 года. Працу над гэтым выданнем перарвала смерць аўтаркі 20 снежня 1859 года.

Каштоўнасць “Успамінаў” Евы Фялінскай шмат у чым тлумачыцца унікальнай эпохай, якая знайшла сваё ўвасабленне ў творы. Гэта час глыбінных перамен ва ўсіх сферах жыцця Літвы-Беларусі на пераломе XVIII – пачатку XIX стагоддзяў, калі ў выніку змены культурна-гістарычнай парадыгмы краіна развіталася з традыцыйным ладам і ўваходзіла ў агульнаеўрапейскае рэчышча. Вобразна і дакладна ўваскрасаючы характэрныя абразкі дынамічнай эпохі, аўтарка аналізуе страты і набыткі ў працэсе пераходу ад старасвецкіх і нацыянальна-каларытных да касмапалітычных і па-еўрапейску уніфікаваных форм жыцця. Яе маладосць была сведкам такіх значных перамен у свядомасці, звычаях, побыце, грамадскіх і міжчалавечых стасунках, што, па словах пісьменніцы, стваралася ўражанне, *як быццам мы бачылі дзве розныя цывілізацыі, якія выраслі з рознага караня, або былі падзеленыя мноствам стагоддзяў і сфарміраваны цалкам адрознымі акалічнасцямі* [1, с. 7].

Адметнасць “Успамінам” надае гендэрны аспект, які абумовіў увагу да матэрыялу, на якім звычайна не засяроджваюцца мужчыны-мемуарысты. У адрозненне ад іх, Фялінская свабодна звяртаецца да адлюстравання сямейна-бытавога жыцця, стасункаў сяброўскіх ці суседскіх, паказвае змены ў гэтых, бадай, самых кансерватыўных і традыцыяналісцкіх сферах. Апрача таго, пісьменніца прыгадвае часы свайго дзяцінства і юнацтва, праведзеныя ў глыбокай беларускай правінцыі, у дзядзькавым фальварку Галынка на Случчыне і ў маёнтку Баратычы на Барысаўшчыне, куды гістарычныя падзеі даходзілі толькі далёкім рэхам. Такім чынам яе мемуары высвечваюць мінулае з такога боку, які найчасцей не ўваходзіць у склад афіцыйнай гісторыі; асвятляюць найперш з’явы прыватныя, партыкулярныя, якія ніяк не падпадаюць да катэгорыі гістарычна вызначальных. Няспешлівы тон апавядання, трапнасць адабраных з рэчаіснасці фактаў і дэталёвасць іх апісання нараджаюць у чытача давер і адчуванне далучанасці да даўно мінулага жыцця, перадаюць непаўторны водар эпохі. Ю.І. Крашэўскі, высока ацаніўшы твор аўтаркі, пісаў: “Гэта выдатны вобраз часоў малавядомых... свежы і экстрапраўдзівы” [2, с. 250].

Фялінская як асоба актыўная, з акрэсленай жыццёвай пазіцыяй, ва “Успамінах” выразна дэкларуе сваю грамадзянскую місію. Асноўнае сваё прызначэнне яна бачыць не столькі ў аднаўленні фактаў свайго жыцця, этапаў фарміравання ўласнай асобы, колькі ў стварэнні праўдзівлага вобраза пераменлівага часу. На пачатку твора яна падкрэслівае: *Пражыўшы 60 гадоў, далучыўшыся да розных грамадскіх слаёў, жывучы ў эпоху дзіўных і няпростых перамен не толькі ў нашым краі, але і ў іншых землях, я на свае вочы бачыла, як наша грамадства, падлеглае моцным знешнім і ўнутраным уплывам, раптоўна пераўтварылася, адкідаючы даўняе аблічча і набываючы новае. Можна я здолею затрымаць сваімі ўспамінамі некалькі малюнкаў, якія цалкам зніклі з нашай зямлі, але аднак з’яўляюцца тым звязном, што лучыць мінулае з цяперашнасцю, тлумачаць прычыну пераменаў, якія мы бачым сёння, не разумеючы дакладна прычын, якія іх нарадзілі* [1, с. 6–7]. На яе думку, людзі, відавочцы такіх імклівых змен, нясуць выключную адказнасць перад нашчадкамі, бо яны, як злучальнае звяно, павінны сваімі ўспамінамі звязаць розначасовыя з’явы пераўтварэння грамадства, каб наступныя пакаленні не адракліся ад мінуўшчыны з настолькі інакшым абліччам і не глядзелі на яе з абыякавасцю, як на чужаземку, з якой не мелі і не маюць нічога супольнага [1, с. 8].

Фялінская называе сваю маладосць часам разбурэння і дэзарганізацыі. Прычыну ўсеагульнага заняпаду яна бачыць у безаглядным наследаванні заходнееўрапейскім узорам, найперш *зматэрыялізаванай Францыі*. Дэструкцыя пачалася са змены маральна-этычных арыенціраў, разбурэння старой сістэмы каштоўнасцей, адмаўлення ад нацыянальнай самавітасці. Новыя павевы, запазычаныя традыцыі прынеслі краіне *спусташэнне большае, чым татары, бо татары, разрабаваўшы, не знішчалі маральных нормаў. За ім ніхто не збіраўся ісці* [1, с. 419].

Памяць Фялінскай зафіксавала апошнія праявы патрыярхальнага жыцця. Даўжэй за астатніх старых звычаяў трымаўся сярэдні слой шляхты, да якога належала сям’я дзядзькі Станіслава Вяндорфа. У яго доме Фялінская выхоўвалася з 7 год да самага замужжа. Дзядзька свядома не пераймаў чужаземных павеваў і сваю гаспадарку ў Галынцы і прылеглых вёсках вёў па-ранейшаму. Здавалася, ён не праяўляў асаблівай актыўнасці, большую частку дня моўчкі седзячы ў гасцінным пакоі, але ўся гаспадарчая махіна, раз і назаўсёды запушчаная на пэўны лад, трымалася дысцыплінай, пачцівасцю і працавала бесперабойна. Фялінская і дагэтуль дзівіцца дабрабытам Галынікі. Фальварак функцыянаваў як натуральная самадастатковая гаспадарка, у якой нічога не прадавалася. Цукар, канфіцюры, каву і віно, купленыя за жывыя грошы, падавалі толькі ў рэдкіх выпадках асаблівым гасцям. Але ўсё, што мелі самі, ужывалі ў вялікім мностве – хапала і гаспадарам, і збыднелым сваякам, і шматлікім рэзідэнтам, а рэшту, каб не псавалася, раздавалі па вёсках. Кожную нядзелю пасля імшы ў касцёле цётка запрашала на абед усю навакольную шляхту, не зважаючы, ці гэта заможны сусед, ці шляхціц на загродзе. У Галынцы накрывалі багаты стол, які ламіўся пад неверагод-

най колькасцю ежы, згатаванай выключна з прадуктаў свайго фальварка. Не было адмысловых прысмакаў, выкшталцонных далікатэсаў, гаспадары не хваліліся багатай сервіроўкай, але затое панавалі гасціннасць, сардэчнасць, жаданне падзяліцца дарамі Божымі з усімі. *Дробная шляхта благаслаўляла гасціннасць дому. Нават калі пасля абеду разыходзіліся па групках, гаспадыня пасылала то мёду, то піва, каб не бавіліся насуха і бачылі, што пра іх дбаюць* [1, с. 225]. Такія нядзельныя абеды, якія гуртавалі ўсю навакольную шляхту, Фялінская апісвае яркімі сакавітымі фарбамі, не адмаўляючы сабе ў задавальненні спыняцца на найбольш каларытных шляхецкіх постацях.

Формы бытавога жыцця мяняліся літаральна на вачах. Успамінаючы святочныя застоллі ў дзядзькавай сям'і, Фялінская параўноўвае іх з велікодным сталом, які ладзіла праз дзесятак гадоў адна з дачок Вяндорфа. Жыццё набыло за гэты час больш далікатныя і мяккія рысы. Калі раней клапаціліся пра колькасць і разнастайнасць ежы, сярод якіх, праўда, не было экзатычных далікатэсаў кшталту страсбургскага паштэту, то цяпер акцэнт змяніўся: стол быў густоўна ўбраны, елі з замежнай парцэляны, ды і самі стравы сталі больш адмысловымі, але тым не менш не было ўражання ранейшага дабрабыту і шчодрасці. Больш увагі пачалі надаваць форме, заняўшы пры гэтым змест застолля: не адчувалася ўжо ранейшай шчырай гасціннасці, знікла былая шляхецкая супольнасць. Час змяніўся, традыцыі распаліся, і кожны ўжо быў сам па сабе.

Пісьменніца параўноўвае гаспадарку Галынкi з бяздоннай бочкай, у якой ніхто не бачыў пустога дна. Куды ж падзелася былое багацце і дабрабыт потым? *Здавалася, што раней ламалі галаву як бы найбольш спажыць дароў божых. Як іх найбольш зааішчадзіць стала клопатам пазнейшых гаспадароў, – піша аўтарка* [1, с. 236]. Як пераканаўча даводзіць Фялінская, эканамічныя праблемы ўзніклі ў выніку сляпога пераймання чужой цывілізацыі, у тым, што гаспадарку пачалі весці без уліку асаблівасцей мясцовасці і клімату, назапашанага ўласнага вопыту. Але ж *гісторыя стварыла для французаў свае формы жыцця, для нас свае. А мы іх бяздумна адкінулі* [1, с. 416].

Фялінская прысутнічае ў творы і як гераіня апавядання, арганічна ўпісаная ў стракатую канву падзей і разнастайных здарэнняў, і як наратарка, якая з вышыні свайго жыццёвага вопыту аналізуе, абагульняе шматлікія праявы грамадскага, эканамічнага, культурнага, сямейна-бытавога жыцця, акрэслівае вядучыя тэндэнцыі, вызначае прычынна-выніковыя сувязі паміж былым і пазнейшым часам. Так, напрыклад, свае ілюстрацыі з жыцця шляхецкіх фальваркаў яна падмацоўвае падрабязнымі разважаннямі пра перавагі натуральнай гаспадаркі. Аўтарка разумее, што зараз гаворка пра падобную патрыярхальшчыну расмяшыла б любога эканаміста, але для яе патрыярхальнае амаль тоеснае нацыянальнаму і патрыятычнаму, і таму нават ў такой старажытнай форме гаспадарання знаходзіць свае плюсы. На яе думку, нацэленасць на ўжыванне, у асноўным сваёй прадукцыі прыводзіла да ўдасканалення і развіцця мясцовага рольніцтва і прамысловасці. Жывучы вык-

лючна са сваёй гаспадаркі, пан увесь набытак і багацце ўкладаў у яе развіццё. У іншых еўрапейскіх краінах працэс спажывання па-ранейшаму меў патрыятычны характар, бо заможныя людзі куплялі айчыныя вырабы і тым самым падтрымлівалі сваіх вытворцаў. У нашым краі з пранікненнем заходніх стэрэатыпаў усё пайшло наадварот: нацыянальныя інтарэсы былі адкінуты, магнаты свае дамы пачалі пераносіць за мяжу, цягнучы з вёскі апошнія сокі. Шляхта атрымлівала даходы пераважна з працы сялян, але грошы марнавала на тое, што не мела да вёскі ніякага дачынення. Прайшло няшмат часу, і нават небагаты шляхціц лічыў неабходнымі ва ўласным доме гарбату, самавар і іншыя патрэбныя для самапрэзентацыі прывазныя рэчы. *І ў выніку хоць зараз і сею больш і больш прадаём, а тым не менш у шляхецкіх дварах паўсюль разлік і можна сказаць беднасць, а няшчасны селянін не мае сіл на ўласную гаспадарку і галее сам* [1, с. 416].

Дзякуючы спалучэнню такіх жанрава-родавых рыс як рэтраспектыўнасць і памяць, э г а д а к у м е н т ы дапамагаюць выявіць канкрэтныя формы быцця і спосабы мыслення розных сацыяльных груп грамадства. Фялінская падае пластычныя малюнкi бытавога жыцця беларускай правінцыі, стварае галерэю разнастайных шляхецкіх тыпаў ад “кунтушовай” шляхты да моладзі, якая кіравалася заходнееўрапейскімі ўзорамі. Падкрэсліваючы зменлівы характар свайго часу, яна піша, што нават у абліччы і ў фізіяноміі паміж дзядамі і ўнукамі выявілася такая вялікая розніца, *як быццам чужое племя прыйшло на нашу зямлю і тут засялілася*. Зніклі маляўнічыя постаці, мужныя і моцныя, нібы народжаныя да слускага пояса, жупана і шаблі. *Сёння толькі на партрэтах можна ўбачыць ранейшыя твары, але памяць мая досыць затрымала іх з натуры. Аднак, трэба прызнацца, што ўжо ў часе маёй маладосці рэформа ішла шпаркім крокам. Усё працавала на пераўтварэнне. Нават многія сталыя і нават старыя людзі адышлі ад даўняй прастаты і звычаяў, і, скінуўшы кунтуш, беглі следам за іншымі, бо гэты шлях здаваўся ім больш лёгкай і прыемным* [3, с. 257]. Глыбінныя змены ў грамадстве пацягнулі за сабой і перамены ў людскім абліччы: *цяперашнія мужчыны ўжо не набудуць мужнасці і гарту, седзячы ў мяккім фатэлі на спружынах, ужываючы прысмакі і марачы пра пахудзенне. Сёння знікла патрэба ў мужнасці, з’явілася спакойнасць і стабільнасць. Асноўнымі сталі добры побыт, выгода і зручнасць* [3, с. 258].

Жаночыя мемуары ў сілу сваёй інтравертнасці, як правіла, пазбягаюць закранаць тэмы высокай палітыкі, але затое звяртаюцца да праблем быццям і маргінальных, але тым не менш жыццёва важных і агульнаразумелых. Фялінская гаворыць пра перамены, якія адбыліся ў жаночай модзе, і гэты аспект бытавога жыцця не менш доказна, чым гаворка пра гаспадарча-эканамічныя ці палітычныя працэсы, ілюструе прынцыпова новыя змены часу. Раней золата і каштоўнасці, заўважае пісьменніца, былі сведчаннем багацця дому і служылі для рэпрэзентацыі сваіх гаспадароў, таму старадаўнія сукні шыліся з дарагой тканіны, аздабляліся ўпрыгожаннямі і каштавалі

вялікія грошы. Такіх сукняў нават у заможнай гаспадыні было няшмат, яны захоўваліся і перадаваліся ў спадчыну як сапраўдная каштоўнасць. Калі нарэшце такая сукенка даравалася якой-небудзь выхаванцы або беднай сваячцы, то гэта лічылася дабрачыннасцю. Цяпер на змену дарагім тканінам прыйшлі лёгкія і танныя мусліны і паркаль. Мода, тон якой задавала Францыя, стала больш сціплай і дэмакратычнай, і багатыя аздобы аказаліся цалкам непатрэбнымі. Затое модныя тэндэнцыі ўвесь час мяняліся, і на розныя імпрэзы трэба было штораз прыходзіць у новым убранні. Гэта вонкавая прастата стварыла вялікую шкоду, бо падштурхнула шляхту намагацца быць падобнымі да магнатаў. Калі раней паміж імі была адназначная маёмасная мяжа, то цяпер з'явілася ілюзія дасягнуць хаця б знешняга падабенства да вышэйшых класаў. Такая бачнасць роўнасці нарадзіла бясконцую пагоню за модай, якая разарыла не адзін шляхецкі маёнтак. *Усё змяшалася ў грамадстве, усё парушылася як Бог стварыў, першапачаткова прызначыўшы кожнай частцы цэлага сваю ролю. Роўнасць нарадзіла канкурэнцыю, і цяпер кожнаму здавалася, што ён можа прарвацца наверх, мусіраваліся такія чалавечыя якасці, якія не былі ўласцівымі нацыянальнаму характару: сквапнасць, зайздрасць, няўдзячнасць... Калісьці рыцарская шляхта мела цяпер аднаго бога – грошы* [4, с. 141].

Вялікую долю віны ў разбурэнні краіны Фялінская ўскладае на магнатэрыю, якая забылася на сваё прызначэнне гуртаваць вакол сябе шляхту, быць яе апекуном і правадыром. Пісьменніца дазваляе зазірнуць у двор клецкіх Радзівілаў і робіць гэта пасрэдніцтвам дзядзькі, які да позняй старасці захоўваў абавязак добраахвотнага клопату пра інтарэсы княскага дому. Кожную нядзелю, урачыста апрануты, ён наведваў іх рэзідэнцыю ў Радзівілімонтах. Калісьці магнацкія асяродкі трымалі ў цэльнасці ўсю шляхецкую супольнасць, у іх выпяваў грамадскі дух, фармаваліся думкі і погляды. Пазней, як адзначае Фялінская, калі часы змяніліся і Радзівілы ўжо не значылі так многа ў грамадска-палітычным жыцці, усё роўна застаўся такі звычай, які скончыўся смерцю адных і заступленнем на іх месца малодшых пакаленняў. Але гэта ўжо была хутчэй даніна традыцыі, *хаджэнне па звычайнай сцежцы*. Шляхта, якая па нядзелях з'язджалася да Радзівілаў, сустракалася нібы на цвінтары, каб разам замовіць пацеры па памерлых, бо ўсе адчувалі, што гэта апошнія водбліскі дагараючага вогнішча, у які ніхто не мае ахвоты падкінуць паліва [4, с. 231]. Жыццё магнацкіх двароў аўтарка параўноўвае з заведзенай спружынай гадзінніка. Пакуль яна заведзена, механізм рухаецца, і жыццёвы працэс ідзе. Спружына развілася – і рух спыніўся. Рэлікты старасвеччыны сапраўды быццам паступова пазбаўляліся энергіі. Гэта найлепш відаць на бацьку і сыне клецкіх Радзівілаў. Калі стары ваявода пасля абеду засынаў, то замест сабе пакідаў сына, які таксама драмаў, сядзячы ў крэсле пасярод шматлікіх наведвальнікаў. Санлівыя, дрымотныя, маларухомыя, яны былі сімваламі адыходзячай эпохі, якая ўжо не мела гістарычных перспектыв.

Новае пакаленне магнатаў, якое прэзентуе ў мемуарах Дамінік Радзівіл, выхаваныя на чужой культуры ў духу заходнееўрапейскага індывідуалізму, забыліся на сваё прызначэнне. Да маладога Радзівіла, які толькі што ўступіў у свае нясвіжскія ўладанні, па прывычцы зляцелася шляхта, але ён адмовіўся ад наканаванай традыцыйнай ролі. Ён дбаў толькі пра ўласныя інтарэсы, праводзіў большасць часу ў стайні, прыбранай дарагімі кілімамі і люстэркамі, сярод любімых коней, там жа прымаў наведвальнікаў або ладзіў шумныя паляванні на суслікаў. Гледзячы на яго, шляхта пачала гнацца за выгодамі, клапаціцца пра еўрапейскі полер, патанаючы ў марнатраўстве. Фялінская прыгадвае і іншых магнатаў, якія імітуюць заходніх арыстакратаў; малое разнастайныя тыпажы шляхціцаў, хворых на панкасць, нуварышаў, што ўціскаюцца ў вышэйшыя класы. Канчаткова распаўся ланцуг, які яднаў розныя слаі насельніцтва ў грамадскую супольнасць. *Гэта была найгоршая эпоха, час дэзарганізацыі. Кожны прыклаў руку, каб знішчыць тое, што было зроблена працай духу многіх пакаленняў і аплачана многімі ахвярамі... Нішчыць проста, а вось будаваць нанова – не хапала рамеснікаў. Ад гмаху, узведзенага вякамі, засталіся бясформенныя руіны* [1, с. 258].

Новая цывілізацыя энергічна шырылася на ўсход, адцясняячы рэшткі старога ў глухую правінцыю. З вялікай цеплынёй Фялінская апісвае жыццё на Беразіне, у фальварку Баратычы на Ігуменшчыне, куды пасля замужжа пераехала яе стрыечная сястра. Над Беразіной захавалася болей прастаты, чым у ваколіцах Нясвіжа і Клецка, дзе тон задаваў радзівілаўскі двор. *Ігуменшчына, аддзеленая густымі лясамі ад людных месцаў, не ўдзельнічала ў небяспечным руху, які дзе-нідзе называўся цывілізацыяй. Там засталіся рэшткі нацыянальнага жыцця* [3, с. 233]. Пісьменніца адзначае жыццё без амбіцый і прастату нораваў мясцовых шляхецкіх сем'яў. Яна прыгадвае хатнія традыцыі, сямейныя зборы, балі, вяселлі, імяніны, пераносіны, дзе моладзь бавілася да ўпаду. Суседскія дамы прымалі мноства гасцей і пакідалі іх нанач. Жанчыны спалі ў адным пакоі, мужчыны – покатам на засланай сенам падлозе – у суседнім, і ніхто не скардзіўся на нязручнасць. Салоны не аздабляліся золатам, люстэркамі, дарагой мэбляй, строі рабіліся са сціплых тканін на месцы, але ежы ніколі не бракавала, а аб замежных прысмаках ніхто і не ведаў. Гэта былі апошнія праявы адыходзячага ў нябыт патрыярхальнага свету.

Красамоўным вынікам разбуральнага ўздзеяння чужой цывілізацыі ва “Успамінах” Фялінскай паўстае эксдывізія. Распад маральна-этычнай сістэмы каштоўнасцей, адыход ад шляхецкага традыцыяналізму і прынцыпаў грамадскай супольнасці прывялі да эканамічнага калапсу магнацкіх і шляхецкіх гаспадарак. Магнацкія двары, якія былі апірышчам для навакольнай шляхты, развальваліся і цягнулі за сабой іншых. Шляхта, гонячыся за магнатамі, бяздумна марнавала назапашаную пакаленнямі спадчыну. Заложаная маёнткі аддаваліся пад эксдывізію, якая пераўтварылася ў агульнаграмадскую навалу. *Спачатку эксдывізіі мелі дзіўнае аблічча і выклікалі*

недаўменне; асабліва калі падалі калосы, якія існавалі здаўна і былі зрослымі з лёсам народу, чыя трываласць здавалася непахіснай, як егіпецкія піраміды. Але наволі думка звыклася, маёнткі пачалі падаць адзін за другім, і засталася толькі здзіўленне, калі які яшчэ заставаўся на нагах [3, с. 112]. Даўжнікі, крэдыторы, суддзі – усе патрапілі ў яе жэрла. На прыкладзе жыццёвых сітуацый сваіх знаёмых Фялінская паказвае, як у гэтых варунках самае бруднае ў людзях пачало браць верх: даўжнікі забыліся на сорам, каб прыўлашчыць хоць трохі чужой маёмасці, ліхвяры спаборнічалі ў хцівасці, суддзі – у беспрынцыповасці і прадажніцтве. Мараль пала, знікла пачуццё таварыства і даверу. Вяскоўцы, якія прывыклі глядзець на паноў, як на апекуноў, зараз пабачылі, што яны пераўтварыліся для іх толькі ў лічбу, якая выражае пэўную колькасць грошай пад час эксдывізіі.

Распад магнацкіх уладанняў і шляхецкіх фальваркаў пісьменніца трактуе па-філасофску, успрымаючы гэта як боскую наканаванасць. У магнацкіх маёнтках яна бачыць форму, у якой у найбольш гарманічным выглядзе была ўвасоблена ідэя грамадзянскага адзінства і салідарнасці. Нават раздаючы маёнткі, магнат павялічваў сваю сілу і аўтарытэт. Фялінская параўноўвае гэта з пускам крыві хвораму чалавеку, праз што ён абнаўляецца і здаравее. Па божай волі знікла ідэя грамадскай супольнасці, якая лучыла людзей, і форма яе ранейшага ўвасаблення пачала распадацца, як распадаецца цела чалавека пасля смерці, калі яго пакідае душа. *Адпалыя часткі пачынаюць шукаць форму, у якой яны маглі б існаваць далей ужо ў новых акалічнасцях. Але ж пакуль не знайшлі! Цяпер кожны пачаў ствараць маленькія сферы і быць іх цэнтрам, і не было больш сілы, якая б гэтыя сферы аб'яднала ў адну сістэму... Гэта стан ферментацыі, калі гэтыя часткі так і існуюць, не знайшоўшы новай ідэі. Якая яна будзе – ніхто не ведае* [3, с. 186].

Пісьменніца ўдала ўплятае факты ўласнай біяграфіі ў шматкаляровае і стракатае палатно тагачаснага жыцця, ствараючы калейдаскоп з разнастайных постацей, падзей, сведкай або ўдзельніцай якіх была, пачутых займальных гісторый і аповедаў, што надае твору аб'ёмнасць і стэрэаскапічнасць. Апісальна-успамінальная плынь суседнічае са шматлікімі дыялогамі і ўнутранымі маналогамі-роздумами аўтаркі. Філасофскія абагульненні і дыдактычныя разважанні спалучаюцца ў творы з яркай эмацыянальнасцю і лірызмам. Дыхранічны характар успамінаў абумоўлівае пэўную аберацыю аўтарскай памяці. Хаця Фялінская піша: *цяпер з далечыні часу я лепей разумею значэнне кожнай постаці, святло і цені*, – многія аўтарскія ацэнкі і меркаванні адкарэктраваны магутнай плынню настальгічнага пачуцця. Але яна не самотная ў сваіх элегічных пачуццях. Такім жа сумам па старасвецкіх часах і страчаных традыцыйных каштоўнасцях прасякнуты творы Я. Баршчэўскага, І. Ходзькі, Г. Жавускага, В. Дуніна-Марцінкевіча і іншых творцаў XIX стагоддзя.

Фялінская трапна характарызуе свой час, называючы яго эпохай не толькі дэзарганізацыі, але і ферментацыі, не толькі разбурэння, але і пошуку новых форм. Створаная стагоддзямі старая цывілізацыя імкліва распадалася,

а новыя традыцыі яшчэ не паспелі прыжыцца і набыць акрэсленай формы, таму малюнкi энтрапіі і дэструкцыі ў творы Фялінскай пераважаюць, таму пісьменніца ўспрымае чужаземныя з'явы адназначна негатыўна. Апрача таго, патрыятычныя погляды аўтаркі безумоўна спрыялі ідэалізаваўнаму ўспрыняццю ўсяго старасвецкага, бо яно было для яе сінонімам нацыянальнага. Твор Е. Фялінскай дазваляе па-сапраўднаму жыва ўявіць інтрыгу гісторыі, адчуць поліфанічную плынь жыцця.

ЛІТАРАТУРА

1. *Felińska, E.* Pamiętniki z życia : w 3 t. / E. Felińska. – Wilno, 1856. – Ser. 1. – T. 1. – 467 s.
2. *Materiały do dziejów literatury i oświaty na Litwie i Rusi* : w 3 t. – Wilno, 1937. – T. 3. – 324 s.
3. *Felińska, E.* Pamiętniki z życia : w 3 t. / E. Felińska. – Wilno, 1856. – Ser. 1. – T. 3. – 443 s.
4. *Felińska, E.* Pamiętniki z życia : w 3 t. / E. Felińska. – Wilno, 1856. – Ser. 1. – T. 2. – 467 s.

The article examines the memoirs of Polish-Belarusian writer Eva Fialinskaya, in which she depicts changes in family and everyday life of the provincial Belarusian nobility at the turn of the 18–19 th, which were caused by the penetration of the West European civilization and the destruction of traditional values under its influence. The writer analyzes the losses and acquisition in this process, being nostalgic about the loss of society identity caused by transition to the European norms of life.

Поступила в редакцию 11.04.11

НАШИ АВТОРЫ

Артемова Ольга Александровна – аспирант кафедры белорусского языка и литературы МГЛУ. Тел. 294-71-14.

Бурделева Ирина Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусского языка и литературы МГЛУ. Тел. 294-71-14.

Быстрова Елена Алексеевна – кандидат филологических наук, ст. преподаватель кафедры грамматики французского языка МГЛУ. Тел. 288-22-15.

Кожарина Татьяна Владимировна – аспирант кафедры лексикологии французского языка МГЛУ. Тел. 288-22-15.

Мосунова Наталья Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Минского института управления. Тел. 285-47-47.

Осмоловская Инна Геннадьевна – ст. преподаватель кафедры интенсивного обучения № 2 МГЛУ. Тел. 284-39-62.

Радикевич Наталья Сергеевна – аспирант кафедры истории и грамматики английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-72.

Самойлова Инна Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и славянского языкознания Гродненского государственного университета им. Я. Купалы. Тел. (8-0152)74-29-75.

Сидоренко Марина Николаевна – аспирант кафедры общего языкознания МГЛУ. Тел. 288-25-64.

Сытько Анна Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики немецкого языка МГЛУ. Тел. 284-81-31.

Хоменко Екатерина Викторовна – аспирант кафедры стилистики английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-63.

Шабашева Людмила Аркадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры грамматики французского языка МГЛУ. Тел. 288-22-15.

Шитикова Ирина Васильевна – аспирант кафедры грамматики и истории немецкого языка МГЛУ. Тел. 284-81-31.

Яскевич Виталий Валерьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики английского языка МГЛУ. Тел. 288-18-02.

Ячная Татьяна Анатольевна – аспирант кафедры лексикологии английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-63.

ВЕСТНИК МГЛУ

Серия 1. Филология

№3 (52), 2011

Научно-теоретический журнал

Ответственный за выпуск *А.М. Горлатов*

Редакторы: *Л.М. Малинина, А.И. Гуторова*
Ст. корректор *С.О. Иванова*

Журнал зарегистрирован
Министерством информации Республики Беларусь 26 апреля 2010 г.
в Государственном реестре средств массовой информации за № 1333

Адрес редакции: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск
E-mail: vestnik@mslu.by

Подписано в печать 24.06.2011. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Ризография. Усл. печ. л. 7,67. Уч.-изд. л. 8,60. Тираж 100 экз. Заказ 39.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования “Минский государственный лингвистический университет”. ЛИ №02330/0548503 от 16.06.2009 г.
Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.

Индекс подписки 75017/750172